

Преподобный Макарий Египетский: Беседа 20. Один Христос, истинный врач внутреннего человека, может у врачевать душу и украсить ее ризою благодати

Проповедь

1. Если кто не имеет у себя божественной и небесной Ризы, т. е. силы Духа, как сказано: «Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его» (Рим 8: 9), то да плачет он и умоляет Господа, чтобы принять ему эту с Неба подаваемую духовную ризу и облегчить ею душу, лишенную божественной действительности; потому что покрыт великим стыдом страстей и бесчестия, кто не облачен в ризу Духа. Как в видимом мире: кто обнажен, тот терпит великий стыд и бесчестие, и друзья отвращаются от друзей, и родные от своих, если они обнажены, и дети, увидев отца обнаженным, отвратили свои взоры, чтобы не смотреть на обнаженное тело отца, подошли и лица их обращены были назад, и покрыли его, отвращая взоры свои (Быт 9: 23); так и Бог отвращается от душ, которые не облачены с полным удостоверением в ризу Духа в силе и истине, не облеклись в Господа Иисуса Христа.

2. Самый первый человек, увидев себя нагим, устыдился. Столько бесчестия в наготы! Если же и телесная нагота подвергается такому стыду, то насколько большим покрывается стыдом и бесчестием страстей та душа, которая обнажена от божественной Силы, не имеет в себе и не облачена по всей истине в неизреченную, нетленную и духовную ризу — Самого Господа Иисуса Христа. И всякий, кто обнажен от этой божественной Славы, столько же должен стыдиться себя самого и сознавать бесчестие свое, сколько устыдился Адам, будучи наг телесно, и хотя сделал себе одеяние из смоковых листьев, однако же носил стыд, сознавая свою нищету и наготу. Поэтому такая душа да просит у Христа, дающего Ризу и облакающего Славою в неизреченном Свете, и да не делает себе одеяние из суетных помыслов, и да не думает, обольщаясь собственной праведностью, что есть у нее риза спасения.

3. Кто останавливается на своей только праведности, и думает сам себя избавить, тот трудится напрасно и тщетно. Ибо всякое самомнение о праведности своей в последний день делается явным, «как запачканная одежда» (Ис 64: 6). Поэтому будем просить и молить Бога, чтобы облечься нам в Ризу спасения, в Господа нашего Иисуса Христа, в неизреченный Свет, которого облеченные в Него души не совлекутся во веки. А напротив того, в воскресение и тела их прославлены будут Славою этого Света, в который уже ныне облечены души верные и благородные, как говорит апостол: «Воскресивший Христа из мертвых оживит и ваши смертные тела Духом Святым, живущим в вас» (Рим 8: 11). Слава неизреченному благоутробию и несказанному милосердию Его!

4. И еще, как кровоточивая жена, истинно уверовав и прикоснувшись к воскрылию ризы Господней, тотчас получила исцеление и иссох нечистый источник кровей, так всякая душа, имея неисцелимую язву греха, источник нечистых и лукавых помыслов, если придет ко Христу и, истинно веруя, будет просить, то получит спасительное исцеление от неисцелимого течения страстей; и силою единого Иисуса иссякнет, оскудеет, этот источник нечистых помыслов; но никому другому невозможно эту язву исцелить. Ибо того и домогался враг, чтобы Адамовым преступлением уязвить и омрачить внутреннего человека, владычественный ум, зрящий Бога. И очи его, когда недоступны им стали небесные блага, прозрели уже для пороков и страстей.

5. Поэтому человек так уязвлен, что никому невозможно исцелить его, кроме единого Господа. Ему единому возможно это. Ибо Он пришел и взял грех мира, т. е. иссушил нечистый источник душевных помышлений. Как та кровоточивая, расточив все имущество на тех, которые бы могли утешать ее, ни от кого из них не получила пользы, пока не приблизилась ко Господу, истинно в Него уверовав, и не прикоснулась к воскрылию риз Его, причем тотчас почувствовала исцеление и остановилось течение крови, так и душу, вначале уязвленную неисцеленною язвою вредоносных страстей, никто не мог исцелить: ни из праведных, ни из отцов, ни из пророков, ни из патриархов.

6. Приходил Моисей, но не мог подать совершенного исцеления. Были священники, дары, десятины, субботствования, новомесячия, омовения, жертвы, всежжения, и всякая прочая правда совершалась по закону, а душа не могла исцелиться и очиститься от нечистого течения злых помыслов, и вся правда ее не в состоянии была утешать человека, пока не пришел Спаситель, истинный Врач, даром врачующий и Себя дающий в искупительную цену за род человеческий. Он один совершил великое и спасительное искупление и врачевание души, Он освободил ее от рабства, и извлек ее из тьмы, прославив ее собственным светом Своим, Он иссушил в ней источник нечистых помыслов. Ибо сказано: «Вот Агнец Божий, Который берет на себя грех мира» (Ин 1: 29).

7. Собственные, от земли взятые врачества, т. е. свои только дела правды, не могли утешать и исцелить душу от такой невидимой язвы; только силою божественного естества, даром Духа Святого — этим одним врачеством мог человек получить исцеление и достигнуть Жизни, по очищении сердца Духом Святым. Но как там жена, хотя и не могла исцелиться, и оставалась уязвленной, однако же имела ноги, чтобы прийти к Господу, и, пришедши, получить исцеление, а подобным образом и тот слепой, хотя не мог прийти и приступить к Господу, потому что не видел, однако же послал вопль, потекший быстрее вестников, ибо возопил: «Сын Давидов, помилуй меня» (Мк 10: 47), и, таким образом, уверовав, получил исцеление, когда Господь пришел к нему и дал ему прозрение, так и душа, изъязвленная язвами постыдных страстей, хотя ослеплена греховною тьмою, однако же имеет волю возопить к Иисусу и призвать Его, чтобы пришел Он и сотворил душе вечное избавление.

8. Как тот слепой, если бы не возопил, и та кровоточивая, если бы не пришла к Господу, не получили бы исцеления, так если кто не приступит к Господу по собственной воле и от всего произволения и не будет умолять Его с несомненностью веры, то не получит он исцеления. Ибо, почему они, уверовав, тотчас были исцелены, а мы еще не прозрели истинно и не врачевались от тайных страстей? Между тем Господь имеет больше попечение о бессмертной душе, чем о теле. Если душа прозреет, по слову сказавшего: «открой очи мои» (Пс 118: 18), то вовек не будет уже слепотствовать, и исцелившись, не будет снова уязвлена. Если Господь, пришедши на землю, имел попечение о тленных телах, то не тем ли больше имеет о душе бессмертной, сотворенной по образу Его? Но за неверие наше, за недомыслие наше, за то, что не любим Его от всего сердца и не веруем в Него истинно, еще не получили мы духовного исцеления и спасения. Поэтому уверуем в Него, и истинно приступим к Нему, чтобы Он вскоре совершил в нас истинное исцеление. Ибо обетовал дать Духа Святого просящим у Него (Лк 11: 13), отверзать двери ударяющим в нее, и дать Себя найти ищущим Его (Мф 7: 7). И не ложен Обещавший (Тит 1: 2). Ему слава и держава во веки! Аминь.

Печатается по: Прп. Симеон Новый Богослов. Творения. Т. 1, Слова 1-52, Троице-Сергиева Лавра, 1993. С. 340-343.

Печатается по: Преподобный Макарий Египетский. Духовные беседы. / Пер. с греч. Репринт. Свято-Сергиевская Лавра, 1994. С. 170-174.

Преподобный Симеон Новый Богослов: Из Слова 41-го

Проповедь

1. К тем, которые причащаются пречистых Таинств достойно и недостойно.
2. Как бывает, что иной соединяется с Богом через святое причастие, а иной не соединяется.
3. Какое различие имеют причащающиеся достойно от причащающихся недостойно.

1. Вместо трапезы, обремененной разными яствами, да будет тебе единый Хлеб жизни, который для чувств видится хлебом, а мысленно есть Тело Христово. Это Хлеб, сходящий с Неба и дающий жизнь миру, от которого вкушающий не только питается, но и животворится и восставляется как бы из мертвых. Этот Хлеб да будет для тебя и пищею и улаждением, ненасытимыми и неистошимыми. Вино же, которое в этом таинстве воистину есть Кровь Божия, да будет для тебя светом неизреченным, сладостью несказанною, радостью вечною. Если будешь пить от этого вина достойно, то не будешь жаждать во веки, только пей с чувством душевным и с мирным настроением душевных сил. — И хорошо вникни в смысл сказанного. Если причащаешься небесного Хлеба и Вина, т. е. Тела и Крови Христовых с чувством и сознанием того, что они есть, то ведай, что причащаешься их достойно; если же не таким образом причащаешься, то ешь и пьешь недостойно. Причащаясь с чистым сердцем и верою, ты являешься достойным таинственной трапезы; если же ты не удостоиваешься этого, то не имеешь единения со Христом.

2. Те, которые причащаются божественных Таинств недостойно, пусть не думают, что через них так просто соединяются с Богом, потому что этого не бывает с ними, и быть не может никогда, пока они таковы. Одни те, которые через причащение божественной Плоти Господней удостоиваются зреть умным оком, осязать умным осязанием, вкусить умными устами невидимое, неосязаемое и невкусимое Божество, — одни эти ведают, как благ Господь. Они не чувственный только хлеб вкушают и не чувственное только вино пьют чувственно, но в то же самое время вкушают и пьют мысленно Бога, двоякими чувствами — души и тела: вкушают плоть чувственно, Бога же мысленно, и соединяются таким образом и телесно и духовно со Христом, Который двойствен по естеству, как Бог и человек, и бывают сотелесники с Ним и сообщники Славы Его и Божества. Таким-то образом соединяются с Богом причащающиеся достойно, — вкушающие от хлеба и пьющие от чаши с ведением и созерцанием силы таинства, и с чувством душевным. А те, которые причащаются недостойно, бывают пусты от благодати Св. Духа, и питают только тело свое, а не души свои.

3. Но, о возлюбленный, не возмущайся против меня, слыша истину, мною тебе возвещаемую: ибо это истина. Ибо если ты веруешь и исповедуешь, что Тело Христово есть Хлеб Жизни и дарует Жизнь вечную тем, которые вкушают его, и что Кровь Его для пьющих ее бывает источником воды, текущей в Жизнь вечную, то скажи мне, прошу тебя, почему ты, причащаясь этих божественных таинств, не приемлешь в душу свою ничего особенного сравнительно с тем, что имел прежде причащения. Но если и чувствуешь малую некую радость, когда причащаешься, то спустя немного времени опять становишься таким же, каким был прежде того, и совсем не ощущаешь в себе самом какого-либо притока жизни или какого-либо прилияния света. Хлеб этот для тех, которые не возносились над чувственным, является простым хлебом, хотя таинственно он есть свет невместимый и неприступный, — равно как и вино таинственно есть Свет, Жизнь, Огонь, Вода живая. Итак, когда вкушаешь ты божественный

Хлеб этот и пьешь это Вино радости, а между тем не ощущаешь, что зажил Жизнью бессмертною, восприняв в себя силу светоносную и огненную, как пророк Исаия принял в уста уголь горящий, и что испил Кровь Господню, как Воду живую и радостотворную, если, говорю, не ощущаешь в себе, что принял нечто из того, о чем я сказал теперь, то как думаешь, что приобщился Жизни вечной, приступил к неприступному Свету Божества, причастен стал Света не переставшего? Нет, брат мой, нет, ничего такого не совершилось с тобою, так как ты не чувствуешь в себе ничего из сказанного. Но Свет этот светит на тебя, а ты слеп, и не освещаешься, и Огонь этот испускает на тебя теплоту, а ты остаешься холодным; и Жизнь эта вошла в тебя, а ты не чувствуешь, и пребываешь мертвым; и Вода живая протекла по душе твоей, как желобу, но не осталась в тебе, потому что не нашла в тебе достойного себе вместилища, чтобы вселиться внутрь тебя. Поэтому, если ты таким образом причащаешься пречистых Таинств, без того, чтобы ощущать какую-либо благодать в душе своей, то причащаешься только по видимости, а в себя самого ничего не принимаешь. Ибо которые достойно приступают к этим таинствам и достойно приготавливаются к принятию в них Сына Божия — Хлеба жизни, сходящего с Неба, к тем Он прикасается ощутительно, и с теми соединяется не смешиваясь, давая осязательно испытывать Свое благодатное присутствие.

4. Итак если ты будешь причащаться божественных Таинств, как я тебе указал; то вся жизнь твоя будет одно непрерывное празднество, одна непреставшая Пасха — переход от видимого к невидимому, туда, где перестанут все образы, тени и символы празднеств, бывающих в настоящей жизни, и где вечночистые вечно имеют наслаждаться чистейшею жертвою, Христом Господом, в Боге Отце и единосущном Духе, всегда созерцая Его и видимы бывая Им, сопребывая и соцарствуя с Ним, — выше и блаженнее чего ничего нет в Царствии Его. Ему подобает всякая слава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Протоиерей Всеволод Шпиллер: Мой путь к Богу и в Церковь

Свидетельства

М. Н.

Восточная философия говорит: «Много путей ведет к заблуждению, к истине ведет только один». И прежде чем встать на этот путь, пришлось пройти через ряд промахов и заблуждений. Я была убежденной атеисткой и активным партийным работником. Но постепенно увлеклась индийской философией. Зерно было посеяно, когда я попала к американцам, пропагандирующим учение Махариши - трансцендентальную медитацию. С помощью этого учения я учила свой разум подниматься над «шумом» мышления в область, где царят тишина и покой, которых нам так не хватает в повседневной жизни. Затем - увлечение наукой разума, основанной, как мне говорили, на учении Христа. Наука разума учила: «Человек - это средоточие Бога в Божием мире. Тот, кем Бог является во вселенной. Человек должен быть в индивидуальном мире» и т. д. Все это были красивые слова, но я не находила главного: как поверить в существование Бога, как освободиться от обстоятельств, управляющих нами, от рабства желаний, как направлять свои поступки? Прошла начальный курс по раджа-йоге, которая учила, как стать хозяином своего ума, как стать личностью. Но, закончив его, дальше не пошла - что-то останавливало.

Моя близкая подруга во время моих «странствий» пришла к вере и уговаривала меня принять обряд крещения в Православной церкви. Но к сожалению, трагедия современного человека в

том, что он воспитан в мире ложных представлений о мироздании и о Боге, и выйти из этого заколдованного круга ему очень сложно. В Православии мне все казалось примитивным, отжившим, хотелось чего-то нового. Чтение же Евангелия давалось с трудом.

Неожиданно я попала на занятия по изучению Библии в кинотеатре «Россия» – опять к американцам. Приняла у них обряд крещения водой. Все, казалось, встало на свои места. Я была всем довольна. Но вдруг заболел муж – инфаркт. Все пришлось приостановить. В течение года, когда я не ходила на эти занятия, меня постоянно информировали о месте и времени встреч.

Когда появилась возможность все возобновить, я стала понимать, что должна идти дальше и что прежняя жизнь не была простой цепью случайностей. Но куда идти?

В декабре 1992 г. у моей подруги умерла мама. Я присутствовала при отпевании. Это было в одинцовском храме Покрова Божией Матери. Тот день траура для меня стал переломным моментом в жизни. Здесь впервые я прочувствовала силу Православия. Через неделю в этом же храме мы с дочерью крестились. Понемногу начала читать церковную литературу и одновременно с ней книги «Живая этика» или Агни-Йога Н. К. и Е. И. Рерихов. Христианство стало для меня камнем преткновения. Нужен был учитель. И в этот момент Господь послал человека, который прошел оглашение. После первой же огласительной встречи я поняла, что это мой путь, который я долго искала, и что наконец-то я могу найти ответы на все волнующие меня вопросы. А кроме того, начинается процесс творчества самой себя, который приносит огромную радость. И становятся понятны слова Христа: «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня». Сейчас для меня в этом вся жизнь.

Н.Н.

«Господи, помоги мне встать на путь Твой, научи, укрепи меня, дай мне силы удержаться на пути Твоем и утверди меня на нем, ибо верую: нет иного пути, кроме Твоего. Ты – наш Спаситель. Прости меня, Господи, что не откликнулась на голос Твой, не обращалась к Тебе за исцелением, а Ты и хранил меня, и звал, и встречи с Тобой были, но по своей воле отпадала я от Тебя. Страшно это отпадение от Тебя. Прости меня, Господи. Помилуй меня. Помоги покаянию моему».

С детства сама мысль о том, что я – крещеная, часто давала мне ощущение защищенности. И слова «Бог хранит», «Господи, помоги!», наверное, были для меня чем-то сокровенным. В воспоминаниях о причащении в детстве – смешанное чувство благоговения, страха, любопытства и еще – причастности всему и всем. Чувство тайны, благоговения, покоя было всегда, когда мне приходилось бывать в церкви. Хотя осознанной веры в Бога не было, не было глубоких размышлений о вере и Боге, но о смысле жизни, о душе, о Любви, о духовности я думала всегда, и в сердце как бы складывала то прекрасное, чистое, сокровенное, к которому не допускалось ничто от «мира сего». А еще с детства было ощущение, что меня что-то или кто-то хранит. Это не было высказываемо, но когда в жизни моей происходили какие-то даже страшные вещи, самое плохое со мною не случалось: кто-то или что-то в последний момент спасали меня. В какие-то моменты жизни были и прозрения: было и обращение к Богу, была молитва. Я молилась и благодарила Бога, своего Бога, личного. Для меня Он был Бог-Любовь. Была благодарность Богу за Его творение, за тихое, умиротворенное чувство благодати в природе, за понимание любви как дара и ее смысла – как полное самозабвенное растворение себя в Любви, как жертвенность.

Когда был при смерти мой отец, я просила Бога спасти его с такой верой и убежденностью в Его всемогущество... и когда решался вопрос о сохранении беременности у моей дочери, о

возможности родов, я была уверена, что моя молитва была услышана, что Бог спас мою дочь, даровал мне внука, уверена, что мы на душу не взяли страшный грех...

Мне много было дано Богом: сама жизнь, любящие родители, замечательные люди, которых я встречала, и понимание добра, красоты, любви, и убеждения, понимание смысла жизни в служении ближним, в самосовершенствовании, в гармонизации личности, в гармонизации отношений между людьми. Но, как я помнила из слов о. Александра Меня, Бог будет судить нас не по нашим убеждениям, а по нашим делам.

Однако жизнь я прожила как бы начерно. Все было только в начинаниях, в приготовлениях. Ничего законченного, все осколочно, раздробленно и противоречиво – и во внешней жизни, и в душе. Противоречия проявились очень рано. Я росла чувствительным ребенком, понимала чужую боль, и страдала и сочувствовала людям, но могла быть и жестокой, и добиваться подчинения себе других. Была и любовь к близким, и страх за них – чувство отторжения, неприятия. Понимание реалий, наполненность жизни, активность и даже лидерство – и какой-то болезненный уход от действительности в мечтания, желание быть кем-то другим (иметь другую внешность, других родителей, другое окружение). Увлеченность учебой, работой – и лень, неумение постоянно трудиться, преодолевать трудности. Чувство прекрасного и возвышенного – и тяга к непотребному. Часто эмоции, чувства были исключительно на первом месте, властвовали. В какой-то мере была даже гордость за сверхчувствительность, за накал страстей: свою жизнь и жизнь близких я превращала тогда во что-то страшное, в тиранию чувств.

Но себя я почти всегда понимала. Что-то шло от рождения, что-то от воспитания, но главным образом – от постоянной рефлексии. Я рано начала различать добро и зло. Были поступки, за которые мне было стыдно даже не по прошествии какого-то времени, а в самый момент их совершения, т. е. грех я ощущала как грех, а не как что-то иное, и само слово «грех» для меня всегда имело значение довольно определенное. Сама перед собой все же никогда не оправдывалась (хотя перед другими могла и обелять себя, и лукавить, и винить кого-нибудь в своих бедах), знала все свои пороки и судила себя за них, ненавидела, казнила. Часто и перед близкими людьми саморазоблачалась, признавалась в своих грехах, самоуничжалась, говоря потом, что «самоуничжение паче гордыни». Был страх и ужас от всего этого, и желание очиститься, и постоянные (но слабые!) попытки вырваться из порочного круга, но лишь в экстремальных ситуациях, в периоды жизненных кризисов находила в себе силы для изменения внешней жизни и внутренней. Но ненадолго, все возвращалось снова...

С раннего детства я боялась смерти, а к 9 годам это стало маниакальной, навязчивой идеей, ужасом. Каким-то образом я научалась все же справляться с этим страхом, но постоянно возвращалась мысль о том, что не успею подготовиться ни к смерти близких, ни к своей собственной, что так и не исправлю свою жизнь. Я безосновательно успокаивала себя: еще не поздно, еще успею, еще начну. Все чаще начинала думать о Воскресении Христовом, желала себе и другим возрождения и воскресения. Давала клятвы себе: жить в труде и заботе о ближних, очищать себя от скверны праздности, словоблудия, сладострастия, искупать свои грехи. Часто в слезах наедине с собой восклицала: «Господи! Люди! Простите меня!» Я хотела, не смотря на то, что я такая, какая есть, и любви, и понимания, и сочувствия. Но было ощущение одиночества и понимание, что не достойна любви.

Сколько еще так могла бы продолжаться моя жизнь – в постоянных мытарствах, в перепадах от надежды к отчаянию, от взлетов, которые становились все реже, к падениям, которые длились все дольше? Казалось, что конца этому не будет. Не успела ничего хорошего сделать для своих близких. Пять лет назад умерла бабушка: а я все собиралась записать ее рассказы о жизни, быть с ней почаще, утешать ее... и маме не смогла помочь, когда она (всегда такая деятельная,

жизнерадостная) в последние годы стала ощущать какую-то безысходность, говорить о бессмысленности жизни... не воспитала я должным образом и дочь. Не была ни хорошей дочерью, ни женой, ни матерью, ни другом. Прожила жизнь – и не для себя даже, а похотей ради своих. Причина же оказалась в том, что я всегда надеялась на кого-то: на родителей, на близких людей, и вот я лишилась этой опоры (видимой и невидимой). Всякая постройка без основания в конце концов рушится, это и произошло в моей жизни. Через потрясения, боль, ужас, панику...

Два года назад в один день я изменила свою внешнюю жизнь. Не было больше распущенности, в словах и чувствах, не было больше беспечности. И хотя внутренне я никого никогда не винила, а в своих бедах, несчастьях видела закономерность, причинно-следственную связь, все же прошла и через чувство мщениия и ненависти. Но я уже постоянно молилась Богу, и только в Нем видела спасение из бездны отчаяния и пустоты. Просила Бога помочь мне все осознать до конца, найти выход, просила прощения и умения прощать.

В это же время от рака умирала моя мама. Казалось бы, я нашла Бога, иду к Нему, а тут снова пустота, оставленность... Смотришь – и не видишь, и понимаешь, что не видишь, не чувствуешь уже ничего, мертвость – почти физическая, ощущение, что хочешь вздохнуть, и не можешь сделать вдох.

Я молилась, чтобы Бог вернулся ко мне. И появилась надежда. Я по крупичкам собирала (совершенно сознательно, сначала от ума) какие-то приметы своего возрождения: вот совершенно неожиданно, вдруг, когда и не ждешь ничего, – улыбка ребенка или кто-нибудь взглянет участливо и внимательно; а вот освещенный солнцем, весь золотой тополь, как будто Бог мне дал увидеть маму... Я благодарила Бога за все.

Я не могла не прийти в общину.

Несколько лет назад у меня в доме появилась Библия. Я читала Евангелие время от времени, но, скорее, как миф. Для меня тогда не открывалось и сотой доли того, что я начала чувствовать и понимать сейчас.

Никогда раньше я не знала такой молитвы, таких очищающих слез, такой ясности и такой веры: «Благо мне, что я пострадала, дабы научиться уставам Твоим»,

Я молюсь Господу о том, чтобы не быть мне почвой каменистой, чтобы иметь корень и постоянство, не обольщаться заботами века сего, чтобы принести плоды во имя Его. Помогите мне, Господи!

Священник Георгий Кочетков: Первая миссионерская «открытая» встреча

Миссионерство и катехизация

Огласительное училище при Свято-Филаретовской московской высшей православно-христианской школе (январь 1997 г.)

Дорогие братья и сестры! Поздравляю всех собравшихся здесь: вы знаете, что сегодня – не просто воскресенье, а Крещение Господне, или Богоявление – большой церковный праздник, который касается очень многих людей, потому что неиссякаема в нашем народе мода на

святую воду. По-прежнему стоят километровые очереди, в которых можно обнаружить самых разных людей. И цели их стояния тоже самые различные.

Но вот мы с вами сегодня собрались для того, чтобы немного, но всерьез поговорить о Христианстве. Мы приглашали сюда всех желающих, интересующихся Христианством, независимо от исходных позиций, независимо от того, сколько у вас за душой вопросов, проблем, – а наверняка они есть, и скорее всего их немало – независимо от возраста, национальности, пола, культуры, даже вероисповедания, если оно уже сложилось. Единственная просьба заключается в том, чтобы сюда приходили люди, интересующиеся Христианством. Христианством как жизнью, Христианством как верой, Христианством как той реальностью, которой живут многие, но которую все-таки многие не знают.

В наше время интерес к вере очень велик, необыкновенно велик, но этот интерес довольно сложно оформляется. Если в конце 80-х годов как-то все вдруг вспомнили про Церковь в связи с 1000-летием Крещения Руси и начали в массовом масштабе креститься, свечи ставить, покупать детскую Библию и т. д., то сейчас все по-другому. Раньше «на ура» воспринималось всякое выступление в защиту Бога, Церкви, духовно-религиозной традиции нашего народа, нашей страны и вообще мировой духовной культуры. Сейчас несколько иначе, поскольку люди за это время что-то прочли, что-то усвоили, с чем-то реально столкнулись, начали понимать, что не всякое слово о Боге тождественно нашему традиционному Православию. Но и не все, что называется нашим традиционным Православием, как-то легко ложится на душу и на сердце. Иногда это вызывает протест, сопротивление, порой очень справедливые. И возникают вопросы, вопросы, вопросы. Человек ищет на них ответы, а получается, что этих вопросов становится все больше и больше.

Ну вот, попытаемся теперь хотя бы начать серьезный разговор, взрослый разговор о Христианстве. Я считаю, что со взрослыми людьми надо вести серьезный разговор. Поэтому, кстати, нельзя взрослому человеку давать детскую Библию, даже если он еще ничего не знает. Взрослый человек достоин такого внимания, чтобы с ним говорить о его взрослых проблемах на взрослом языке. Вот и попробуем поговорить.

В первой части нашей встречи будет несколько свидетельств. Вначале я что-то расскажу о Христианстве вообще и о своем опыте восприятия веры, потом – другие братья и сестры, несколько человек, сколько успеем, сколько вам захочется, те, кто уже является членами Церкви, верующими. Потом сделаем маленький перерыв, и после перерыва вы сможете задать любые вопросы, а если вам будет достаточно первой части встречи, на этом можете и завершить свое пребывание здесь. Впрочем, это можно сделать в любое время. Я хотел бы подчеркнуть, что обстановка здесь совершенно свободная: вы можете вставать, садиться, ходить, выходить – все, что вы считаете нужным, делайте, лишь бы это соответствовало тому, ради чего мы собрались. Вы не возражаете, если мы построим нашу встречу таким образом: вначале свидетельства, а вопросы – во второй части? Хорошо. Потому что иначе, если мы начнем реагировать на вопросы сразу, мы будем все время отвлекаться в разные стороны, и у нас ничего целостного не получится. Вы согласны?

Итак, я хотел бы оттолкнуться от того, с чего начал. Сегодня Крещение, сегодня особый день. День – как день, как сутки, и день – как особый период нашей истории, нашей реальности, нашей земной жизни. И, может быть, лучше всего сегодняшней день нам и сделать отправной точкой.

В чем же смысл сегодняшнего праздника, в чем смысл святой воды? Кажется, что все это простые вещи. О празднике можно прочитать в Евангелии, это совсем не трудно, ибо во всех Евангелиях говорится о том, как Господь наш Иисус Христос был крещен в Иордане от пророка

Иоанна Предтечи, как Дух Святой сошел на Него в это время, как был глас с Неба, свидетельствующий о том, что этот Иисус, на Которого указывал пророк, есть «Сын Божий Возлюбленный» и «Его слушайте».

Так написано в Евангелии, но вы все понимаете, что за этим стоит реальность очень непростая. И ведь действительно, ни на русском, ни на древнееврейском языке был глас с Неба, и не на греческом языке, на котором были первоначально написаны Евангелия. Значит, что-то произошло такое, что было интерпретировано Евангелием, что дошло до нас. Почему-то ведь мы празднуем это событие и почему-то воду освящаем в эти дни, и уносим ее по домам, пусть иногда и с суеверным оттенком относясь к этой воде. Действительно, это бывает – несколько языческий оттенок, когда людям хочется во что бы то ни стало иметь дома святыню, которая служила бы неким оберегом от всяких напастей, бед, скорбей, сглазов, порчи и т. д. Есть в этом, конечно, суеверное, не вполне христианское отношение, хотя иногда оно и пропагандируется чуть ли не с амвонов.

Но все же сейчас мы не будем говорить о периферийных вопросах. Будем говорить по существу. Вы знаете, что сегодняшний праздник Крещения Господня имеет и другое, церковное, древнейшее название – Богоявление. А это само по себе очень важная вещь. Что значит Богоявление? Бог является. Бог является людям Сам, непосредственно, являет Себя им, потому что эти люди добраться до Бога при всем их желании, при всей их симпатии к Богу, при всем взаимном притяжении не могут. Не могут, так как что-то мешает. Мешает наша человеческая немощь, озлобленность, грехи наши мешают. Мешают наши заблуждения, предрассудки, привычки, суеверия – масса вещей мешает.

Так вот, Бог являет Себя Сам. Он Сам открывает Себя, и люди что-то из этого почерпают. Они чувствуют, они знают, что если они способны принять это откровение, то могут изменить и себя в том направлении, в каком они, очевидно, желают это сделать. И не при помощи волшебной палочки, а каким-то иным образом, значительно более существенным, значительно более удовлетворяющим человека, если он не хочет быть только наивным ребенком, особенно умом.

Богоявление – это некое чудо, это некая тайна, это некое наше с вами богатство. И вся Библия является живым свидетельством о таких Богоявлениях, происшедших в истории, или, может быть, в метаистории, или, может быть, в доисторические времена, или, может быть, вонне исторического времени – это кто что там найдет, кто что увидит, кто что почувствует... И вот, люди хотят быть богатыми в том смысле, что они не хотят быть пустыми, они хотят быть приобщенными к некоей полноте Жизни, к некоему Совершенству, к некоей Силе, которая соответствовала бы призванию человека, высшему его призванию, которая бы не оскудевала и которая сама могла бы себя поддерживать. Человеку свойствен поиск, поиск того, что приобщает его к вечности, к инобытию, ибо в вечности есть некое инобытие, то есть что-то, что в принципе выходит за рамки нашей обыденной жизни.

Так вот, Богоявление происходило и происходит во Христе. Но Богоявление происходило и тогда, когда творился мир, и вообще всякий раз, когда Бог непосредственно посылал в мир Свою силу.

У людей в истории, надо сказать, редко возникали соблазны безбожия в смысле полного неверия – не безбожия в смысле незнания истинного Бога, это, увы, преследует людей с самого первого дня их истории, человеческой истории, – а именно безверия. Все люди так или иначе верующие. Практически нет людей неверующих. Атеизм дословно – это «безбожие», но не безверие. Вы, наверное, об этом не однажды слышали и это хорошо знаете. Человек, отрицающий Бога, Единого Бога, Бога Творца, Бога, Который заботится и спасает человека по

библейскому Богооткровению, человек, отрицающий такого Бога, и есть атеист. Человек может быть даже не отрицающий Бога рационально, но лишаящийся присутствия Божьей силы, Божьей славы, тоже становится атеистом, кем бы он ни был, будь то хоть священнослужитель, хоть папа римский, хоть патриарх – я не знаю, кто вам больше нравится. Безбожие может посетить любого человека, достаточно ему лишиться Богоприсутствия, как бы оторваться от той цепи Богоявлений, которыми живет мир.

Интуиция такого рода известна людям испокон веков. Повторяю, неверующих людей на земле почти нет, все во что-то или в кого-то верят. Да, могут быть ложные боги, да, конечно, вера бывает истинная и менее истинная, или совсем неистинная, все это может быть, ибо найти истинную веру не так просто. Нельзя всего лишь оперировать в отношении себя словом «православие», чтобы гарантировать то, что в человеке есть истинная вера.

Мы завели речь о Богоявлении не только как о празднике, но и о том, что Богоявление – это главное богатство человечества, главное богатство мира, о том, что человек стремится к таким Богоявлениям, всякий человек, но не всегда достигает этой цели. Человек хочет быть вместе с Богом. Иногда он видит в этом высшее свое призвание, но думает, что все это только его человеческое желание и больше ничего. Дело, в конце концов, не в словах, а в реальности, которая за ними стоит. Нам с вами важно почувствовать, что в Боге проблем нет, все проблемы в нас. Если мы без Бога, то это наша проблема, если мы не имеем истинной веры, это наша проблема, если мы живем суеверием, ложной верой, поклоняемся ложным богам, это наша проблема, даже если это не такие уж примитивные божки, как кошелек, дача, связи, машина. Есть еще другие достаточно примитивные вещи, например, секс и т. п., которые в наше время, конечно, для многих являются идолами. И есть тонкие вещи, они тоже – ложные боги, но тонкие. Достаточно обожествить такие сами по себе хорошие вещи, как, скажем, культура, нация, государство, общество, народ, своя история, свои человеческие ценности, и мы попадаем в ту же область идолопоклонства, в ту же область язычества. Хотя сами по себе это вещи хорошие, но они не должны стоять на Божьем пьедестале, им не должно воздавать Божеских почестей. Очень часто мы этого не понимаем, очень часто нам кажется, что то, от чего мы более всего зависим, – это и есть самое главное. Мы не понимаем, что наша жизнь зависит в первую очередь именно от Бога.

Посмотрите, вы, наверное, обратили внимание, что, кажется, давно уже прошли старые времена, коммунистические, псевдокоммунистические, и тем не менее вы нигде всерьез не увидите, не услышите никакого разговора о Христианстве, о Церкви. Вы увидите массу всяких атрибутов церкви – культурных, общественных, исторических, это – пожалуйста, в неограниченном количестве, что всем даже немного надоело. Когда я вижу на улице эти плакаты «С Рождеством Христовым!», как, вы знаете, «Да здравствует 1 Мая!», меня это немножечко коробит, скажу вам честно. Меня не так коробят свечки в руках правителей, потому что кто знает, что происходит при этом в душах людей? В конце концов, правители – прежде всего люди. А вот такие плакаты, ничего не означающие, совершенно безликие, бесцветные, меня немножко раздражают.

Так вот, есть проблема нашего идолопоклонства, того, что нам «являются» боги, которые на самом деле – демоны. То есть мы обожествляем то, что не должно быть обожествлено. Демон в переводе означает божественный. Для кого-то космос имеет божественное значение, для кого-то общество, нация, история, государство или еще что-то, что мы уже называли под именем более примитивных божков. Нам нужно наконец разобраться с этим. Мы все с вами религиозны, абсолютно все, даже тот человек, может быть, из сидящих здесь, который, очень не любит это слово и никогда к себе его не применяет. Все равно он на самом деле религиозный, даже если он страшно светский и никогда не ходит в церковь, или в мечеть, или

в синагогу, или еще куда-то, и даже не думает об этом. Человек может не воздавать видимых почестей Богу и тем не менее быть религиозным. Можно сидеть у телевизора – и исполнять целый культ. Ну, известны соответствующие боги молодежи, известны и боги не молодежи. Это вопрос веры.

Так вот, давайте, говоря о Богоявлении, затронем этот вопрос, вопрос веры. Прежде всего должен вас предупредить: не путайте, пожалуйста, веру с извращениями веры, как это делали многие годы деятели атеистической пропаганды. На мой взгляд, сознательно обманывая народ, они путали веру, скажем, с суеверием, или веру с фанатизмом, внушая, что если у человека есть сильная вера, то он фанатик, забывая при этом сказать, что фанатизм – это совсем не характеристика силы веры, а констатация печального факта, свидетельствующего о том, что вера лишена любви, что эта вера несовершенная, что эта вера больная, хромая.

Ведь почему все мы одинаково плохо реагируем на всякого рода фанатизм? Да потому что мы знаем, что значит быть лишенным любви или встретиться с человеком, который не приобщен к любви, который не ценит любовь, не имеет любви. Но это страшно, и правильно, что страшно, потому что где нет Любви, там нет Бога, а где нет Бога, там тьма, там «тьма внешняя», или, говоря на старом языке, «ад кромешный». «Ад» – это и есть «тьма», а «кромешный» в переводе со славянского на русский означает «внешний».

Еще иногда думают, что в церкви поддерживается вера слепая, глупая, этакое легкое верие, которое легко обращается в суеверие. Это не так. Церковь сама по себе не поддерживает такой веры. Да, эти явления в церковной сфере есть и, к сожалению, очень распространены, но это не значит, что церковь их поддерживает. Церковь не поддерживает веру, которая не способна познавать. Евангелие нам говорит, что жизнь вечная в том, чтобы знать Единого Истинного Бога и посланного Им Иисуса Христа, т. е. иметь как раз ту самую познающую веру, веру, способную познавать Бога и какие-то предельные, великие жизненные ценности. Таким образом, слепая вера, глупая вера – это также больная вера или вера инфантильная. Дети могут иметь слепую веру, вы знаете, как они легковерны. И это их недостаток, хотя иногда и сила, потому что современный взрослый человек бывает очень рационален и вообще не способен к глубоким подлинным духовным чувствам, в отличие от детей. Но дети легко обманываются, и их легко обмануть, а человек взрослый не должен быть таким, чтобы его легко было обмануть, особенно в области веры, в области того, что относится к глубине его жизни.

Вера – это не идеология, как и Христианство – это не какая-то идеология, или система идеалов и идей. Христианство не идеалистично, хотя и не материалистично. И то, и другое не относится к Христианству. Так вот, мы не должны отождествлять и веру с идеологией, идеалами и идеями. Вера – это некая характеристика нашего сердца, сердцевины нашей жизни. Мы берем понятие «сердца» в древнем смысле этого слова, «сердце» не как физический орган, а как «сердцевина», глубина нашего «я». Именно об этом сердце как о средоточии Духа постоянно говорит нам Церковь, и нужно научиться понимать ее язык, иначе мы ничего не поймем или не сможем ничего выразить и передать другим, что тоже – беда. Мы должны иметь открытое сердце, и в этой открытости сердце дерзновенное и смиренное, т. е. не пыжащееся быть выше Бога и ближнего.

Таким образом, вера должна быть просто живой. Она должна знать, чему открываться и кому открываться, а чему и кому не открываться. И здесь, кажется, у нас часто бывают недоразумения. Мы как бы лишены ориентиров. Нам говорят о Христе, что в Нем, этом Человеке, удивительном, Человеке, уникальном, единственном за всю историю Человеке, обретается вся полнота Божества, живет вся полнота Божества, и в этом смысле Он – Бог, а мы слушаем, и не слышим, потому что не привыкли к таким вещам. Не привыкли слушать и

слышать! Нам говорят о благодати, о Любви, а мы снижаем эти понятия к своим представлениям о них, к своему опыту, часто совсем не просвещенному, совсем языческому. И путаем ту Любовь, о которой говорится: «Бог есть Любовь, и познавший Любовь познал Бога», с любовью какой-то душевной, эмоциональной или просто чувственной, физической. Нам говорят о Свободе, и мы, кажется, готовы принять всякое слово, которое всерьез говорит о свободе, но мы тут же подменяем эту высшую божественную реальность, ибо Бог есть Свобода, если уж не сразу хаосом и произволом, то просто свободой выбора, т. е. вещью, достаточно душевной. Нам говорят об Истине, которая также божественна, и Христос не случайно говорит: «Я есть Путь, и Истина, и Жизнь», а мы эту Истину размениваем на мелкую монету мелких человеческих прав и правд, которые в конечном счете оказываются у каждого свои, потому что слишком частичны, нецелостны и непоследовательны. Нам говорят о Духе, и кажется, что может быть лучше, чем разговор о Боге как о Духе, а мы путаем Дух и душу, а мы не умеем различать духи и готовы, встретившись с любым духом, принять его за Бога, хотя это может быть просто-напросто злой дух. Нам говорят о Свете, о Просвещении, и опять же не случайно Христос говорит: «Я Свет миру», а мы готовы иметь в виду под просвещением чуть ли не методику образования. Мы постоянно путаем все на белом свете. Не случайно прекрасно писал академик С. С. Аверинцев, что всякая путаница нужна дьяволу, всякая нечеткость внутри человека, в мыслях, действиях, словах – не от Бога.

Сейчас мы как бы готовы познавать тайну человека, но не знаем, что это невозможно без Богопознания. Или наоборот, мы так не доверяем человеку, что готовы бросить все, отвернуться от всего, от человеческого общества, и культуры, и истории, и от самих себя, кажется, готовы отречься, и от своих ближних ради Бога – благородная, мол, задача, – но забываем, что нельзя найти Бога, потеряв человека. А не случайно древние, II века, святые уже писали: «Покажи мне твоего человека, и я покажу тебе моего Бога».

Действительно самое страшное в этой путанице в том, что мы не видим выхода из нее, что нам совсем не ясно, как распутаться. Одни говорят одно, другие говорят другое, третьи – третье. Ну как можно всех слушать? Ну невозможно же! Сколько людей, столько и мнений, – надоест. Человек начинает надеяться на себя, но и здесь опора оказывается не очень прочной. Только на себя надеяться нельзя, любить только себя нельзя, но любить только других и надеяться только на других – тоже нельзя. Вот мы и мечемся между этими бесконечными противоречиями.

В этом главная трудность нашей духовной ситуации. В нас отсутствуют критерии, система отсчета, потому что каждый, кто утверждает что-то, имеющее отношение к духовной жизни, во-первых, никогда до конца не может это доказать, а во-вторых, каждый считает себя до конца правым и не очень готов поделиться этим свойством с другими. Раньше люди жили духовными примерами, как бы такими духовными авторитетами, которые когда-то однажды в своей жизни доказали свою правоту, свою правильность, свою праведность, и тогда люди начинали подражать им. Вот, как в Библии: мы верим в Того Бога. В какого? В Того, Который открылся Аврааму. Авраам для нас авторитет, и мы верим, мы знаем, как назвать нашего Бога, хотя все имена недостаточны, мы говорим: это Тот Бог, Который говорил через пророков, это Тот Бог, Который явился во Христе, это Тот Бог, Который открылся Аврааму, Исааку, Иакову, это Тот Бог, Который сказал о Себе: «Я есть Существующий, и только Я существую, а вы тоже существуете, но лишь постольку, поскольку мы с вами находимся во взаимосвязи. Вы от Меня получаете существование, а если вы не получаете его, то вы не существуете. Вы перестаете существовать, вы начинаете умирать». Как говорили святые отцы: «Есть смерть духовная прежде смерти физической». Я не буду говорить о том, что очень часто человек, умирающий духовно, тут же умирает и физически, даже если для этого на него просто свалится сверху какой-то камень. Помните у Булгакова в «Мастере и Маргарите»? «Кирпич ни на кого никогда

еще просто так сверху не падал».

Человек, теряя веру, действительно начинает умирать! Вы ведь прекрасно знаете, от чего люди кончают жизнь самоубийством. Сейчас уже есть более-менее подлинная статистика, и все интересующиеся люди могут сами убедиться. От чего умирают люди? Они умирают, когда теряют любовь, или когда эту любовь жестоко предают. Они умирают, когда разуверились в жизни. Я не говорю, что потеряли православную веру, поймите меня правильно. Часто даже какие-то суррогаты могут поддерживать человека, суеверие может поддерживать человека необыкновенно долго. Это не будет вера, но человек не умрет, пока еще хоть какое-то подобие веры сохраняется в нем, пусть даже зряшная, суетная вера, вот то самое суеверие. И еще когда человек теряет надежду, когда он отчаивается, он тоже умирает. Вот страшный бич нашего времени – отчаяние. Отсюда всякого рода депрессии, бесконечно снижающийся тонус жизни – это значит, что человек умирает. И еще человек, перестающий знать себе меру, т. е. не знающий смирения, тоже умирает. Человек, не знающий себе меру и поэтому готовый бесконечно возвышать себя над всеми, – он тоже умирает. Это гордость, о которой говорится в Писании: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать».

Даже если вы, более-менее здоровые, взрослые люди, предположим, сознательно никогда не имели никакого отношения ни к Библии, ни к церкви, ни к молитве, ни к христианской культуре, все равно то, о чем мы с вами сейчас говорим, думаю, вам должно быть понятно. Потому что никто из нас не хочет умирать, как говорится, ни за что, впустую, просто так, без всяких положительных последствий. Такую бессмыслицу жизни человек не приемлет и восстает против нее. Всякий человек, пока он человек, пока он еще живая икона Бога, образ Божий (образ – по-гречески «икона»), должен жить! Человек призван к жизни, к жизни во плоти, воплощенно, но не просто в смертном теле, потому что это тело, естественно, принадлежит материальному миру и должно умирать. Что-то в человеке должно быть такое, чтобы не умирало, причем это должна быть не просто душа и не просто в некой загробной жизни. Всем нам надо иметь такую надежду.

До революции очень злоупотребляли христианством и постоянно говорили о нем в контексте некоей загробной жизни. Слава Богу, давным-давно от этого отошли, об этом даже забыли, хотя сейчас, кажется, возрождаются и такие разговоры, наряду с вещами хорошими и нужными. Но Христианство, простите, ничего нам не говорит о загробной жизни. Вот, пожалуйста, буддизм говорит, и некоторые другие учения говорят о загробной жизни. Христианство же ничего не говорит о загробной жизни! Христианство утверждает, что Царство Божие, которое не пища, не питье, не что-то внешнее, а правда, т. е. праведность, мир и радость во Святом Духе, должно открыться сейчас, пока мы живы в этом теле, и если мы не познаем Бога этого Царства сейчас, то мы ничего не познаем потом. Никакой загробной жизни, ни о каком естественном бессмертии души Христианство нам ничего не говорит. Это не христианская тема. Христианство говорит о спасении всего человека в его духе, душе и теле. Правда, преображенном теле, это да, это всерьез. Но это спасение и преображение должно начаться сейчас, и должно быть проверено вашим опытом жизни сейчас. А от этого уже зависит все, все остальное. Конечно, и то, что связано со смертью земной, смертью первой, как называет ее Библия, потому что бывает еще смерть вторая.

Когда мы стремимся к Христианству, мы очень часто даже не подозреваем, к чему мы стремимся. Мы не знаем, чего можно в Церкви искать. Мы не знаем, что можно найти в Боге. Мы не знаем, что для этого нужно найти и ближнего, хотя, наверное, и слышали о двуединой заповеди любви к Богу и к ближнему. Если хотите, скажу вам больше: верно, на мой взгляд, говорят те, кто называет Христианство верой в Бога и в человека. Христианство есть Любовь и Свобода в полноте их жизненной реальности. Но к этой полноте надо идти, она может

открыться нам, но обрести ее не так легко – для этого надо потратить жизнь. Поэтому мы и христиане, т. е. верующие во Христа, чтобы во Христе нам открылся в полноте и Бог, и человек, и чтобы личностное начало вошло в человеческую плоть и кровь, в человеческую жизнь. Надо сказать, это возможно только во Христе и через Христа. Вне христианства личности нет или почти нет. Есть место, может быть, яркой индивидуальности, это вопрос другой, но не личности. А у человека есть неизбежное желание быть личностью, а не просто яркой индивидуальностью, которая отличала бы одного человека от других.

Мы все исстрадались от безличностной нашей жизни. Может быть, самая очевидная неправда прежней идеологии и строя была в том, что прежде всего подавлялась личность, не было места личности. Личность уничтожалась. Признавалась толпа, масса, признавались классы, интересы, функции, законы развития природы, общества и т. д., но не было места личности. И человек восставал, если он сам не хотел превращаться в эту серую массу. И многие из нас, наверно, помнят такие восстания в собственной душе, даже если мы не имели в себе сил проявить это вовне. Вот эту проблему разрешает для нас христианская вера и христианская жизнь.

Христианство не может быть только верой, Христианство всегда еще и жизнь по вере, как и вера по жизни. Мы все, наверно, хотели бы жить так, чтобы наше сердце успокоилось, перестало сомневаться, перестало унывать, перестало гордиться, перестало завидовать, перестало лгать, перестало омрачаться и оскверняться всякой нечистотой. Это то стремление, которое, думаю, свойственно всем людям, даже если они вовсе не думают о Христианстве. Это то, что уже принесено самой христианской культурой в мировую, а не только в русскую культуру.

Христианство существенным образом преобразило человеческую историю и культуру, и мы можем из этой сокровищницы черпать что-то для себя, а заодно и не только для себя, а для наших ближних, которых мы все-таки любим, даже когда ругаемся с ними, даже когда живем в обидах, неправдах и, увы, когда им иногда изменяем. Мы все равно их любим и не можем себе представить жизни без такой любви, хотя бы к самым близким, самым родным.

Вот чего касается наша вера, вот о чем мы пришли сюда говорить. Наверно, уже достаточно нам плавать по поверхности, достаточно собирать лишь опавшие листья, нам нужно иметь доступ к древу вечнозеленеющему, в котором могут укрываться птицы небесные. По Евангелию это древо связано как раз со всем миром Божиим, с Царством Небесным. Вот давайте попробуем дальше поговорить о человеке, о Церкви, о Боге, о нашей жизни, об опыте, который мы ценим, о ближних, которых любим, о врагах, которых не любим, но по Евангелию призваны любить.

Вот давайте говорить дальше о таком Христианстве. Мне кажется, что только в таком ключе это будет серьезный разговор. Иначе – все-таки потеря времени, может быть, даже в интересных занятиях, в интересных разговорах, но все-таки потеря. Мы и без того слишком много времени и сил теряем впустую, слишком много пребываем в суете, и не хотелось бы это продолжать. К слову говоря, суета не означает, что у человека много дел: он может лежать на печи и суетиться. Суета – это то, что мы делаем зря, что ни к чему, что никому не нужно. Попытаемся же уйти от суеты, от суеты нашей жизни, наших мыслей, наших чувств, наших дел, наших слов, наших отношений, наших контактов... Думаю, тут вы понимаете, чем отличаются контакты от общения. Например, нынешние люди часто не говорят, что они общаются, они говорят, что они контактируют. Контакты – это что-то внешнее, безответственное, а общение всегда требует усилия и подвига духа.

Если вы не возражаете, я сейчас на этом закончу и дам слово, как и обещал, нашим братьям и

сестрам, которые, может быть, сказали бы о своей христианской вере, так как все они, все, кого я здесь вижу, пришли к вере взрослыми, никто из них не родился в вере, не был воспитан в вере. Вообще, поразительное дело: у нас один из самых больших приходов в Москве и более двух тысяч постоянно ходящих членов прихода, но я, кажется, не могу вспомнить больше двух-трех человек, которые были бы воспитаны в вере с детства. В этом, наверно, какое-то знамение времени. Куда делись те, кто родился и воспитывался в верующих семьях? Их нет. Мне кажется, что и из собравшихся здесь не много таковых.

Предупреждаю, мы сегодня не будем говорить о разных христианских церквях. Давайте договоримся, если вы не возражаете, не будем устраивать конфессиональных споров. Условно примем то, что Православие есть Христианство, а Христианство есть Православие. Думаю, вы понимаете, почему я вас об этом прошу. Можно и нужно иногда спорить о вере, но тогда, когда есть хорошая система отсчета, которая человеку очень хорошо известна. Надо полагать, что этого мы с вами еще не достигли. Я не имею в виду всех присутствующих, и уж конечно, не имею в виду владыку, епископа Серафима, присутствующего здесь, и других священников, которых я сердечно приветствую. Но давайте сейчас говорить о Христианстве, потому что внутрехристианские споры грозят выразиться в ту самую суету, о которой я только что говорил. На том уровне подхода к Христианству, который мы принимаем сейчас, в начале нашего разговора, наверно, нет принципиальных различий между христианскими конфессиями – Православием, Католичеством, Протестантизмом. Да, они где-то есть, но возникают они на большей глубине, на уровне неких следствий, но все-таки не основ, не корней.

Если вы не возражаете и против этого, то я попрошу сейчас наших братьев и сестер, тех, кто захочет выступить, просто коротко рассказать о том, что для них их Вера, чем их жизнь во Христе в Церкви отличается от того, что было с ними прежде, чем они стали христианами. Может быть, живые примеры будут убедительнее моих долгих, но, надеюсь, все-таки не бесполезных рассуждений. Согласны? Согласны. Пожалуйста, кто хотел бы сейчас выступить?

Галина Серова

Я коротко скажу о своей жизни. Выросла я в очень хорошей семье. В очень хорошей. Чем больше я живу, тем больше я ценю свое детство и понимаю, как много мне дала моя семья. Самое главное, что было в нашей семье, – это какая-то абсолютная честность, открытость друг к другу, любовь друг к другу. С этим я жила все свое детство и с этим вышла в мир.

И вот, когда я вышла в мир, то оказалось, что так жить, как я жила, все то, с чем я жила так просто, не задумываясь, любила тех, кто со мной рядом, кто меня окружает, и не было никогда вопросов любить или не любить, – все это не то, чтобы плохо или неудобно, а опасно. Быть искренним – опасно, быть открытым к людям – опасно, пытаться любить людей – тоже опасно. Самое, может быть, большое открытие для меня было то, что я со своей искренностью, открытостью и честностью любить никого не могу, а люди, несмотря на то, что они не так честны, не так искренны, они-то умеют любить друг друга. И было огромное желание быть с людьми, жить с людьми, но при этом не теряя того, что мне дали в детстве близкие люди. А как это совместить – было совершенно непонятно, по крайней мере, я не находила такого выхода в своей голове.

Однажды я говорила о вере с одним человеком, с которым мы вместе учились в университете, и я его тогда спросила «в лоб»: «Ну скажи мне, в кого ты веришь? Или во что?» И он мне ответил: «Я верю в Такого Человека Иисуса Христа, Который жил, умер и воскрес, Который есть Бог и к Которому я могу обратиться». И это было сказано так просто, особенно в стенах университета, где все любят так умно и красиво рассуждать, что эта простая фраза меня буквально потрясла. С этого начался путь в Церковь. Я не буду рассказывать о каких-то

случаях, потому что их было так много, я в Церкви живу больше 10 лет, но могу с полной уверенностью подтвердить слова, сказанные мне тогда: «Он жив, и я могу обратиться к Нему».

Вот то, с чего начался сегодня разговор, Богоявление – ведь это же не один день, в моей жизни все эти годы это происходит каждый день. Бог является постоянно. И благодаря Богу я знаю, что могу быть открытой людям. Я могу понести открытость людей к себе, я могу любить людей, я могу принять любовь других людей. И самое, может быть, радостное в этом то, что это жизнь – живая, эта любовь – не елейная, не какая-то притворная – вот «ах, ах, я люблю тебя», в этой любви может быть все: и размолвки, и конфликты, и очень трудные отношения. Но всегда, всегда присутствует надежда и вера, что есть опора, что есть Тот, Кто поможет нам вновь вернуться друг к другу.

Для меня это как бы непрерывающееся чудо, с которым я живу постоянно. И чем дальше живу, тем больше удивляюсь этому чуду. Я могу только пожелать всем прикоснуться к этой радости, к этой любви, которая есть реальность, постоянная реальность нашей жизни.

Илья Яковлевич Гриц

Я несколько слов хочу сказать о своем пути, правда, это было давно, 25 лет назад, это была другая эпоха, это была другая страна, даже по названию другая. Но жизнь всегда одна и та же, и молодость с ее интересами, страстями, порывами к чистоте всегда одна и та же.

Рос я в семье простой, не могу сказать, что она была атеистической, но она была неверующей, только очень хорошо помню, что слово «религия», слово «вера» всегда почиталось, но никогда не упоминалось – это считалось неприличным. В те годы, в те десятилетия, считалось совершенно неприличным произносить такие слова. И вот я уже понимал, что трудно жить без чего-то высшего. А это высшее, все, что предлагалось обществом, да и культурой, оказывалось при проверке, которую молодость беспощадно устраивает, пустым. И вот мои дорогие друзья в институте в первый раз мне предложили почитать Евангелие. Тогда это было очень трудно, обычно его давали всего на одну ночь, больше не могли дать. Я прочитал и понял, что это правда, все, что в нем написано, – правда. И тут же последовал внутренний вопрос: «Какое это имеет отношение к тебе? Ну, конечно, имеет. Но, может, не сейчас? Так много вокруг интересного, так много, чего еще хочется попробовать и испытать, – наверно, надо потом».

Так я решил для себя. Но это я решил, а Господь решил по-другому. Потому что сначала молодость, жизнь, женитьба меня привели к тому, что я как бы об этом забыл, хотя все время помнил, что есть вопрос, на который я не дал ответ. И вот у меня родился сын. Когда я первый раз его увидел, ему было несколько дней всего, и мы встретились глазами, я чуть не упал в обморок, потому что я увидел живой взгляд, в нем было столько любви, столько благодарности, что я понял, что больше нельзя тянуть, что надо немедленно давать ответ на этот вопрос.

Я повел себя странно, видимо, как какой-то ненормальный. В эти самые первые суматошные дни – как это бывает, когда первенец дома – я несколько дней провел в церкви: сидел, молился и понял, что больше так нельзя, нужно отвечать. Если есть призыв, то тянуть дальше и говорить: «Нет, потом, когда-нибудь...», – будет предательством. Ну и поскольку это было какое-то решение, то с этого момента началась другая жизнь. Крещение пришло еще не скоро, прошел почти год, месяцев восемь или девять, но с этого момента началась другая жизнь. И она длится по сей день.

Альберт Швейцер: Этика сострадания

Богословие и философия

Альберт Швейцер (1875–1965) — немецкий лютеранский теолог, философ, культуролог, музыкант, музыковед и врач. Родился в 1875 г. в Эльзасе в семье руководителя евангелической общины. Учился теологии, философии и музыке в Страсбурге, Париже и Берлине. С 1889 г. — проповедник и помощник пастора церкви Св. Николая в Страсбурге. С 1902 г. — преподает теологию. Вскоре выходят его первые книги «История изучения жизни Иисуса» и «И. С. Бах, музыкант-поэт», принесшие ему европейскую известность.

В 1905 г. он принимает решение уехать врачом в Экваториальную Африку. Этот шаг, неожиданный даже для его близких, не был, однако, неожиданным для него самого, так как еще в возрасте 21 года он решил, что будет жить для науки и искусства лишь до 30 лет, а остаток своей жизни «потеряет» ради Христа и Евангелия. С 1905 по 1913 г. он изучает медицину, после чего уезжает с женой в Африку, где, с перерывами, работает врачом и миссионером до конца жизни. Все это время он не перестает работать над книгами, главные из которых «Мистика апостола Павла», «Философия культуры», «Культура и этика».

Суть христианства для Швейцера — мистическое соединение со Христом. Однако эта мистика имеет не метафизический, но этический характер, а христианская этика понимается им как «этика активной любви» и «благоговение перед жизнью».

Вниманию читателей «Православной общины» предлагаются две проповеди Альберта Швейцера, произнесенные им в церкви Св. Николая в 1919 г. после первого возвращения из Африки.

Альберт Швейцер

Этика сострадания* Проповедь 15-я

Один из книжников, слыша их прения и видя, что Иисус хорошо им отвечал, подошел и спросил Его: какая первая из всех заповедей? Иисус отвечал ему: первая из всех заповедей: слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Господь единый; и возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею, — вот первая заповедь! Вторая подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. Иной большей сих заповеди нет. Книжник сказал Ему: хорошо, Учитель! истину сказал Ты, что один есть Бог и нет иного, кроме Его; и любить Его всем сердцем, и всем умом, и всею душою, и всею крепостью, и любить ближнего, как самого себя, есть больше всех всесожжений и жертв. Иисус, видя, что он разумно отвечал, сказал ему: недалеко ты от Царствия Божия. После того никто уже не смел спрашивать Его.

(Евангелие от Марка 12: 28–34)

Книжник, спросивший Иисуса, какая из заповедей величайшая, ищет знания. Он жаждет получить ответ на вопрос, волнующий его соотечественников. Согласно Евангелию от Матфея (глава 22-я), книжник искушает Иисуса. Однако евангелист Марк, несомненно, с большей точностью воспроизводит этот эпизод, описывая, как в продолжение их короткой беседы между ними установилось взаимопонимание и сердца их раскрылись навстречу друг другу, после чего каждый пошел своим путем.

В те дни умы Израиля занимала следующая проблема: возможно ли свести все заповеди, как самые важные, так и менее значительные, к одному основному закону. Такая же задача стоит и перед нами. Что есть добро само по себе? Я читал вам вечные слова Господа нашего о прощении, милосердии, любви и других качествах, которыми мы, его последователи, должны руководиться в нашей жизни. Однако мы чувствуем, что качества эти суть отдельные цвета спектра, на которые разлагается естественный свет первоосновы нравственного подхода, которого Он требует от нас.

Давайте вместе подумаем над тем, что есть основная заповедь всякой нравственности. Я собираюсь посвятить несколько проповедей вопросам христианской морали, над которыми я неотступно размышлял в далекой стране, в диких джунглях, вспоминая богослужения в церкви св. Николая и надеясь, что придет день, когда я снова буду говорить с вами.

Важнейший вопрос, который стоит сейчас перед нами, касается сущности нравственного. До недавнего времени мы, как и прошлые поколения христиан, отрицали то, что ныне вынуждены признать, если мы не хотим погрешить против истины: христианская мораль никогда не была сильна в этом мире. Она никогда не владела сердцами и помыслами и была принята лишь внешне, на словах. Люди ведут себя так, словно им неизвестно, что есть мораль, словно учения Иисуса не существует. Поэтому бесполезно повторять нравственные заповеди Иисуса и утверждать, что в конце концов они завоюют всеобщее признание. Это все равно, что пытаться расписать красками мокрую стену. Нам необходимо прежде всего создать предпосылки для понимания моральных заповедей и ориентировать мир на такое мировоззрение, которое признает в них смысл и ценность. Истолковать учение Иисуса так, чтобы его принципы были применимы в нашей повседневной жизни, трудно. Вдумаемся в слова великой заповеди. Что это значит — возлюбить Бога всем сердцем и творить добро из любви к Нему, если можно выбрать также и зло? И следующее поучение: «Возлюби ближнего, как самого себя». Истолковывая эту заповедь, я мог бы привести множество прекрасных примеров. Но осуществима ли она на практике? Предположим, что с завтрашнего дня вы решили соблюдать ее буквально. К каким результатам вы придете уже через несколько дней?

Величайшая загадка христианского нравственного учения состоит в том, что мы не можем применить учение Иисуса в нашей повседневной жизни, каким бы искренним ни было наше желание служить Ему. И тогда возникает опасность, что мы, восхваляя эту заповедь как «идеал», отвесим ей почтительный поклон, а в практической жизни оставим ее без внимания.

Есть и другое опасное заблуждение, которое ставит под угрозу христианскую мораль: мы можем впасть в высокомерие. Прощая врагам, мы мним себя благородными: делаем во имя Христа то небольшое, на что мы способны, мы считаем, что наши поступки лучше и значительнее поступков других людей. И это самодовольство зачастую делает нас еще безнравственнее тех, кто не стремится следовать заповедям Иисуса. Требования Иисуса трудно выполнить, ибо, требуя от нас необычного, Он хочет, чтобы мы воспринимали это как нечто обычное и всегда чувствовали себя слугами нерадивыми, какими бы великими ни представлялись нам наши деяния.

Вот почему мы сообща размышляем над тем, что же есть добро само по себе, мы хотим уяснить себе, каким образом возвышенные требования Иисуса могут быть осуществлены на деле, мы хотим принять их как естественный долг человека. Мы хотим понять основополагающий принцип нравственности и из нее, как из высшего закона, вывести все нравственные действия. Однако можно ли вообще постичь нравственность? Не есть ли это дело сердца? Не лежит ли в ее основе любовь? Вот уже две тысячи лет нам повторяют эти слова. И каков результат?

Окинем мысленным взором как человечество в целом, так и отдельных людей. Почему они

столь неустойчивы? Почему даже благочестивые — а зачастую именно они — позволяют предрассудкам и национальным страстям вовлечь себя в дела и суждения, лишённые всякого нравственного оправдания? Потому что у них нет морали, основанной на разуме и обоснованной логически; потому что для них мораль не есть некая данность, постигаемая разумом.

Для того, чтобы возникла истинная мораль, разум и сердце должны действовать сообща. Эта проблема представляет определенную трудность как в свете решения общих вопросов морали, так и для практических нужд повседневной жизни.

Говоря о разуме, я имею в виду проникающий в глубину вещей и охватывающий всю их совокупность, объемлющий сферу воли рассудок.

Пытаясь разобраться в себе с учетом нравственной воли внутри нас, мы обнаруживаем странную раздвоенность: с одной стороны, эта воля связана с разумом, с другой — нам навязываются решения, которые нельзя назвать разумными, поскольку они соответствуют абсолютно произвольным требованиям. В этой раздвоенности, в этом странном напряжении — сущность этического. Не следует бояться, что нравственность, основанная на разуме, будет излишне холодной, ибо разум, взыскующий глубин, перестает быть холодным и отстраненным и начинает говорить в тон с сердцем. А сердце, пытаясь узнать себя самое до самых глубин, обнаруживает, что его царство частично совпадает с царством разума. Чтобы достичь крайних пределов своих обширных владений, сердце должно пройти через владения разума. Как это происходит?

Давайте мысленно проделаем путь к первоначальному понятию добра сперва с точки зрения сердца, а затем с точки зрения разума и посмотрим, совпадают ли они. Сердце утверждает, что в основе нравственности лежит любовь. Вдумаемся в это слово. Оно обозначает гармонию и общность сущности и изначально употребляется применительно к людям, которые так или иначе причастны друг другу по своей природе, так что их существование внутренне и тесно взаимосвязано, как у детей и родителей, супругов, близких друзей. Нравственность требует от нас, чтобы незнакомые люди не были нам чужими. Более того, нам должны быть близки и те, к кому мы испытываем неприязнь, и те, кто нам враждебен. В сущности заповедь любви означает следующее: нет чужих людей, есть просто люди, чьи заботы должны стать вашими заботами. Нам кажется совершенно естественным, что к одним людям мы питаем добрые чувства, а к другим равнодушны. Но нравственность оспаривает то, что кажется нам естественным. Иисус упраздняет эту чуждость бытия, когда говорит: «Другой человек должен быть так же близок тебе, как ты сам; то, что выпадает на его долю, ты должен переживать так же непосредственно, как происходящее с тобой».

Пусть сердце пояснит нам заповедь: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всем разумением твоим, и всю крепостию твоею». Возлюбить Бога, чья сущность столь далека от нас и непостижима! Очевидно, что здесь слово «любовь» употреблено в переносном, в нравственном смысле. Как можно Бога, который не нуждается в нас, любить, словно он — кто-то, кого мы встречаем каждый день? Если по отношению к человеку любовь означает какие-либо общие переживания, оказание помощи, сочувствие, то по отношению к Богу эта любовь — как благоговение. Бог есть бесконечная жизнь. Таким образом, элементарный закон нравственности в понимании сердца гласит, что из благоговения к непостижимой, бесконечной и живой реальности, которую мы называем Богом, все люди должны быть близки нам и во всем мы должны сопереживать им.

Вот что говорит сердце, пытаясь истолковать заповедь любви к Богу и к ближнему в ее самом общем выражении.

Дадим же слово и разуму. Пусть он в своих поисках действует так, словно нам ничего не известно о нравственности. Посмотрим, далеко ли мы продвинемся, размышляя над тем, что влияет на наши поступки. Заставит ли нас и разум выйти за собственные пределы?

Обычно считается, что разумное обоснование может получить только эгоизм. Что возразить на это? Такова мудрость тех, кто это утверждает, только и всего. В лучшем случае она может научить нас благопристойности и справедливости, поскольку эти последние в большей или меньшей степени совместимы с чувством счастья. Разум есть потребность знания и стремление к счастью: то и другое таинственным образом внутренне связано между собой.

Потребность знания! Попытайтесь постичь все и вся, проникайте мыслью до самых пределов человеческого познания, и вы обязательно столкнетесь с чем-либо непостижимым, и это непостижимое называется жизнью! Эта тайна столь глубока, что различие между познавшим и невежественным имеет лишь относительный характер.

Есть ли существенная разница между ученым, наблюдающим в микроскоп едва заметные признаки жизни, и полуграмотным фермером, который смотрит на почки, распускающиеся на ветвях в его весеннем саду? Оба наблюдают тайну жизни. Первый может описать ее явления с множеством подробностей, но и для него она остается до конца неразгаданной. В сущности всякое знание — это знание жизни, и всякое познание — это удивление перед ее загадкой, благоговение перед жизнью в ее бесконечных и вечно новых формах. Возникновение жизни, ее становление и умирание — разве это не удивительно! Она возникает в других существах, умирает, вновь рождается и так до бесконечности! Мы можем все, и мы ничего не можем, ибо при всей нашей мудрости мы не создаем ничего живого, мы не в силах вдохнуть жизнь в наши творения!

Жизнь — это сила и воля, исходящая из первоосновы бытия и вновь в ней растворяющаяся, это чувство, ощущение, страдание. Пытливо вглядываясь в жизнь, мы видим необъятный одушевленный хаос бытия, чья безмерность так захватывает, что кружится голова. Во всем вы найдете себя. Крошечный мертвый жучок, лежащий на дороге, был таким же живым существом, как и вы, он боролся за жизнь, радовался солнцу, знал страх и боль. А теперь он — всего лишь частица разлагающейся материи, та же участь рано или поздно ожидает и вас.

Вы выходите на улицу; идет снег. Вы беспечно стряхиваете с рукава снежинку. Она привлекает ваше внимание: на вашей ладони сверкает миниатюрное кружево. Вы не можете оторвать глаз от него. Какие удивительные узоры! Но вот снежинка вздрагивает, и ее хрупкие иголки ломаются. На ваших глазах она тает и умирает. Ее больше нет. Снежинка, прилетевшая из бесконечного пространства и опустившаяся вам на ладонь, где она сверкала, трепетала, таяла и умирала, — это вы. Где бы ни узрели вы жизнь, вы видите себя!

Что есть познание, как самое научное, так и самое бесхитростное? Это — благоговение перед жизнью, перед непостижимым, с которым мы соприкасаемся во вселенной. Это непостижимое внешне отлично от нас, но внутренне, по сути, подобно нам, пугающе сходное и близкое. И здесь снимается отчуждение между нами и другими живыми существами.

Благоговение перед бесконечностью жизни — это снятие отчуждения, это сопереживание и сострадание. В своей основе итог познания есть то же самое, чего требует от нас заповедь любви. Сердце и разум находятся в согласии между собой, когда мы хотим и отваживаемся быть исследователями, когда мы взыскуем глубин!

Разум обнаруживает то, что соединяет любовь к Богу и любовь к людям: любовь ко всем творениям, благоговение перед бытием, сопереживание всему живому, независимо от того, в

какой форме явлена жизнь.

Я не могу не благоговеть перед тем, что называют жизнью; я не могу не сочувствовать всему живому: это — начало и основание всякой нравственности. Если человек испытал это благоговение однажды, а потом ему довелось снова его испытать, — а такое переживание непременно повторится и повторится не раз, — то этот человек — нравственный. Его нравственность заключена в нем самом, и он никогда не утратит ее. У того же, кто не испытал этого, есть всего лишь поверхностная нравственность, она не имеет основания в нем и не принадлежит ему, ее легко потерять. Ужасно сознавать, что все наше поколение имеет лишь поверхностную нравственность, которая не выдерживает серьезной проверки и разрушается. Веками человечество воспитывалось в духе поверхностной морали. Мы были грубы, невежественны и бессердечны и не сознавали этого. У нас не было критерия нравственности, ибо у нас не было благоговения перед жизнью.

Вы обязаны сопереживать всему живому и сохранять жизнь — вот величайшая заповедь в ее простейшей форме. Будучи выражена негативно, она гласит: «не убий». Мы слишком легкомысленно относимся к этому запрету, когда бездумно срываем цветок, наступаем на насекомое, не ведая того, что ничто не проходит даром. Мы не обращаем внимания на страдания наших ближних, принося их в жертву конечным целям.

В последнее время много говорят о создании какой-то новой человеческой расы. Как это следует понимать? Только в одном смысле: создать новое человечество возможно лишь направляя людей к сохраняющей свою подлинную сущность и в то же время развивающейся нравственности. Но эта цель будет достигнута лишь тогда, когда люди преобразятся и из слепых сделаются зрячими и вникнут в смысл величайшей и в то же время самой простой заповеди благоговения перед жизнью. Эта заповедь больше, чем закон и пророки, в ней заключена вся нравственность жизни в ее глубочайшем и высочайшем смысле, и она служит источником постоянного обновления как для каждого в отдельности, так и для всего человечества в целом.

Проповедь 16-я

Ибо никто из нас не живет для себя, и никто не умирает для себя.

(Послание к римлянам 14: 7)

На предыдущей нашей встрече мы поставили вопрос о сущности нравственного, об основополагающем принципе морали <...> Пытаясь уяснить себе, что есть нравственное, мы вопрошали не только сердце, но и разум, ибо мы увидели, что главная беда нашего времени — отсутствие морали, основанной на разуме и не подверженной страстям и предрассудкам. Чтобы сердце и разум шли рука об руку, должно приложить усилия. Истинное сердце разумно, истинный разум чувствителен. Сердце и разум согласны между собой в том, что в основе своей добро есть благоговение перед загадкой, которую мы называем жизнью, благоговение перед всеми ее проявлениями, большими и малыми, простыми и сложными. Добро есть то, что сохраняет и поддерживает жизнь; зло есть то, что препятствует ей и уничтожает ее. Мы нравственны, если мы преодолеваем себялюбие и не смотрим на другие творения как на нечто чуждое нам, если мы сопереживаем и сострадаем всему, что нас окружает. Только тогда мы становимся людьми в истинном смысле слова и обладаем этикой, которая никогда не утратит своей сути, которая постоянно изменяется и автономно определяет направленность своего развития.

«Благоговение перед жизнью», «преодоление отчуждения», «стремление сохранить жизнь» —

эти выражения кажутся избитыми и сухими. Однако, несмотря на тривиальность, они несут в себе богатое содержание. Семя растения невзрачно на вид, но в нем содержится образ будущего творения. В этих простых словах заключено основное этическое воззрение, из которого проистекает нравственность. Основная предпосылка нравственности — это сопереживание всему живому, обязывающее нас делать все возможное для сохранения жизни.

Самый страшный враг нравственности — равнодушие. Когда мы были детьми и в той или иной степени осознавали происходящее вокруг нас, мы обладали способностью к состраданию. Но она не возрастала в соответствии с увеличением наших познавательных способностей. Она часто мешала нам и ставила в неловкое положение. Замечая, что большинство окружающих нас людей с годами утратило эту способность, мы старались подавить в себе чувствительность, ибо мы не хотели отличаться от них и не знали, как нам быть. Сколько таких людей, похожих на дома с закрытыми ставнями, бесчувственных и немых!

Быть добрым означает быть бодрствующим! Мы подобны путникам, которых в дороге застигли мороз и метель. Горе тому, кто, поддавшись усталости, сядет и заснет: он не проснется. Когда у нас нет сил, чтобы разделить с ближними испытания, выпавшие на их долю, нравственный человек внутри нас умирает. Горе нам, если притупилась и оцепенела наша чувствительность, ибо тогда гибнет то, что мы называем совестью в самом широком смысле слова, то есть сознание того, что мы должны и что не должны делать.

Благоговение перед жизнью и сопереживание всему живому, когда человечество впервые ощущает их, — для всего мира это становится событием. Природе все это неведомо. С удивительным упорством она порождает неисчислимые формы жизни и с поразительной беспечностью уничтожает их. На всех уровнях жизни, вплоть до человеческого, живых существ отличает ужасающее непонимание этого великого принципа. У них есть воля к жизни, но нет способности к сопереживанию. Они страдают, но не испытывают сострадания. Эта великая воля, воля к жизни, благодаря которой живет и сохраняется природа, непостижимым образом противоречит сама себе. Одни существа живут за счет других. Природа потворствует жестокости. Природный инстинкт побуждает одних насекомых откладывать яйца на теле других, и личинки питаются телом гусеницы, причиняя ей медленную и мучительную смерть. Муравьи, когда их много, нападают на мелких зверьков: этому их научила природа. Взгляните на паука: каким зловещим искусством она одарила его! Если судить по внешности, то природа кажется удивительно прекрасной. Но вчитайтесь в нее, как в книгу, и вы ужаснетесь. Как бессмысленна ее жестокость! Высшие формы жизни приносятся в жертву низшим. В организм ребенка вместе с воздухом попадают туберкулезные бактерии; он растет и набирается сил, но уже обречен на страдания и преждевременную смерть, потому что простейшие существа живут и размножаются в его жизненно важных органах. Когда я работал в Африке, я часто испытывал настоящий ужас, исследуя кровь больного сонной болезнью. Он сидел передо мной с лицом, искаженным от боли, и стонал: «Голова, голова!» Почему он обречен на еженощные страдания и мучительную смерть? Потому что мельчайшие бледные тельца, длиной не более тысячной доли миллиметра, живут в его крови, и иногда их так мало, что приходится часами смотреть в микроскоп, для того чтобы их обнаружить.

Воля к жизни таит в себе непостижимое противоречие — сама жизнь выступает против жизни, причиняя страдания и смерть, невинная и в то же время виновная. Природа поощряет бессердечный эгоизм, которому лишь иногда противостоит инстинкт, повелевающий защищать потомство, пока оно в этом нуждается. Животные любят своих детенышей и готовы умереть, защищая их; у них есть способность к сочувствию. Тем более ужасна их жестокость ко всем прочим живым существам.

Мир, над которым властвуют эгоизм и неведение, подобен погруженной во мрак долине.

Освещены лишь горные вершины, все остальное пребывает во тьме. Лишь самое высшее творение ловит отблеск света. Лишь человеку дано познать благоговение перед жизнью, сопереживая и сострадая всему живому. Только ему одному дано преодолеть мрак неведения, в котором изнывает все живое.

Это познание — величайшее событие в эволюции бытия. Благодаря этому познанию в мире являются добро и истина, сквозь тьму пробивается свет. Когда в каком-нибудь отдельном существе бьется пульс всего мира живого, то в этом существе жизнь становится сопереживанием и приходит к осознанию себя самой... Здесь прекращается обособленность конечного бытия, и это бытие вне нас становится нашим, и мы сливаемся с ним.

Мы живем в мире и мир живет в нас. Уже само осознание этого ставит перед нами множество вопросов. Откуда столь непримиримое противоречие между законами нравственности и законами природы? Почему разум не одержит верх? Почему, вместо того, чтобы способствовать развитию явлений природы, разум, познавая, приходит к чудовищному противоречию с ними? Почему законы, которые он открывает в себе, не совпадают с теми, что правят миром? Почему разум расходится с миром, когда обретает понятие добра? Почему мы должны испытывать муки этого противоречия, не имея надежды разрешить его? Почему вместо гармонии — разобщенность? Бог — это сила, поддерживающая все и вся. Почему же тогда этот Бог, обнаруживающий себя в природе, есть отрицание того, что мы ощущаем в себе как нравственное? Как может сила в одно и то же время разумно творить жизнь и бессмысленно уничтожать ее? Как примирить Бога как силу природы с Богом, обладающим нравственной волей, с Богом любви, каким он представляется нам, когда мы возвысились до высшего знания, до знания благоговения перед жизнью, сопереживания и сострадания? <...>

Способности и воле к сопереживанию грозит еще одна опасность: мы можем усомниться и сказать себе — все бесполезно! Что бы вы ни делали, пытаясь предотвратить страдания и уберечь жизнь, все это не идет ни в какое сравнение с той болью, которая переполняет мир, с теми ранами, которые вы не в силах исцелить. Мучительно сознавать свою беспомощность, знать, сколько страданий мы причиняем, и не иметь возможности что-либо изменить.

Вы идете по лесной тропинке; солнечный свет играет в листве, поют птицы, беспечно жужжат насекомые. Сами того не желая, вы, гуляя по лесу, причиняете страдания и смерть. Здесь вы наступили на муравья, там раздавили жука <...> В торжествующий гимн жизни по вашей вине вкрался диссонанс — страдание и смерть. Вы виновны, хотя и не совершили никакого преступления. Несмотря на самое искреннее желание оказать помощь, вы чувствуете, что совершенно беспомощны. И тогда к вам обращается искушитель: «К чему терзаться? Все равно ничего не изменишь. Смирись, не думай об этом. Будь бесчувственным и беззаботным, как все».

Возникает и другое искушение: «Сострадая чужой беде, начинаешь страдать и сам». Тот, кто пережил в себе боль мира, уже не будет счастлив простым человеческим счастьем. В часы досуга, отдыхая от забот, он не сможет до конца предаться безмятежной радости, ибо та боль, которую он пережил, всегда с ним. Страдания, свидетелем которых он некогда был, не покидают его. Он видит перед собой скорбные лица, он слышит стоны больных и они эхом отдаются в его душе; он вспоминает книгу, в которой описывается тяжелая судьба героя — и тьма поглощает свет его радости. В шумной компании он внезапно становится рассеянным, и искушитель снова обращается к нему: «Не унывай! Отстранись от всего, что удручает тебя, ни к чему быть таким чувствительным; научись равнодушию, окружи им себя, словно панцирем. Будь беспечен, как все, если хочешь жить спокойно». И кончается тем, что нам даже стыдно от того, что мы знаем великое чувство сопереживания и сострадания. Мы скрываем это чувство друг от друга, словно это какая-то глупость, которую человек отбрасывает, становясь

разумным.

Эти три величайших искушения незаметно разрушают предпосылку, из которой возникает добро. Берегитесь же их! На первое искушение скажите себе так: для меня является абсолютной необходимостью разделить с кем-либо испытания, выпавшие на его долю, и протянуть руку помощи. Ваши усилия — лишь капля в море по сравнению с тем, что должно осуществиться, однако такая позиция придаст вашей жизни тот единственный смысл, который так необходим, и сделает ее ценной. Где бы вы ни были, вы должны нести избавление от бедствий, которые принесла в мир внутренне раздвоенная воля к жизни. Но избавление может дать лишь познавший. То небольшое, что вы совершите, станет многим, если вы избавите живое существо, будь то человек или иное творение, от боли, страха и страдания. Сохранение жизни — единственное счастье.

Теперь о другом искушении. Оно говорит, что сопереживая тому, что происходит вокруг тебя, ты и сам испытываешь страдания. Возразите на это так: «Сопереживая чужой скорби, я развиваю в себе способность сопереживать и чужим радостям». Когда вы становитесь равнодушным к бедам ваших близких, вы теряете возможность разделить с ними их счастье. В мире мало счастья, но сопереживая его вместе с другими и присовокупляя к нему добро, которое мы творим, мы обретаем то единственное счастье, делающее жизнь достойной того, чтобы жить. Вы не имеете права сказать — я буду тем либо другим, потому что считаю, что так я добьюсь наибольшего счастья. Вы должны быть теми, кем вы должны быть, честными и знающими, не отделяющими себя от мира, сопереживающими миру, ощущающими мир в себе. Не имеет значения, счастливы ли вы согласно общепринятым меркам или нет. Тайный час не требует от нас, чтобы мы были счастливы: принадлежать Ему, вот то единственное, что может удовлетворить нас.

И снова я повторяю: не позволяйте остынуть сердцам вашим, бодрствуйте! Ибо речь идет о вашей душе. Как я хочу, чтобы слова, коими я раскрываю мои сокровенные мысли, внушили вам стремление разрушить ложь, с помощью которой мир жаждет усыпить вас! Если бы каждый из вас перестал быть беспечным и внял призыву — учиться благоговению перед жизнью и великому сопереживанию, я был бы удовлетворен. Я счел бы свой труд благословенным, даже если бы узнал, что завтра мне запретят проповедовать, или оказалось, что все, что я говорил, бесполезно, что уже никогда ничего не добьюсь своими проповедями.

Обычно я остерегаюсь воздействовать на людей, ибо это влечет за собой определенную ответственность. Но сейчас я желал бы обладать силой и могуществом, чтобы внушить вам способность к состраданию, чтобы вы сделались познавшими в сострадании, которое всегда будет с вами. И тогда я скажу себе, что вы на пути к подлинному добру и никогда не сойдете с этого пути. «Никто из нас не живет для себя»: пусть это слово всегда будет с вами и не оставляет вас в покое, покуда не упокоитесь навеки.

Перевод с немецкого В. Рынкевича

Впервые на русском языке опубликовано в журнале «Человек», 1990, № 5, с. 126-133.

Сергей Аверинцев: Некоторые языковые особенности в Евангелиях

Священное писание

Лекция, прочитанная студентам Свято-Филаретовской московской высшей православно-христианской школы 21 июня 1994 г.

ЗАРАНЕЕ сердечно прошу вас простить, если я буду говорить о том, что вы уже знаете. В эти два часа я не сумею уложить какое бы то ни было подобие систематического курса, поэтому единственное, что мне остается, — это попробовать остановиться на некоторых вещах, которые слишком просты, чтобы о них говорилось, которые очень, очень просты, и именно поэтому о них мало говорят и мало пишут. А потом, может быть, вы будете задавать мне вопросы.

Я не знаю, насколько велика у вас привычка и возможность читать Евангелие по-гречески. Мне хотелось бы вначале сказать о том, что в изданиях, которые мы имеем, встречаются искусственные моменты, привносящие свою утилитарную функцию, и от этих поздних искусственных “лесов”, однако, при нашем непосредственном чтении Евангелий ради христианского вразумления, но также и ради научного понимания, полезно отвлечься. Я имею в виду присутствующее во всех изданиях разбиение на главы и так называемые стихи и наличное в некоторых изданиях, обращенных к широкому читателю, разбиение на тематические разделы.

Почему от всего этого лучше отвлечься? Ну то, что маленькие подзаголовки к тематическим разделам — это изобретение исторически совсем недавнее, вы понимаете. Но и деление на главы, с которым мы сталкиваемся в любом издании Нового Завета, восходит к Стефану Лэнгтону. Это начало XIII в. (то есть, больше, чем через тысячелетие после того, как евангельские тексты возникли). А еще позже, в XVI в., было произведено разделение на смысловые и синтаксические единицы, которые мы называем стихами. Это разделение было произведено одним французским гуманистом, который сам рассказывал, что занимался этой работой преимущественно “в седле” — в каких-то непрерывных путешествиях, ну примерно так, как мы можем какой-то работой заниматься в вагоне поезда, в вагоне метро и т. д. Известный филолог Эдуард Норден, который занимался новозаветными текстами не как богослов, а как филолог, по поводу этого разбиения на стихи, произведенного “в седле”, делает короткое замечание: “Оно и видно, что в седле”.

Что же касается разбиения на смысловые разделы, на тематические разделы, то, вероятно, оно иногда помогает. Иногда оно мешает и сбивает с толку, потому что исходит из ориентации совершенно не библейской, а скорее риторической и схоластической. Это напоминает членение текста, в принципе подобное тому, которому нас учили в школе: перед тем, как писать сочинение, надо составить план, и этот план должен в идеале представлять собой перебор логических пунктов: “во-первых, во-вторых, в-третьих”. По сути — это античная риторика. Уже отцы церкви, люди очень часто причастные античной греко-римской риторической и философско-логической культуре, писали именно так. Но Библия в целом возникла в иной культурной среде и в иной традиции. Разумеется, современные библеисты на Западе легко, с моей точки зрения — чересчур легко, говорят о библейской и о новозаветной “риторике”. Я думаю, что чем строже и точнее мы будем употреблять термины, тем лучше.

Античная культура, созданная во времена софистов, Платона и Аристотеля, имеет определенные способы оформления текста. Один из них — вот такое членение на смысловые разделы, построение по типу школьного сочинения. Другой — формальное определение, дефиниция по форме “нечто есть нечто”. Есть и еще несколько таких логико-риторических приемов формализации текста. В Библии обоих Заветов этого, как правило, нет. Единственная на весь Новый Завет дефиниция, отвечающая формальной парадигме дефиниции, встречается в Послании к евреям (11: 1). Вы помните, это дефиниция веры: “Вера же есть...” и т. д. Это единственная формальная дефиниция на весь Новый Завет.

У богословов будет не так. Какой богослов, даже мистический, даже аскетический богослов, не давал дефиниции любви? Но Господь наш говорит о любви, апостол Павел в 13-й главе Первого послания к коринфянам говорит, что делает любовь, как она действует, какова она, но он не говорит: любовь есть то-то и то-то.

Мы собьемся в чтении Посланий апостола Павла, если будем ожидать от них правильной композиции по канонам школьного сочинения. Послания апостола Павла написаны совершенно иначе. То же в псалмах — в них ведь все время встречаются очень неожиданные переходы — тематические переходы, переходы настроения — от полного сокрушения к ликованию и обратно, без всякого плавного перехода, без всякой мотивации этого перехода, что было бы нормально для текста, построенного риторически в точном терминологическом смысле этого слова. Стремительные переходы апостола Павла — движение мысли по перпендикуляру к самой себе, иногда отмечаемое столь характерным Павловским восклицанием **ms gьnoito**, буквально — “да не будет”, в синодальном переводе — “отнюдь”. Да, вот так, как будто мысль к чему-то подходит: нет! совсем нет! совсем наоборот!

Что же касается Евангелий, то вот совсем простой пример. В начале Евангелия от Матфея, в первой главе, идут два раздела, которые в тех изданиях, где есть тематическое членение, имеют подзаголовки — самые простые, самые несомненные: “Родословие” и “Рождество”. Но вот ведь как на самом деле идет 1-я глава Евангелия от Матфея. Начальные ее слова **b...bloj gьньsewj** действительно означают “родословие”, но, кроме того, они означают и многое другое. Если мы мысленно это переведем на еврейский, это будет *sefer toledot*, что тоже может означать генеалогию. Для начала это нас отсылает к греческому названию первой книги Ветхого Завета, которая по-гречески называется **gьnesij** или вот именно этими словами — “**b...bloj gьньsewj**”, “Книга Бытия”, буквально так. И “генесис” — очень интересное греческое слово, которое родственно и созвучно, но не тождественно слову **gьnnhsij** (“рождество”) — через два “n”. Это другое слово, хотя и родственное, и близкое по смыслу, но не тождественное. “Книга происхождения”, как “Книга Бытия”, — это книга происхождения мира, на сей раз — нового мира.

Надо сказать, что во всех четырех Евангелиях первые слова с разной степенью энергии отсылают нас к началу Ветхого Завета. Самый классический случай, конечно, — **™ n ьrcH** в начале четвертого Евангелия, Евангелия от Иоанна. Это просто те же самые слова **beresit**, которые стоят в начале Книги Бытия. Но **ьrc»** — первое слово Евангелия от Марка — снова напоминает нам об этом **™ n ьrcH**. С меньшей силой это выражено в начале Евангелия от Луки, в столь греческом его прологе, но слова **ьp' ьrcBj** — “от начала” — есть и там. Так вот, эти первые слова, означая “родословие”, означают одновременно еще минимум три вещи: они выражают идею некоего нового начала мира, мир был **™ n ьrcH** — сотворен, и это было “генесис” мира, а теперь мир претворяется через Христа, все начинается снова, смысл этих слов еще и такой. Но кроме того, как заголовок, слова эти вполне позволительно отнести к рассказу о Рождестве, следующему дальше, или к рассказу о Христе вообще, потому что если мы читаем за **b...bloj gьньsewj** — *sefer toledot*, то еврейское *toledot* имело очень широкое значение; оно действительно и этимологически, и по смыслу соотнесено с идеей рождения и постольку — происхождения, генеалогии, но оно может также означать “событие” или “совокупность событий”; так что весь рассказ об Иисусе Христе, Сыне Давидовом, Сыне Авраамовом, может быть так озаглавлен. Но я хотел, собственно, обратить внимание даже не на это. Дальше идет памятное всем родословие, которое кончается перечислением поколений от Авраама до Давида, от Давида до Вавилонского пленения и от Вавилонского пленения до Христа. Вам, вероятно, говорили, или вы где-нибудь читали, что подчеркивание числа 14, по-видимому, связано с числовым значением имени “Давид”. Но так или иначе, 17-й стих кончается **wj toa Cristoa genea€ dekatьssarej**, а 18-й стих, перед которым в популярных

изданиях стоит подзаголовок “Рождество Христово”, начинается очень интересно: **Toa dċ 'Ihsoa Cristoa № ġġnesij oBltōj Ġn** — это переводят: “Рождество Христово совершилось так”. Как будто получается — вот до сих пор мы говорили о генеалогии, а вот рождество было так. Но греческая фраза построена иначе, с иным акцентом: **Toa dċ 'Ihsoa Cristoa**, интонация примерно такая: “что до Иисуса Христа, то Его...” — что? В лучших рукописях и критических изданиях мы читаем не “**ġġnnhsij**”, не “рождество”, а “**ġġnesij**” — снова, еще раз то же слово “генесис”. И есть очень серьезные текстологические причины считать именно это чтение правильным. Помимо того, что оно дано в лучших рукописях, оно более неожиданное, более трудное, а вы знаете, в филологии есть принцип: если два чтения, то предпочтение отдается более трудному, более неожиданному. Естественно, что при переписывании такое слово изменяется на более простое, на более ожидаемое. А “**ġġnesij**” — это все-таки не “рождество”. Рождество, скажем, праздник Рождества, в церковном календаре называется словом “**ġġnnhsij**” — через два “n”.

Что получается? Вот Матфей излагает генеалогию Иосифа, обручника Марии, и перечисляет поколения до Христа, потом говорит: **Toa dċ 'Ihsoa Cristoa...** Я еще раз хочу сказать, даже если бы вся текстология ошибалась и если бы “генесис” не было первоначальным чтением, то при тематическом переходе “вот мы разговаривали о генеалогии, а сейчас я буду разговаривать о рождестве” порядок был бы **№ dċ ġġnnhsij oBltōj Ġ**, т. е. **dċ**, эта частица, была бы связана не с именем Иисуса Христа, она акцентировала бы слово **ġġnnhsij**. И дальше мы ведь читаем сразу не о рождестве. Ведь в Евангелии от Матфея, в отличие от Евангелия от Луки, о рождестве как таковом, о событии рождества, вообще почти ничего не сказано — одна только фраза: “Родила Сына и назвала имя Его: Иисус”. Но перед этим говорится о том, что Иисус был зачат девственно, т. е. что Иосиф не был Его физическим отцом; значит, что генеалогия одновременно относится и не относится к Иисусу; конечно, относится, иначе она не открывала бы Евангелие от Матфея; а в то же время, вот, говорилось о родословии — “а что до Иисуса Христа, то Его “генесис” была вот такая”.

Напоминает ли нам что-нибудь это у того же Матфея? Я думаю, что напоминает — поразительное построение второй главы. Как построена вторая глава? Задумаемся над этим. Это очень важный вопрос, это вопрос необычайной сложности соотношения между Ветхим Заветом и исполнением Ветхого Завета в Новом, это преимущественная тема именно Евангелия от Матфея, тема, которая принципиально не может иметь однозначного решения. Что мы читаем во второй главе, если вчитываемся не просто в голое сообщение, но в его интонацию, и прежде всего в его темп? Как можно было себе представлять явление Мессии? Ну, очевидно, когда Обетованный, наконец, родится, власти Избранного Народа, религиозные власти — синедрион, первосвященник, книжники, а также и светская власть, т. е. царь, будут об этом, надо полагать, извещены. И действительно, мы читаем очень неспешное, неторопливое, выразительное повествование о том, как волхвы являются в Иерусалим, как весь Иерусалим взволнован этим и как взволнован Ирод, как он созывает книжников и какой ответ они ему дают — все это идет очень неторопливо. Вот это то, что ожидалось. И затем — вдруг — сообщение о том, что волхвы получают повеление в вещем сне: не возвращаться к Ироду. Это сказано в причастной конструкции, по-нашему — в придаточном предложении. И получив во сне повеление не возвращаться, волхвы пошли другой дорогой. Это неожиданная отрывистость после такого эпического повествования о том, что вроде бы должно было быть. Я не могу это увидеть иначе, как то, что оба раза Матфей, автор первого Евангелия, исходит из очень сложного отношения между обетованием и исполнением. Все библейское учение о полноте времен, т. е. об историчности Божьего дела спасения людей, предполагает, что Обетованный может придти, когда на земле как бы будут выстроены некие ворота для Него, для того, чтобы Его принять. Но затем все происходит так, что Он должен войти мимо этих ворот — хотя ворота необходимы. Это оба раза так. Необходима, сотериологически необходима вся эта царская

генеалогия со святыми и грешными царями, с политическими надеждами, связанными с идеей Сына Давидова, Давидовой династии, истинной, благословенной Богом династии. Сама эта династия необходима. Но Рожденный будет ею только усыновлен, будет ей принадлежать по усыновлению — разумеется, значимому для древнего священного права. Он действительно, воистину Сын Давидов, и в то же время Он рожден от девственного зачатия и физически этой самой генеалогии не принадлежит. Можно сказать: она принадлежит Ему, она — Его генеалогия, но Он ей не принадлежит, Он в нее не входит. Так и мессианское звание, мессианский титул Сына Давидова со всеми его политическими импликациями тоже будет Ему по праву принадлежать и тоже будет неадекватным по отношению к полноте Его правды. Вот эти сцепления слов, заставляющие нас задуматься, я полагаю, очень важны.

Между прочим, 2-я глава Евангелия от Матфея заставляет нас поразмыслить, пожалуй, еще над тем, чем как раз светская наука могла бы заняться и чего она поразительным образом не замечает. Мы в общем знаем, что происходит, но мы как читатели Евангелия до поры не получаем никаких наивных разъяснений о замыслах Ирода. Мы не слышим никаких эпитетов. Представьте себе, пожалуйста, любое нормальное старинное житие. Да вспомните песнопения, которые мы все знаем: там все святые и все злые участники священной истории имеют эпитеты, там разъясняются их мысли, их “помыслы”. Все время мы это встречаем в житиях святых. А для евангельского повествования это исключительно нехарактерно. Здесь, с точки зрения чисто светской, научной, мы видим очень сильный довод, почему неразумно говорить о новозаветной “риторике”. Совсем не потому, что “риторика” — бранное слово. Вы знаете, что только у людей, не сведущих в истории культуры, “риторика” — бранное слово. Риторика — великая вещь. И у отцов церкви, и в церковных песнопениях святая церковная риторика играет очень большую роль. Но вот в Новом Завете ее почти совсем нет!

В западной науке довольно много обсуждался и продолжает обсуждаться вопрос — суть ли Евангелия биографии или нет? Ясно, что это вопрос, имеющий смысл, если мы понимаем биографию не расплывчато, как вообще некое повествование о чьей-то жизни, потому что тогда слишком много такого надо будет называть биографиями, что ни одному исследователю литературы не придет в голову так называть. Либо мы должны исходить из античного, позднеантичного, затем средневекового понятия о биографическом жанре.

В греческом и латинском языках были термины “**b...oj**” и “*vita*” — буквально это значит “жизнь”. Слово “биография” — это слово, впервые возникающее, при этом как очень искусственное лексическое создание, в одном тексте VI в. по рождестве Христовом. И в общем, в Византии оно не укоренилось. Так что нормальным обозначением биографии уже в античности было то самое слово, которое вошло в славянский и в русский языки как “житие” — “**b...oj**” и “*vita*” буквально и означают по-гречески и по-латински “жизнь”, “житие”. И затем в христианской литературе жития святых назывались тем же самым словом, но иногда в греческом обиходе еще добавлялось **b...oj ka€ polite...a**, “житие и жительство”, “житие” и, так сказать, “благое делание” — что-то такое, это очень трудно перевести. Но в общем — **b...oj**. Интересно, важно и существенно запомнить, что живые носители греческого и латинского языков отнюдь не сочли нужным создавать какой-то другой термин для христианского жития. И действительно, христианское житие, христианский житийный жанр сохраняет те же чисто литературные черты, которые характерны для античной биографии. Это черты, связанные с установкой на морально-психологическое разъяснение чьей-то жизни, событий чьей-то жизни, чьего-то поведения вообще. Недаром античный биографический жанр сложился в среде адептов аристотелевской философии параллельно с характерологией, скажем, Феофраста. И есть одно, правда, византийское, но, по-видимому, восходящее к античному, лексикографическое определение, что такое **b...oj**. Это — “образ жизни”, **eKdoj zwBj**. Действительно, образ жизни — это то, что интересуется столь разных античных авторов, как

Плутарх и Светоний, и это же самое интересует христианских агиографических авторов, которые повествуют о том, как святой жил. Задача такого повествования — это типологическая, характерологическая характеристика, отнесение как личности героя биографии в целом, так и каждого отдельного его поступка к точкам некоторого поля с сеткой координат: координат прежде всего моральных и, неразрывно с этим, психологических. С этим связаны постоянные оценочные или хотя бы характерологические эпитеты и постоянные попытки психологической мотивировки поступка: “он это сделал потому, что им овладела такая-то страсть”, “он это сказал потому, что лукаво хотел обмануть” или, напротив, “святой это сказал потому, что он имел целью поучение”, и прочая.

Мы, разумеется, должны уважать античную культуру, которая создала то мышление в психологических и характерологических категориях, без которого мы на каждом шагу не можем обойтись; и более чем понятно, а если наивно, то отнюдь не в каком-то дурном смысле, обыкновение авторов житий как бы расставлять на каждом шагу указатели — “вот дорога в рай, а вот дорога в ад”. Нам нужны такие указатели. Понятно, что биография, в том числе и биография святого, т. е. памятник житийной литературы, начинается с того, что эксплицитно или имплицитно героя относят к некоторой категории. Без этой системы категорий, к какой-нибудь из которых сводится каждый частный случай, биография, в том числе житийная биография, церковная биография, невозможна. И вот этого мы почти совсем не встречаем в Евангелиях. Если встречаем, то применительно к второстепенным персонажам. И оба раза, когда некое отдаленное подобие оценочных эпитетов все-таки можно отыскать, мы находим их у Луки, т. е. заведомо в самом греческом из Евангелий. Для начала мы встречаем похвальную характеристику Захарии и Елисаветы (1: 6): **Gsan d k d...kai oi ymf tteroi™ nant...on toa qeoa** — “оба были праведны пред Богом и ходили в Его заповедях”. Это оборот, конечно, сам по себе не греческий, а скорее ветхозаветный и скорее напоминающий характеристику Иова в начале соответствующей ветхозаветной книги, но сама эта характеристика тут вводится. В другом месте мы читаем о Младенце и Отроке Иисусе, что “Он возрастал в милости у Бога и людей”, или как это перевести — **™ n tH sof...v ka€ Nalik...v ka€ cJriti par! qeš ka€ anqriroi?** Конечно, и это не совсем оценочный эпитет, но наибольшее к нему приближение. Но мы не можем себе вообразить, чтобы подобного (даже подобного!) рода процедура была бы применена к Иисусу не в Его младенчестве и отрочестве, а позднее. Применительно к Иисусу никаких оценочных эпитетов быть не может — вообще эпитетов быть не может, потому что Он Тот, Кто не может быть, по определению учения о Нем веры, подогнан к какой бы то ни было наличной категории. Он не может быть рассматриваем как частный пример некоего общего понятия — что есть нормальная процедура биографии, античной греко-римской биографии, а затем христианской агиографии, применительно к ее героям. И очень важно, что в Евангелиях авторы не властны изречь какой бы то ни было суд, даже высшую похвалу о действиях Господа; более того, они не властны изречь приговор о ком бы то ни было в евангельском повествовании, потому что этот приговор принадлежит Самому Господу. Христос есть Тот, Кто судит в Евангелиях; рядом с Ним, перед Ним, повествуя о Нем, авторы не властны взять слово и сказать: “Злой Ирод, кровопийца”, или “богоненавистный Иуда” — что-нибудь такое, что нормально для лексики любого старинного жития — “а боголюбивый мученик отвечал нечестивому гонителю...” Ничего подобного в Евангелиях нет. И отсутствие этого мне представляется чертой очень важной, решающей вопрос о жанровой уникальности Евангелий. Вы знаете, что в западной науке вопрос ставился обычно так: если исследователи доказывали, что Евангелия не суть биографии, то они исходили из того, что цель Евангелий — не повествование, не историческое повествование, что очень сомнительно, скажем, в виду пролога Луки, а керигма (вы знаете, это такое важное греческое слово “возвешение”, оно вполне новозаветное, а с другой стороны, очень модный термин бультманианской и не только бультманианской теологии на Западе). Постольку, поскольку де Евангелия керигматичны, а не историчны, не повествовательны, они и не могут быть биографиями. На это существует очень

простой ответ в пределах светской науки. Что значит “керигматичны”? Что они имеют религиозное содержание, что они написаны ради той религиозной вести, которая в них содержится. В пределах светской науки нет возможности академически доказать разницу между этой керигматичностью и религиозным заданием, религиозной целью языческих жизнеописаний чудотворцев, языческих чудотворцев, языческих учителей, которых почитали как полубогов: скажем, Пифагора или Аполлония Тианского и т. д. Но даже если не делать таких рискованных сопоставлений с языческим материалом, то ведь внутри самого христианства мы имеем огромную агиографическую литературу. Что такое житие святых, если это не керигма, не проповедь, не возвешение? Конечно, жития святых написаны для нашего поучения; но именно потому, что они написаны для нашего поучения, они и поучают, они судят, они оценивают не только людей, но и каждый поступок, каждое слово, они объясняют нам, какие тайные мысли стоят за каждым действием персонажа. А ведь Евангелия в этом смысле полны загадок: скажем, загадка поступка Иуды так и остается загадкой, и замечание в Иоанновом Евангелии, что он был вор, — в общем еще одна загадка, а не разгадка. В каком смысле вор?

Когда Папий Иерапольский, цитируемый Евсевием и писавший в глубокой старости между 120-м и 130-м годами, передает, что он в молодости слышал о возникновении Евангелий, он любопытным образом два раза употребляет в двух словах один и тот же корень; это тот самый греческий корень, связанный с понятием перевода с языка на язык или истолкования, который присутствует в нашем слове “герменевтика”. Вообще говоря, в синагогальном обиходе тех времен должность переводчика-интерпретатора была обычной, такой человек назывался “метургеман”, а продукты этой работы, полу-перевода и полу-пересказа ветхозаветных текстов с еврейского на арамейский в Святой Земле называются, как известно, “таргумы”. По-гречески *poimen agentis* — *hrmhneut*», и ему соответствует глагол; оба слова мы встречаем у Папия.

Евангелия с самого начала возникали на некоей границе языков и культур, они возникали с самого начала как перевод. По свидетельству того же Папия и некоторых других раннехристианских авторов, первое Евангелие точно было написано “по-еврейски”, как выражаются эти авторы. Здесь стоит заметить, что греческий язык не очень различал в то время еврейский и арамейский, поэтому **braġdh dialġkt** может означать — и по-еврейски, и по-арамейски. Большинство современных исследователей склонны считать, что имеется в виду арамейский язык, но, скажем, аббат Карминьяк, знаменитый специалист по Кумрану, который в конце жизни обратился к новозаветной тематике, очень энергично настаивал на том, что надо иметь в виду именно еврейский язык. Это очень необычная судьба, судьба, характерная для христианства.

Если вы мне позволите, я чуть-чуть отвлекусь в двух или трех фразах. Ведь вообще историческая судьба христианства являет собой поразительный контраст, например, судьбе ислама. С исламом легче всего христианство сопоставлять, потому что по формальным религиоведческим понятиям — это две мировые религии, две авраамитические религии. Ислам развивался, так сказать, естественно. Он родился среди арабов, поэтому вполне понятным образом Священная Книга ислама написана по-арабски, и арабский язык — это сакральный язык ислама до сих пор настолько, что настоящие мусульмане не допускают не только мысли о богослужебном употреблении переводов Корана, но вообще о переводе Корана, хотя бы для домашнего чтения, на какой бы то ни было язык. Для ислама арабский язык — сакральный язык, язык веры во веки веков, и только на нем можно молиться и только на нем можно читать Коран. Соответственно народ, который своими завоеваниями создавал исламскую ойкумену, обращая, конечно, другие народы, — это арабский народ. И ойкумена эта очень стабильная: какие-то земли ислам терял, как Испанию или Балканы, какие-то приобретал, но в общем исламская ойкумена как была создана примерно за два столетия после смерти Мохаммеда, так

она и существует. Поэтому, кстати, в исламе отношение к Мекке и Медине более необходимое, чем у нас к Святой Земле, хотя у христиан всегда была практика паломничества. Однако интересно, что некоторые отцы церкви критиковали эту практику. Во всяком случае совершенно ясно, что всякий христианин хорошо сделает, если совершит паломничество, если ему это полезно для его духовного пути, но в сущности христианин находит все, что нужно, — гроб Господень, и Назарет, и Вифлеем, все — в любом, самом последнем сельском храме. Вот алтарь — это все святыни, всё тут.

Напротив, судьба христианства была с самого начала совершенно противоположной: его не принял народ, среди которого христианство родилось, Новый Завет написан по-гречески, на языке, который не был сакральным языком ни с какой стороны. Сакральным языком был, естественно, язык Синайского Откровения, но можно было относиться как к сакральному языку к арамейскому, потому что на нем говорил Господь. И с каким чувством Евангелие от Марка восемь раз транслитерирует по несколько слов или одно слово, как это произносил Господь по-арамейски! Но Церковь сохранила греческое Четвероевангелие. Хотя есть серьезные основания искать некоторую память о первоначальной арамейской традиции передачи слов Господа в древних сирийских переводах, — но в общем-то дошло все по-гречески. И, простите, здесь я отвлекаюсь от новозаветной тематики, но ведь это продолжалось потом. Христианство потеряло все те земли, которые в первые века были самыми важными. Подумать только, что всех семи церквей, поименованных в Апокалипсисе — которые, как бы мы их ни понимали символически, еще и означали просто локальные церкви, диоцезы, что всех их не существует, после 1922 г. вообще не существует! До этого было рабство под властью ислама, но как-то там греки все-таки жили, в 1922 г. все греки были вышвырнуты из Малой Азии. Подумать только, что Египет, место, где родилось монашество, где родилась христианская философия во времена Оригена, Северная Африка, где родилась латинская христианская литература, христианская латынь (христианская латынь ведь родилась не в Риме, в Риме христиане долго писали по-гречески, а именно в Северной Африке), что все эти земли забрал ислам! Зато христианство каждый раз обретало новые земли, новые народы. Мы привыкли тысячу лет к тому, что христианство и Европа — это как бы одно покрывает другое, но вот в Европе христиане уже скорее в меньшинстве, чем иначе, но зато христианство проповедано там, где оно никогда не было проповедано. “Fiunt, non nascuntur christiani”, — сказал Тертуллиан, “христианами не рождаются, христианами становятся”. И это — участь христианства. Если какую-то другую религию, явление естественное, явление подчиненное законам природы, можно сравнивать с самоидентичностью какого-то физического предмета, то христианство — это все время огоньки Пятидесятницы, огоньки Духа над головами. Очень спорны, очень сомнительны понятия христианского языка, христианской нации, христианской земли. Земля ислама в исламе — это богословское понятие. У нас это не так.

Ну вот, я все-таки возвращаюсь к своей теме, простите за это отступление.

Мы все время должны помнить, вот как говорит Папий, Марк был **¶rmhneut»j** — переводчик Петра. Петр что-то говорил по-еврейски или по-арамейски, а Марк переводил на греческий. Крайне трудно представить себе, что Марк переводил на латынь, но может быть. По свидетельству Папия, Евангелие от Матфея было написано **¶braБdh dialьktJ** — на еврейском наречии, а потом это **№rm»neusen** — переводил, перелагал — “кто как умел”.

То, что это измерение перевода, двуязычности все время присутствует в Евангелиях, очень важно помнить. Правда, я думаю, что в переводе каких-то слов русский язык для фиксации этого библейского не греческого смысла греческих слов больше подходит, чем западные языки. Разумеется, сказанное в разной степени относится к разным новозаветным текстам. Вообще говоря, недостаток, парадоксальным образом обедняющий традиционные переводы,

освященные временем, как лютеровский перевод на немецкий, как King James Bible у англичан, синодальный у нас и, напротив, такие наиболее модернизирующие переводы, как Gute Nachricht für Sie, Good News for Modern Man или же, скажем, переводы Кузнецовой, состоит в том, что все они объединены одним общим свойством — они выравнивают, нивелируют стилистику Евангелий, стилистику вообще новозаветных текстов, которая гораздо более разнообразна, чем переводы дают об этом понятие.

Пожалуй, стилистически наиболее “греческий” текст — это Послание к евреям. Вы знаете, что церковное предание всегда связывало Послание к евреям с “мыслями” апостола Павла, но не ему приписывало авторство текста как текста, как составление самой словесной материи. Разумеется, это совсем не его слог. Тот же самый Эдуард Норден, который, я повторяю, подходил к новозаветным текстам как специалист по греческой прозе, очень живописно излагал, как специалист по античной словесности сразу успокаивается, какой у него возникает душевный комфорт, когда он от других новозаветных текстов переходит к Посланию к евреям, — наконец ему как эллинисту все понятно. (В других все время что-то слишком сильно определено семитическим языковым мышлением. А тут, наконец, все нормально, текст построен так, как он построен.) Я еще раз напоминаю, что единственная дефиниция имеется именно там.

Относительно Луки мне лично очень трудно поверить, что он сам не чувствовал контраста, который возникает в самом начале его Евангелия. Евангелие от Луки начинается, как известно, очень элегантно греческим периодом, построенным по всем правилам, за который в любой риторической школе похвалили бы. И затем сразу идет слово **ἦν** — это очень характерное начало в переводе Септуагинты ветхозаветных книг — “и было” во дни Ирода, царя Иудейского... И как раз первые фразы после этого периода очень сгущенно ориентированы на Септуагинту. Затем у Луки ориентация на Септуагинту не такая резкая. Но жест перехода — вот сейчас я разговариваю с этим самым Феофилом, и ему по всем правилам греческой вежливости сообщаю, о чем я буду говорить, а вот я уже начинаю Благовестие, до этого была преамбула к благовестию, а вот начинается Благовестие как таковое, и оно стилистически фактурой резко отличается. Это как священник начинает служить — он до этого может что-то необходимое сказать, а затем начинается богослужение с возгласов.

Очень интересно, какие слова употребляют евангелисты для характеристики того, что они, собственно, делают. В трех первых Евангелиях, синоптических Евангелиях, эти слова даются в начале, в Евангелии от Иоанна, напротив того, — в конце. У Матфея **βιβλος**, *sepher*, “книга”, — как ветхозаветные книги. У Марка, и только у Марка, — *εὐαγγέλιον*. У Луки в прологе, подчеркнуто мирском, подчеркнуто греческом прологе, который так контрастирует с почти литургическим началом собственно благовестия, употреблены слова, звучащие очень терминологически для уха образованного носителя эллинистической культуры, — **δι᾽ ἡσθητικῆς ἱστορίας**. Дело в том, что принятым термином для научной, по-нашему, историографии, в отличие от историографии декоративной, эпически-повествовательной, историографии как изящной словесности, было словосочетание **πραγματικῆς ἱστορίας** — прагматическая история; слово с тем же корнем, что **πραγματίζω**. Если бы не стилистическая проблема, **πραγματίζω** здесь надо было бы переводить как “факты”; для греческого уха это тбк звучало. Когда Полибий объясняет, что он, в отличие от эллинистических авторов риторически построенных сочинений по истории, будет реализовать замысел **πραγματικῆς ἱστορίας**, он хочет сказать именно это: “Я буду рассказывать о фактах, я не буду заниматься приятными рассказами для вашего услаждения”. И, конечно, слово **δι᾽ ἡσθητικῆς** — это очень обычное для греческой литературной теории слово, т. е. в Евангелии от Луки мы сразу встречаем некоторую заявку на историографический труд, который при всем своем очень особом назначении более или менее соотнесен с понятием историографии, как его выработала

греческая культура. И нас не удивляет, что именно в третьем Евангелии мы находим единственную на весь Новый Завет дату по всем правилам тогдашнего датирования. Нормальная датировка ведь была, даже и для документов, по годам царствования царствующих особ. Все эти летоисчисления, которые мы знаем, от основания Рима и т. д. — это была редкость, чуть ли не снобизм, если человек писал историю по годам от основания Рима. А в нормальной жизни, жизни вполне светской, документы, но часто также историческое повествование датировались по годам правления царствующих особ, начиная с эллинизма, когда таковые были, и в римское время по годам римских императоров. И вот когда мы читаем у Луки: “В пятнадцатый год правления цезаря Тиверия, когда игемоном был Понтий Пилат и тетрархом в Галилее Ирод, а его брат Филипп в Итурее” и т. д., когда такие-то лица были первосвященниками, — это попросту указывается место священной истории в мировой истории. Что же касается Евангелия от Иоанна, то там нет, строго говоря, обозначений жанра текста, но в последней фразе, как раз самое последнее слово во всем Евангелии — это слово **b...blia**, т. е. множественное число от уменьшительной формы того же самого слова “книга”. Но я бы не хотел, как это по-английски, *stress the point* — со слишком большим нажимом говорить то, что я сейчас скажу. Все-таки то обстоятельство, что это слово, которое именно в такой форме, в форме диминутива, нормально употреблялось для обозначения позднеиудейских книг более или менее эсхатологического содержания, т. е. не непременно апокалиптического в узком смысле, но эсхатологического, тоже едва ли случайно.

Ну вот, может быть, теперь вы мне будете задавать вопросы или выскажете пожелания, чтобы я на чем-нибудь остановился побольше. Я вот на всякий случай принес Евсевия, чтобы разбирать это самое место по Папию.

Вот что еще я хотел бы сказать по поводу темы перевода, по поводу вот этой сложной языковой ситуации. Как вы знаете, Евангелия принято называть, по-славянски — “от” Матфея, Марка, Луки, Иоанна, по-гречески — **katJ**. Возникает вопрос: какие светские параллели в языческой греческой литературе есть для такого обозначения — “некий текст **katJ** ...”? Выясняется, что авторство вроде бы никогда таким образом не обозначалось. Есть очень-очень поздние и редкие примеры в медицинской литературе: изложение какой-то медицинской проблематики — “по” такому-то медицинскому автору. Но в греческой историографии и в других направлениях словесности, как, впрочем, и в грекоязычной иудейской литературе, никаких параллелей этому не встречается. Зато параллели встречаются там, где речь идет о переводах. Ну вот, скажем, о переводе 70 Толковников, и это едва ли случайно. На это обратил внимание Мартин Хенгель, я думаю, один из самых здравых ныне существующих исследователей, который вообще-то является очень известным и авторитетным исследователем, но к словам которого, по моему личному мнению, недостаточно прислушиваются. У него есть специальное исследование, касающееся заголовков евангелий. Между прочим, он, по-моему, обоснованно поставил под сомнение довольно произвольную гипотезу, не подтверждаемую никакими находками, согласно которой первоначально в надписаниях Евангелий слово **eϫaggλlion** отсутствовало и, значит, просто было **katJ**. Но это в конце концов не такой уж важный вопрос, но вот вопрос об обертонах, о коннотациях такого обозначения благовестия — **katJ** и дальше имя — это, я думаю, важный вопрос, и то, что такое словоупотребление вызывает явные ассоциации с практикой перевода, перевода, который — всегда немножко истолкование, это вот все-таки важно.

Мне очень хотелось бы рекомендовать всем, кто хотел бы познакомиться поглубже с вопросом о языковой ситуации Евангелий, и кто свободно читает по-английски, и кто может получить доступ (я не очень представляю себе, как это делается) в библиотеку Института востоковедения, книгу Мэтью Блэка “An Aramaic Approach to Gospels and Acts” (“Арамейский подход [т. е. подход с точки зрения реалий арамейского языка] к Евангелиям и к Деяниям”).

Эта книга хороша тем, что она представляет собой очень достоверное обобщение работы, которая велась достаточно долго. Как показывает название книги, Блэк исходит из гипотезы, принимаемой в общем-то большинством исследователей, что изначальное предание, изначальные записи были по-арамейски. Это даже едва ли гипотеза — Господь говорил по-арамейски. Марк транслитерирует именно арамейские слова. Формы имен, скажем, привычное нам всем имя Пресвятой Девы — Мария, образованы в результате эллинизации арамейской формы, а не еврейской.

Работа над обратным переводом речений Господа на арамейский язык начиналась в основном немецкими и отчасти скандинавскими исследователями в конце прошлого — начале этого века, но велась она не очень строго, потому что исследователи исходили из недостаточно жестко ограниченных понятий, связанных не просто с арамейским языком вообще, но и с галилейским, иудейским и палестинским диалектами, диалектом арамейского языка и именно тем, на котором говорили в первом веке или во времена непосредственно близкие к этому, а не позже и не раньше. Постепенно эта работа шла все более строго. Заслуга Мэтью Блэка, достоинство его книги состоит в том, что ее автор — человек, во всяком случае не увлекающийся.

Был гениальный исследователь — Олбрайт, хотя бы с популярными работами которого было бы хорошо познакомиться. Олбрайт преимущественно занимался библейской археологией. Это была его самая главная специальность, но он очень много занимался и, так сказать, языковой археологией, причем занимался и исследованием Ветхого Завета, и исследованием Нового. Это был гениальный человек. Известны факты его поразительного провидчества, когда он, обратив внимание на какой-то никем не замеченный текст, на какую-то проходную фразу, ни у кого не вызывавшую интереса, просто предсказывал какие-то археологические открытия (например, Эблы), которые потом и происходили. Он занимался и комментированием Евангелий, есть его обстоятельный комментарий к Евангелию от Матфея. Читать Олбрайта очень интересно и очень полезно, но вот он был человек увлекающийся, у него были смелые гипотезы, недостаточно проверенные, поэтому к нему относятся по-разному, хотя это одна из замечательных фигур не только в библеистике, но и вообще в истории науки XX в. Если есть исследователи, настроенные по отношению к нему восторженно (у нас в России таким был кумрановед Амусин), есть и такое настороженное отношение. А Блэк, в отличие от Олбрайта опирается не на собственные гипотезы, только что пришедшие в голову, а очень сбалансировано подводит итоги работе нескольких поколений и немецких, и скандинавских, и англосаксонских исследователей. О результатах этой работы я писал в предисловии к книге “От берегов Босфора до берегов Евфрата”. В моей довольно большой вступительной статье есть страничка или две, где я привожу в латинской транслитерации звучание некоторых реконструируемых или угадываемых по древнему сирийскому изводу речений Господа. Там очень частое явление — игра созвучий, игра слов, сближение слов по их звучанию или по их этимологическим характеристикам. Скажем, “кто делает грех, тот раб греха” — это основано на том, что слово “делать” — ну примерно как по-русски “работать” — и слово “раб” — это слова одного корня. Вообще это отчасти относится к вопросу о том, как речения запоминались, как это было возможно, что они хранились в устной традиции до записи. Надо представить себе, что вообще-то семитские языки и особенно традиционный для семитских языков способ проповеди, пророческой речи дают возможность очень большой сжатости в результате малого числа слогов. Ведь и по-еврейски, и по-сирийски, и по-арамейски (арамейский и сирийский, ведь вы понимаете, что это фактически один и тот же язык, но в разных стадиях, это как русский язык времен Иоанна Грозного и современный русский язык), как правило, все гораздо короче. Скажем, вот пример, который я всегда привожу: “Бла-го-сло-ви, ду-ше мо-я... ” — это и по-гречески будет так: **εΠΙΤghson № yuc» mou**, но по-еврейски это будет **barki naphši** — всего четыре слога. Вдобавок при такой энергичной краткости речь очень насыщена созвучиями и употреблением однокоренных слов. Такая речь максимально пригодна для того,

чтобы ложиться на память. И нужно представить себе произнесение слегка ритмическое, нараспев, как это совершенно неизбежно для всякого традиционного древнего типа проповеди, публичной речи, речи учителя — неторопливо, нараспев. Это нельзя представлять себе по плохому фильму Пазолини, где Господь наш говорит, как на митинге оратор. Это совершенно другой тип речи.

Ну вот, может быть, теперь будут вопросы, пожелания и т. д.

Вопрос: *Соответствует ли членение церковнославянской Библии на зачала делению на перикопы древнего текста?*

С. Аверинцев: Тождества здесь нет, но у самого принципа — древняя основа.

В.: *Сергей Сергеевич, вот все-таки в Евангелии от Иоанна есть некоторые характеристики Иуды.* С. А.: “Он был вор” (Ин 12: 6) — только это, а какая еще характеристика?

В.: *Когда Мария, взявши фунт драгоценного мира, помазала ноги Иисуса, Иуда сказал: “Для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим?”*

С. А.: “Он это сказал не потому, что заботился о нищих, а потому, что был вор”. Это действительно очень выделяющееся место, но это ведь не совсем характеристика, это еще одна загадка. Вот в каком смысле человек, все-таки призванный Господом нашим, учивший, творивший чудеса и т. д., почему, в каком смысле он стал вором?

В.: *Там же говорится об этом. Он имел при себе денежный ящик и носил, что туда опускали.* Непонятно, зачем брал, трудно объяснить, зачем это нужно было?

С. А.: Да, да. Я могу рассказать, как это придумала одна умная и благочестивая англичанка, которая к тому же была по профессии детективной писательницей. Ее звали Дороти Сэйерс, может быть, вы слышали о ней как об авторе детективов. Своими детективными сочинениями она зарабатывала себе на жизнь, вообще же она была человеком с филологическим образованием и читала Евангелие по-гречески. Она писала о Данте, у нее есть замечательные пьесы религиозного содержания. У нее есть очень интересная пьеса о Фаусте, где она совершенно переворачивает фаустовский сюжет. Кроме того, ей принадлежит цикл пьес о Господе. И там она вынуждена была ввести какую-то линию, касающуюся Иуды, выдуманную ею на свою ответственность. И вот эти ее пьесы, все, кроме темы Иуды и кроме самой первой, идут в общем как прямая драматизация евангельского текста. Дороти Сэйерс очень старалась не отходить от того, что она находит в Евангелиях, и как можно меньше выдумывать. И только линию Иуды она должна была выдумать, включая мотивы воровства. У нее это так: Иуда — это человек, так сказать, богословски одаренный, но который при этом не одарен духовно или не развит духовно в меру собственной мысли. У него ощущение, отчасти правильное, что Учителя апостолы не понимают, — а он, Иуда, понимает. Надо сказать, что здесь Дороти Сэйерс очень отличается от многих других своих беллетристических предшественников, которые представляли Иуду националистом, желающим, чтобы Христос был национальным Мессией. Иуда первый как бы на уровне слов понимает, что Мессия должен пострадать, что все будет совсем не так, как ждут, и это для начала пробуждает в нем гордыню, он привыкает к мысли, что он-то понимает, как все должно быть. Он начинает с того, что презирает других апостолов. Но затем он начинает видеть в Учителе не Учителя, а исполнителя той программы, которую за Него понимает Иуда; и это делает его постепенно очень раздражительным и подозрительным, а Господь все время как бы слишком непроницаем. Он не дает вот так вот просто вычислять Свое поведение, поэтому Иуда начинает за Ним шпионить. Надо сказать, что Дороти Сэйерс основывалась на одном интересном сообщении в той версии Иосифа Флавия, которая дошла только в славянском переводе. В этой версии есть такие сведения: когда Иисус входил в город,

какие-то иудейские партизаны (“зилоты”) были в засаде и ожидали, не подаст ли Он им знак, чтобы штурмом брать Иерусалим и устанавливать христианское царство. У Дороти Сэйерс Иуда как раз подозревает Господа в том, что Он поддастся на соблазн власти, поддастся на то самое, чем Его искушал в пустыне сатана. А между тем к Нему ходят какие-то люди от этих партизан. Иуда не знает, что они Ему говорят, и он пытается шпионить и подкупать их, чтобы они ему излагали, что там их предводитель велел рассказать и прочее. Но своих денег у него нет, и для такой возвышенной цели он делает все, что можно, в том числе и ворует, чтобы подкупать, шпионить и т. д. У Дороти Сэйерс вставлено любопытное толкование эпизода, когда Господь перед входом в Иерусалим посылает двух Своих учеников в селение, где они найдут ослицу и осленка, вот так было условлено, что там эти животные будут дожидаться. В последний раз посылает начальник партизан-“зилотов” к Иисусу своего человека, но уже без письма. До этого Иуда, покупал письма, перехватывал их, — а тут вот без письма. И вот делается последнее предложение: Тебя в таком-то месте в Иерусалиме будут дожидаться осел и боевой конь. Если Ты хочешь поступать серьезно, то садись на боевого коня, и мы пойдем за Тобой; Иерусалим в этот же день будет Твой. А если Ты в последний раз откажешься — бери осла. И у Дороти Сэйерс Иисус отвечает посланнику: “Знак вам будет”. Посланника в очередной раз подкупает Иуда, он передает ему эти слова, после чего Иуда окончательно уверен: все, Он сказал, что Он даст знак. Боже мой! Учитель изменил великому делу, но я его спасу, я сделаю так, что Он будет страждущим Мессией и т. д. Во всяком случае все это не очень тривиально.

Вообще пьесы Дороти Сэйерс замечательные. Я не думаю, что их надо было бы переводить, потому что перевод их не очень возможен вот по какой причине: их язык — это тот самый старомодный, но мирской английский язык, который непосредственно близок к сакральному языку. На английском языке можно говорить — старомодно, но в общем так, что это будет светский язык, однако это будет язык достаточно близкий к языку King James Bible. У нас все начинается с того, что “Господь” и “господин” — разные слова. Между прочим, это труднейшая проблема при переводе Евангелий! (А когда Господу нашему еще до Его Воскресения говорят: “КЪrie”, то что это? Если переводить “Господи”, словно бы Его уже исповедают Богом, а это только Воскресшему скажет Фома, и это будет совершенно ново. А Ему не только апостолы, а первые встречные, которые обращаются к Нему просто как к чудотворцу, как к какому-то сильному исцелителю, который может помочь, говорят: “КЪrie”. Понятно, что арамейское “мар, мара, мари”, — это означает “господин мой”. А все это переводится “Господи”.) Ну а по-английски, сами знаете, все будет lord — и в палате сидят lords, и Господь будет Lord. Что касается проблемы “Господь” и “господин”, то, с одной стороны, в этом, несомненно, богатство русского языка — вот есть такие пары “Господь” и “господин”, “царствие” и “царство”. Одно стихотворение Цветаевой замечательно игрой на противопоставлении: — “царства сокрушаются”, а “царствие — будь!”. Но с другой стороны, это опасно, потому что вот читает человек, простодушный русский человек, синодальный перевод Евангелия или безобразовский, и там все говорят: “Господи”. Получается, что земная жизнь — это вовсе не земная жизнь. Вот Он ходит ну как бы с нимбом, и все видят, что Он — Бог. Так очень легко этих людей соблазнить специфически советским видом атеизма: в любой другой стране атеист отрицает, что Он — Бог, советский же атеист отрицает, что Он — человек. У безбожного читателя может остаться такое впечатление: “Ну что же это значит? Он ходит, и Ему все говорят: “Господи, Господи”. Наверное же, это Бог, для Которого задним числом придумали, что Он — некоторым образом человек, что Его как-то вписали в историю. Сплошной миф...”

В.: Греческий текст Евангелий, которые сейчас используют филологи, изучающие Новый Завет, является в общем собирательным текстом различных манускриптов новозаветных текстов. И сейчас возникла дискуссия о целесообразности использования вот этого текста. Я имею в виду издания Нестле-Аланда и тому подобные. С чем связано возникновение такой

проблемы?

С.А.: Во-первых, я думаю, что для нужд верующего человека, который не собирается посвятить себя специально новозаветной текстологии или переводу, это вопрос не очень острый. На самом деле текстологические расхождения не так уж невероятны, не так уж их много, не так уж они определяют перевод. С другой стороны, альтернатива Нестле-Аланду — это так называемый *textus receptus*. *Textus receptus* — это феномен очень случайный.

В издании Нестле-Аланда (собственно, самый серьезный спор ведется из-за этого) некоторые места, отсутствующие в наиболее старых рукописях, в частности, конец Евангелия от Марка (это самый известный вопрос) и еще эпизод из Евангелия от Иоанна о жене, взятой в блудодеянии, приведены в подстрочных примечаниях. Для Церкви здесь нет вопроса, поскольку то, что в литургическом обиходе, — остается в литургическом обиходе.

Литургическое значение Нового Завета, каждого новозаветного текста, связано в конце концов не с его происхождением, а с авторизацией Церковью. Именно поэтому, по моему глубокому убеждению, церковный православный человек, не очень торопясь поспешать во всех случаях за научной модой, имеет полную свободу, не вступая даже в малейший конфликт со своей верой, обсуждать авторство любого библейского текста. Нет серьезных причин сомневаться в авторстве, например, Марка или Луки (хотя R. Gundry высказался и за авторство Матфея), но есть случаи, где это все гораздо менее очевидно для академической науки. Все эти вопросы, по моему убеждению, верующими людьми могут обсуждаться очень спокойно по той причине, что не только Священное Писание, но и Предание, и библейские тексты, авторизованы для нас Церковью. Церковь для нас — автор канона Ветхого и Нового Заветов. И мы можем совершенно спокойно обсуждать вопрос о том, когда, скажем, речь идет о Ветхом Завете, что написано в Книге Исайи Исайей и что не Исайей, что когда могло быть написано и т. д., потому что текст предлагает нам авторитет Церкви, а не авторитет Исайи или Матфея. Мы принимаем это из рук Церкви.

Теперь о текстологии. Во всех случаях издание древних текстов производится не по одной рукописи. Чем больше авторитетных рукописей, тем лучше. Есть рукописи, которые совершенно очевидно являются просто поздними копиями каких-то других уже известных рукописей. Они для текстологии более или менее безразличны. Но все рукописи, которые представляют самостоятельные версии, должны приниматься во внимание. Нестле-Аланд принимали во внимание все. Помимо рукописей, естественно, и папирусы. Они принимали во внимание древние переводы, самые ранние цитаты из Нового Завета раннехристианских авторов, они принимали во внимание, наконец, языковые соображения, и это очень серьезная работа, которая при изучении, при научном изучении Нового Завета никак не может быть игнорируема. Что касается новых переводов, то когда речь идет о чтении того или иного слова, я думаю, что мы должны либо принимать Нестле-Аланда, либо очень серьезно подумать сами, очень серьезно подумать, почему мы это отклоняем.

Что же касается вопроса об объеме каждого Евангелия, то для литургического обихода вопросы текстологии не могут иметь значения. Евангелие от Иоанна, скажем, при каждом водосвятии читается так, как оно и читается. Нет никаких причин выбрасывать все то, что отсутствует в самых древних рукописях. Церковное предание, церковный литургический обиход закрепил в литургическом употреблении эти тексты таким образом.

Что касается издания для чтения, то я, вероятно, либо указывал бы, как это делается в безобразовском переводе, что вот такое-то место отсутствует во многих авторитетных рукописях, либо давал бы его в подстрочном примечании, с тем чтобы читатель имел возможность его прочитать. В некоторых очень сложных, профессионально решаемых вопросах библейской экзегезы имеет значение, входила ли изначально та или иная фраза, те или иные

слова в евангельский текст, или они были добавлены позднее. С другой стороны, ну вот скажем, отрывок о жене, взятой в блудодеянии, без которого никто из нас — не правда ли? — просто никоим образом не хотел бы видеть Евангелие от Иоанна, судя по свидетельству Папия, первоначально входил в евангелие, которое первоначально называлось Евангелие евреев и которое не было принято Церковью как каноническое, но и никогда не было никем осуждаемо как еретическое (как многие гностические евангелия). Если в какое-то время соборный разум Церкви решил перенести этот отрывок из евангелия, я еще раз повторяю, никем не осужденного, но не принятого в канон и впоследствии утраченного, в Евангелие от Иоанна, то это было правомочное решение Церкви. Церковь имела власть сделать это в пору становления канона.

Вообще, я думаю, есть проблемы, порожденные протестантизмом, но не должны существующие существовать для православных. Совсем не в том смысле, что православные должны быть фундаменталистами. Интересно, что термин “фундаментализм”, в наше время применяемый и к исламу и т. д., возник как название определенного направления именно в протестантизме. Что сделали протестанты? У Лютера была формула *solus Christus* — это против почитания Божьей Матери и святых, и *sola Scriptura* — только одно Писание, не Предание. Вы понимаете, что происходит, когда мы отделяем Писание от Предания? Мне, кстати, говорила одна очень серьезная лютеранка: “Ученые среди нас теперь ведь понимают, что Писание — это сердце Предания, это центр Предания, но это часть Предания”. Естественно. Но если человек говорит — *sola Scriptura*, то в следующее мгновение он должен выбирать между крайним либерализмом, релятивизмом и т. д., между каким-то путем, в конце которого уже совершенно непонятно, почему теолог называет себя теологом, — и фундаментализмом.

Простите ради Бога, если я сейчас попробую по примеру Священного Писания, но в меру моих сил, придумать некую притчу. Представим себе, что мы знаем некое лицо, имеющее законную власть, и вот мы получаем письмо от этого человека. Мы знаем, что есть этот человек, что существуют определенные отношения, целая система отношений с ним, и тогда мы даже можем, если это письмо уж очень официальное, посмотреть на него и подумать: “Да, по смыслу это, конечно, он говорит, и я должен слушаться. Но вот этот словесный завиток, может быть, добавил его секретарь, а может быть, и нет. Я не должен чересчур об этом размышлять, а то перестану слушаться, но, с другой стороны, я вполне могу это себе представить, и это не разрушит в общем всей системы. Имеющий власть прислал мне письмо, я его слушаюсь и т. д.” Но представьте себе, что вы перелажаете на само это письмо обязанность доказать существование лица, которое мне его прислало, существование системы отношений, в которой я ему подчинен, существование вообще вот такого жанра писем и т. д. Можно проверить подлинность документа, но ни один документ сам по себе не может доказать того, что он вообще может быть документом, что на свете вообще существуют документы и что есть то лицо, которое мне этот документ прислало. И тогда, действительно, нет возможности избежать той или иной крайности. Переложив это речательство за достоверность того, что мы получаем, с живого предания, с живого бытия Церкви, на документ, мы впадаем либо в скепсис, либо в фундаментализм. То и другое противно традиции. Как фундаменталисты, мы будем страшиться мысли, что что-то может быть рассказано не в том порядке. А между тем, чем древнее христианские авторы, чем ближе эти авторы к ситуации написания Евангелий, тем свободнее они про это думают и говорят. Папий Иерапольский рассказывает, что он сам расспрашивал совсем старых людей еще апостольского поколения, доживших до его времени, поэтому он спокойно говорит: Да, в Евангелии от Марка всему можно верить, он писал со слов апостола Петра; и записывал он верно, но порядка не знал, потому что не ходил со Христом, не слушал Его сам, его при этом не было. А апостол Петр рассказывал *ad hoc*, к случаю, как там говорится — “по надобности того, кого он поучает”. Там есть такое выражение: **prXj t;j cre...aj** — какие нужды он встречал, так и надо было преподать поучение тому человеку, по ситуации

Петр и рассказывал тот или иной евангельский эпизод. И Марк знал эти эпизоды, но не знал их хронологической последовательности. И **oIII katJ tJxin** — “не по порядку рассказывает Марк”, — говорил “старец Иоанн”, такой вот персонаж, отношение которого к Иоанну Богослову и отношение которого к четвертому Евангелию — это предмет очень больших контrovers; во всяком, случае свидетель традиции (что очень подчеркивает Папий), говорил вот так.

А “Матфей писал по-еврейски, и его переводили, как умели”. То есть это действительно аутентичное свидетельство, но аутентичное свидетельство, переданное через людей. Если же вы элиминируете понятие Предания, то вы должны будете либо любой ценой настаивать на непогрешимости не духа, но буквы евангельских повествований, вообще каждого слова в Священном Писании, либо, занимаясь критикой, не будете иметь никаких здоровых границ. Критика — это вовсе не дурное понятие, оно само по себе не означает ничего безбожного, оно взято из обихода филологов. У филологов есть критика текста и так называемая высшая критика, то есть анализ того, что получается в результате чисто текстологической работы. Полный релятивизм — это не научный, а идеологический феномен. Каждый день во всем мире, теперь уже не только в Европе, но и в Африке, я уж не говорю о Соединенных Штатах, латиноамериканских странах, Австралии — повсюду, каждый год, каждый месяц, каждый день появляется какая-то работа об исследовании новозаветных текстов. Этих работ уже гораздо больше, чем самый добросовестный исследователь в состоянии охватить своим вниманием. Но кроме того, есть и невероятное количество людей, которые по своей профессии обязаны снова и снова обращаться к этому (положение человека в научном мире в университетской среде на Западе зависит от степени регулярности появления новых публикаций). Это дает не только хорошие результаты. Разумеется, в определенных отношениях филигранность анализа дошла действительно до очень похвальных высот, но инерция невероятного количества работ создает рутину, которая через некоторое время будет способна поработить даже серьезных людей, вовлеченных в этот процесс, если они не являются уж очень яркими и самостоятельными исследователями, которые в состоянии как-то извне посмотреть на эту рутину. Очень часто гипотеза, где-то кем-то высказанная без настоящих доказательств, повторяется еще и еще, и через некоторое время все уже забывают, что это гипотеза: “Ну как же, наука к этому пришла. Все так говорят”. А когда в сферу новозаветных исследований входит человек извне, т. е. я имею в виду не дилетанта, но человека, получившего выучку либо гебраиста, либо гебраиста-кумрановеда, как Карминьяк, либо филолога-классика, либо еще какую-то достаточно основательную выучку, — через некоторое время он начинает удивляться, разводить руками и буквально вскрикивать, как это делает англичанин Джеральд Брей во вступительной главе своей книги “Христос, соборы и Символ веры”, где он говорит, что вот он, филолог-классик по первоначальному образованию, может твердо сказать, что в классической филологии не прошел бы целый ряд гипотез, которые укоренились просто в силу рутины в сфере изучения Нового Завета. С другой стороны, некоторые гипотезы, которые остаются гипотезами, потому что не доказаны, но которые достаточно убедительны и просты, именно в силу своей простоты выходят из научной моды. Ну, посудите сами, наука на своих путях приходит к тому, что в основе Евангелия от Матфея, того Евангелия от Матфея, которое мы имеем теперь, и в основе Евангелия от Луки лежат два источника (теория двух источников, от которой очень трудно уйти) — это Евангелие от Марка плюс еще другой источник, содержащий преимущественно речения Господа нашего или, может быть, исключительно речения. А затем мы читаем у Папия, что он сначала упоминает Марка, а потом говорит, что Матфей собрал речения (тут, правда, есть сложный вопрос относительно понимания греческого слова **lTgia**, но подавляющее большинство исследователей считает, что оно означает “речения”). Согласитесь, что одно на другое очень естественно накладывается. И когда еще в первой половине XIX в. знаменитый теолог времен немецкого романтизма Шлейермахер предположил, что Марк — это Марк, а другой источник — это первоначальный

еврейский текст Матфея, то это была очень естественная гипотеза, но она вышла из моды, она забыта, о ней как-то и заикнуться теперь уже неудобно.

Никто никогда не доказал, что некоторые места, начиная с пролога Иоанна и включая целый ряд мест в посланиях апостола Павла, которые отличаются особенной ритмичностью, являются именно цитатами из раннехристианских гимнов. Есть специалисты, которые над этим издеваются. Во всяком случае доказать это невозможно по той простой причине, что мы не знаем раннехристианской гимнографии. К самым ранним греческим гимнам, которые мы знаем, можно отнести — скорее молитву, чем гимн — самый первый вариант известной нам молитвы, или песнопения, “Под Твою милость прибегаем, Богородице Дева...”. Этот текст сейчас несколько отличается, но в общем-то то же самое было найдено на папирусе III-го в., хотя это не эпоха III-го века. Церковное предание дает довольно раннюю датировку песнопению “Свете Тихий...”. Если судить по этим двум текстам (это тексты тоже III-го в., а не I-го и не самых начальных времен Церкви), то начальная христианская гимнография существовала, и о ней упоминает в своем знаменитом доносе на христиан императору Траяну Плиний Младший, если начальные христиане что-то пели, помимо псалмов Давида или, может быть, аналогичных произведений, вроде т. н. песен Соломона. Это все, в общем, ритмическая проза, которую невозможно выделить. Когда в древнегреческом прозаическом тексте цитируется стихотворная строчка, то ее можно опознать, потому что у греков была такая просодия, которая более или менее однозначно распознается, — это все-таки не одно слово, не два, а какая-то метрическая единица. Но если поется ритмизированная проза, и если привычка к тому, чтобы проза была ритмическая, очень большая, что было свойственно как семитическому миру, так и греческому, то никаких однозначных критериев, позволяющих выделить эти гипотетические цитаты, естественно, нет. И никто этого никогда не доказал. Тем не менее вы снова и снова будете встречать утверждения типа: “в прологе Евангелия от Иоанна цитируется начально-христианский гимн”, “в таком-то месте Послания к колоссянам”, таком-то месте такого-то послания апостол Павел цитирует начально-христианский гимн. Ну, ладно, гипотеза есть гипотеза. Однако имеются исходные допущения, неприемлемые, по-моему, не только для верующего человека, но и просто для разумного человека. Ну, например, при обсуждении датировок Евангелий в богословской либерально-протестантской литературе снова и снова привычно появляются точки зрения, согласно которым Евангелие от Марка могло возникнуть только после 70-го года, поскольку в нем Господь наш предсказывает гибель Иерусалима, а это можно было написать только после того, как Иерусалим на самом деле погиб. Было бы излишне говорить о том, что мы с вами веруем, что слова Господа нашего были пророчеством и чудом, но, простите, рассуждая так даже по отношению к творениям мирской литературы, можно слишком далеко зайти. У Андрея Белого в поэме, написанной в 1921 г., упоминается “атомная бомба”. Так что же, не передатировать ли нам Андрея Белого, который умер в 1934 г., не представить ли его после Хиросимы? Или, может быть, передатировать стихи Лермонтова “Настанет год России, черный год, // Когда царей корона упадет”? И никто не предлагает передатировать так. Представьте себе, как надо было бы передатировать потрясающее пророчество о судьбах еврейского рассеяния в Книге Левит, где (это совершенно невероятно!) говорится, что евреев будут топтать ногами, что на них нападет такая робость, что они, будут дрожать, когда и опасности-то нет, — это же такой банальный антисемитский стереотип со времен рассеяния! Так это что тоже перенести во времена после 70-го года, имея в виду определенные клише времени диаспоры?

Надо сказать, что совсем иной подход у Мартина Хенгеля. Он попытался очень жестко датировать Евангелие от Марка, просто с точностью до месяца. Хенгель указывает лето 69-го года. С его резонами я предлагаю познакомиться читающим по-немецки или по-английски. Я, правда, не знаю, есть ли Хенгель в какой-либо московской библиотеке (вот Блэка я так твердо рекомендовал, потому что я когда-то добился, уж похваюсь, чтобы он был в библиотеке

Института востоковедения). Англичане издали в одной книге все статьи Хенгеля о Евангелии от Марка. Хенгелю удалось окончательно доказать, что права церковная традиция, локализирующая написание Евангелия от Марка в Риме. Вы прочтете не только у Лезова и Тищенко, но и во множестве немецких введений в Новый Завет, будто латинизмы у Марка касаются только военного обихода и потому ничего не доказывают, потому что римские солдаты стояли везде. Но это неверно просто по той причине, что в Евангелии от Марка “финикиянка” называется “сирофиникиянкой”. А теперь подумайте, в каком географическом регионе можно назвать финикийскую женщину не финикийской, а сиро-финикийской? Для этого надо, чтобы вы сначала узнали про финикийцев, которые не в Финикии, а в Карфагене, и они называются пунийцы, с которыми римляне воевали. Надо сказать, что церковное предание не совсем единомысленно в этом пункте. Почти все авторы говорят о Риме. Но Иоанн Златоуст говорит об Александрии, и это, очевидно, под впечатлением того, что деятельность, епископство и мученическая смерть Марка связаны преданием именно с Александрией. И между прочим, у Василия Васильевича Болотова, замечательного отечественного ученого, есть исследование об этом предании, где он доказывает очень большую историческую точность его. Но то, что Евангелие должно было быть написано, скажем, именно для жителей Италии, это мыслимо было скорее всего в Риме, хотя известно, что в Помпеях существовала очень ранняя христианская община, вы знаете, что там найден крест и христианская молельня. И все-таки естественно представить себе местом написания Рим. Что касается хронологических доводов, то я не буду их разбирать, — они довольно сложные.

А. М. Копировский: Большое спасибо, Сергей Сергеевич! Я думаю, братья и сестры, надо нам все-таки сейчас закончить. Есть очень большая надежда, что в будущем учебном году когда-нибудь Вы сможете еще посетить нас.

С. А.: Мне хочется в заключение сказать буквально два-три слова о наиболее известных русских переводах.

Синодальный перевод, имеющий достаточно много недостатков, т. е. он в каких-то местах не очень точен, — это перевод ведь даже не то чтобы на старинный русский язык. Синодальный перевод — это перевод на такой русский язык, которого, точно такого, в принципе никогда не было, это русский язык никогда не существовавшей эпохи. Иногда говорят, что это допушкинский русский язык, но это не точно — допушкинский русский язык был все-таки другим. Однако при всех своих недостатках синодальный перевод имеет много находок, это почтенная работа. Но есть несколько грубых вещей, которые просто можно было бы исправить, не изменяя синодального перевода. Это просто ошибки или, так сказать, рабство у славянского перевода. Например “блаженны изгнанные правды ради”, где греческое слово можно понимать только как “гонимые”, и где говорится именно об этом, не только о человеке, которого по случайности выслали из одного места в другое, а о людях, которые испытывают какие бы то ни было гонения в каком бы то ни было роде. И, конечно, грубая неудача — перевод **shme^{on} ŷntilegTmenon**, то, что по-славянски как раз очень точно переведено — “знамение пререкаемое”, и именно к славянскому тексту возвращается безобразовский перевод в этом пункте. Это слова о Младенце Христе, Симеона Богоприимца, — “знамение, которое оспаривают”, которое будут оспаривать. По-латыни это переведено буквально как “знамение противоречия”. За латинским переводом идут западные — немецкий, французский, английский и т. д. Синодальный перевод дает “предмет пререканий”, т. е. он совсем теряет вот этот смысл знамения, и “предмет пререкания” — это как раз, по-моему, даже не особенно высокий слог, наоборот, так можно было бы сказать о соседях, которые ссорятся из-за какого-то “предмета пререканий”. Есть вот такие неудачи.

Теперь — о безобразовском переводе. Безобразовский перевод очень точен. Владыка Кассиан

был хорошим эллинистом. У него есть работы, которые совсем не заслуживают, чтобы мы их напрочь забыли, скажем, “Христос и первое христианское поколение”. Но у безобразовского перевода есть следующие свойства: он тщательно сохраняет (когда это вообще мыслимо без нарушения русской языковой нормы) порядок слов. Синодальный перевод слишком часто безразличен к порядку слов, а порядок слов важен, сами понимаете, это интонация, нюансы, акценты. Но я не думаю, что было бы правильной тактикой всегда воспроизводить порядок слов подлинника, поскольку порядок слов и в греческом, и в русском языках свободный. В русском переводе вообще есть проблема, которой нет в западных языках, где порядок слов жесткий и мало вариантов. А греческая интонация другая, и иногда там, где по-гречески слово ставится в конец, для того чтобы на нем было ударение, по-русски его, наоборот, надо было бы вынести в начало. Во всяком случае безобразовский перевод очень достоверный, при этом он достаточно близок к синодальному, и отклоняется от него только в интересах точности. Есть, может быть, только один, да и то сомнительный, момент, когда можно сказать, что синодальный перевод лучше: безобразовский перевод суховат. И между прочим, вот еще что: для стиля Евангелия, особенно Евангелия от Марка, характерны анаколуфные конструкции (такие, как у нас бывают в устной речи, например, а он говорит: “Я ...”, т. е. косвенная речь переходит в прямую). В синодальном переводе анаколуф сохраняется. А в безобразовском переводе анаколуфы чересчур выровнены.

О переводе о. Леонида Лутковского я предпочел бы ничего не говорить, потому что это перевод неосновательный, очень эклектический, бессистемный.

Перевод или переложение, или пересказ Кузнецовой я оцениваю выше, чем перевод Лутковского, просто потому, что Кузнецова работала последовательно. С этим можно соглашаться или не соглашаться. Я, скорее, не соглашаюсь. Но этот человек поставил себе определенную цель и старался достичь именно ее. Это перевод, конечно, не научный, это перевод художественный. Примерно так понимали у нас художественный перевод довольно долго. Какая-то кульминация, пожалуй, была в 60-е годы, когда люди читали и более ранние переводы Маршака и Любимова, и новые переводы Льва Гинзбурга. Перевод Кузнецовой — вроде того, как Лев Гинзбург переводил старых немецких авторов, т. е. — не допускаются никакие сгустки смысла, они как-то разрезаются; длинные фразы непременно разрубаются на выкрики (так называемая раскованность 60-х годов)... При этом у Кузнецовой есть места, где она просто перестает переводить и занимается пересказом, который должно рассматривать вообще не как перевод, а как ее собственную, ну что ли, медитацию, имеющую право на существование, но не в переводе. Так у нее переведен Иоаннов пролог. Слова **'En ýrcH Gn P ITgoj** она переводит как “изначально, до сотворения мира был Тот, Кто именуется Словом” — это все-таки пересказ! Но в других местах она действительно переводит. Достоинства ее перевода — это целый ряд простых находок, которые, я думаю, всякий переводчик должен учитывать. Сколь бы ни вошло в поговорку, например, “метание” бисера, но, конечно, сказать, что “бисер не надо рассыпать перед свиньями” — лучше, сообразнее делу, чем сказать, что его не надо “бросать перед свиньями”. И очень много таких находок. С другой стороны, раскованность и желание оживить повествование временами приводят Кузнецову к неожиданной рассеянности. У Матфея в одном месте есть такая проходная фраза, что Господь наш, пересекши море, т. е. Генисаретское озеро, вошел **e,,j tsn „d...an pTlin** — “в Свой город”, конечно, в Капернаум. Кузнецовой кажется скучным сказать “в Свой город”, она добавляет “в Свой родной город”. Но, пожалуйста, согласитесь, что если даже с натяжкой, забывая о Вифлееме, можно назвать Назарет родным городом, то именно в Евангелии от Матфея рассказывается, что уже выходя на проповедь, уже после Крещения Господь наш переселился из родного Назарета в Капернаум, где, собственно, Он только останавливался между Своими долгими путями.

При этом Кузнецова как-то неожиданно традиционна там, где можно было бы как раз и не делать этого. Кровоточивая дотрагивается не до “края одежд”, а до кистей, или — как это перевести? — “бахромы”, или вот тех самых ритуальных “воскрилий” (“цицит”), которые были на иудейской одежде, за утрирование которых Господь наш порицал фарисеев, но которые носил сообразно ветхозаветному закону и обычаю Своего народа. По-моему, это даже можно сделать темой для проповеди. Ведь вот что нам показано: ни презирать обрядов, ни чересчур рисоваться их выполнением не надо, а надо просто выполнять их так, чтобы это в общем никак особенно не было заметно. Она переводит вслед за синодальным переводом — “до края”. Мне также не кажется разумным, что Кузнецова переводит везде слово “иудеи” — “евреи”, просто по той причине, что слово “иудеи” имеет свои коннотации, скажем, в рамках противопоставления Галилея Иерусалима, о чем в XX в. писали очень многие ученые. Несомненно, есть различия в употреблении понятия “Иудея” и понятия “Израиль”. Понятие “Израиль” всегда однозначно позитивно, Иудея — это немножко другое. И между прочим, ведь целый ряд экзегетов утверждает, что “Царь Иудейский” — это не только в устах Пилата, но и в устах волхвов, которые все-таки тоже — язычники, это не совсем корректное обозначение, потому что мессианский Царь должен называться “Царь Израиля”, а не “царь иудеев”. Так или иначе, но, по-моему, это все равно, как если бы мы переводили на русский язык иностранца, упоминающего “москвитов”, и перевели бы слово “москвиты” словом “русские”. Это не было бы правильно, хотя некоторым образом москвиты и есть русские. Но у слова “москвиты” есть определенные коннотации, исторически возникшие, — когда-то не вся Русь была Москва и соответственно когда-то не весь Израиль был Иудея.

Спасибо за терпение, с которым я был выслушан.

Протоиерей Всеволод Шпиллер: К событиям вокруг храма Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках в Москве

Церковная жизнь

Его Святейшеству, Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II и.о.
настоятеля храма Успения Пресвятой Богородицы в Печатникахсвят. Георгия Кочеткова

Рапорт

Ваше Святейшество! Святейший Владыко!

Считаю своим долгом сообщить Вам о случившемся скорбном факте нарушения душевного здоровья свят. Михаила Дубовицкого, клирика нашего храма. Не желая обременять Ваше Святейшество своими впечатлениями от наблюдений за ним в последнее время, особенно в последние перед этим дни, скажу только о событии, происшедшем в воскресенье 29 июня с. г. В этот день о. Михаил врачами скорой помощи был доставлен в психиатрическую больницу прямо из храма.

Странное поведение его можно было наблюдать уже тогда, когда он служил утреню, во время чтения канона. О. Михаил внезапно потребовал от алтарников увеличения числа тропарей на каждой песне. Алтарники ему объяснили, что не могут нарушить благословения настоятеля.

Вместо естественного мирного разрешения вопроса о. Михаил сначала попытался остановить службу, потом вышел с богослужебными книгами на солею и стал читать канон параллельно с чтецами. Когда я, после просьбы не срывать службу, получил отказ, отобрал у о. Михаила книги и предложил продолжать утреню, он, ответив, что читать канон сокращенно — кощунственно, бросил мне: «Продолжайте сами», — и отправился в богослужебном облачении к выходу из храма. Дежурные и члены Церковного совета приостановили его и предложили перед выходом из храма разоблачиться. Тогда он стал шуметь, ходить по храму в то время, как я, остановив исповедь, продолжил утреню. Несмотря на уговоры со стороны алтарников не бесчинствовать, он то на солее, то в храме что-то громко читал. Потом пошел в алтарь, требуя его выпустить из храма. Ему вновь было предложено разоблачиться и выходить. Он поднял крик в алтаре, зовя на помощь, инсценируя своими криками избиение. Когда я вошел в алтарь, он потребовал допустить его исповедовать. Я ответил, что в таком состоянии проводить исповедь нельзя, что ему нужно успокоиться, посидеть, отдохнуть 10 минут.

Между тем в храм пришли два милиционера, один из соседнего Сретенского монастыря, другой — участковый 18-го о/м. Первого я, естественно, не допустил в алтарь. Участковому же я разрешил войти после его просьбы, так как по крикам о. Михаила из алтаря можно было подумать, что над ним совершается насилие.

Милиционер убедился в том, что никакого насилия по отношению к о. Михаилу не применяется, и, выйдя из алтаря, объяснил прихожанам происходящее, сказав, что «батюшка не в себе». После этого кто-то из прихожан вызвал скорую психиатрическую помощь. Мы надеялись, что кризис может быть преодолен на месте, но после осмотра и попытки разговора с о. Михаилом врач охарактеризовал его состояние как «острый психоз» и сказал, что нужна госпитализация, впрочем, тут же заметил, что добровольно о. Михаил на нее не согласится. Понимая, что принудительная госпитализация — это крайняя мера, могущая вызвать негативные последствия, я долгое время не давал на нее своего разрешения. Но видя, что ситуация крайне обостряется и выходит из-под контроля, в частности, в связи с тем, что «на помощь» к о. Михаилу пришли агрессивно настроенные люди из Сретенского монастыря во главе с иером. Никандром, который ворвался в алтарь через закрытые завесой царские врата (одного из пришедших пришлось выводить из храма милиционеру), я дал свое согласие на госпитализацию. О. Михаил был выведен под руки и посажен в машину скорой помощи фельдшером и алтарниками.

Во дворе храма выезду машины скорой помощи препятствовали некоторые люди, возглавляемые тем же иером. Никандром, который находился еще и в нетрезвом состоянии. Это повлекло за собой вмешательство вызванного участковым наряда муниципальной милиции.

О. Михаил был доставлен в 14-ю психиатрическую больницу.

Ваше Святейшество! Во время моего отсутствия в Москве по причине паломничества, в котором я находился по Вашему благословию с 29 июня по 4 июля с частью общины, и по некоторым другим не зависящим от меня причинам, я не имел возможности представить Вам рапорт о случившемся. Между тем, всевозможные слухи об этом стали очень быстро распространяться средствами массовой информации и, более всего, радиостанцией «Радонеж», которая передает заведомо ложную информацию и всячески нагнетает истерию с целью нарушить церковный мир. Наш приход обвиняют даже в избиении в алтаре и насильственной госпитализации совершенно здорового о. Михаила (хотя никто из наших прихожан его ни разу нигде не ударил), призывают православную общественность выражать протест в адрес нашей общины, писать письма в Патриархию с требованиями «принять меры» по отношению ко мне и всему приходу.

Учитывая всю сложность сложившейся ситуации, усугубленную явно антицерковными действиями газеты и радиостанции общества «Радонеж» и Сретенского монастыря, пытающихся на почве несчастья, произошедшего с болезненным священником в нашем храме, настроить друг против друга членов одной Церкви и нарушить церковный мир, почтительнейше прошу Ваше Святейшество, с присущим Вам вниманием и объективностью, ознакомиться с происшедшим, а также с его предпосылками. Выражаю полную и искреннюю надежду на то, что если это рассмотрение повлечет за собой какое-либо решение, выражающее волю Божию, то оно целиком будет служить интересам мира и укреплению братской любви в Русской Православной Церкви.

Вашего Святейшества недостойный послушник и богомолец

свящ. Георгий Кочетков

4. VII. 1997 г.

Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси АЛЕКСИЮ II

Ваше Святейшество, Святейший Владыка, благословите!

В Распоряжении Вашего Святейшества от 11.07.97 г. о создании комиссии, как и в Указе от 2.07.97 г. и Распоряжении от 1.07.97 г. об отстранении священника Георгия Кочеткова от должности настоятеля и о запрете его в священнослужении, была употреблена формулировка «избиение в алтаре и надругательство над священником Михаилом Дубовицким». Эта формулировка предполагает факты избиения и надругательства (как косвенной и произвольной его госпитализации в «психушку») доказанными.

Такая «презумпция виновности» во всем по отношению к о. Георгию, Приходскому совету, служащим храма и прихожанам в принципе не может способствовать выяснению истины.

В связи с этим почтительнейше просим Вас, Ваше Святейшество, во избежание недоразумений и соблазна в нашей приходской общине и у многих людей, уже знающих правду о конфликте (как и у тех, кто знает о событиях в нашем храме в основном по клеветническим, возбуждающим настоящую вражду на религиозной почве передачам и публикациям общества «Радонеж» и т. п.), провести расследование инцидента гласно, открыто, с личными свидетельствами его непосредственных участников, а также с привлечением всех документов, составленных по его поводу. Подчеркиваем слово «всех», так как, возможно, отдельные документы, имеющиеся в Московской Патриархии, например, документ из 18 отделения милиции, на основании которого о. Георгий был отстранен от настоятельства и запрещен в священнослужении, являются лжесвидетельством.

Председатель Приходского совета Матвеев С.И.

Члены Приходского совета Соколинский Р.И., Лупачева Н.А.

Члены Приходского собрания (19 чел.)

21 июля 1997 г.

Обращение к Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II членов и друзей Сретенского и Преображенского братств

Ваше Святейшество, Святейший Владыка, благословите!

Почтительнейше препровожаем Вам два Обращения на Ваше имя, составленные и подписанные в дни празднования Преображения Господня членами и друзьями братства «Сретение» из 16 епархий Русской Православной Церкви из шести стран.

Первое Обращение содержит просьбу к Вам, Ваше Святейшество, как первоиерарху нашей Русской Православной Церкви, в связи с назревшими у нас в Братстве и требующими скорейшего церковного разрешения проблемами. Подписавшие (в количестве 1053 чел.) глубоко верят и надеются, что выразили желание и многих других людей, которые в дальнейшем могли бы сыновне и почтительно подтвердить это Вашему Святейшеству.

Второе Обращение касается ситуации, сложившейся, к сожалению, вокруг храма Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках. Его подписали 1036 чел.

Смиренно просим Вас обратить Ваше Первосвятительское внимание на эти единогласно одобренные тексты. Мы же со своей стороны готовы принять то решение, которое пред Лицом Господа Вам представится наилучшим.

По поручению членов и друзей Братства,

Вашего Святейшества недостойные послушники и усердные богомольцы,

Председатель братства «Сретение» С. С. Тюльпин

Секретарь Д. С. Гасак

Его Святейшеству, Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси АЛЕКСИЮ II
ОБРАЩЕНИЕ

Ваше Святейшество, Святейший Владыка!

К Вам, предстоятелю Русской Православной Церкви, смиренно обращаются православные христиане из разных приходов, находящихся в Москве, а также в других городах нашей страны и за границей.

Все мы чада нашей Матери — Русской Православной Церкви, ее радости — наши радости, ее беды — наши беды. Сильнейшая боль охватывает наши сердца из-за того, что не находят удовлетворения жизненно важные для нас духовные потребности, не разрешаются существенные церковные проблемы.

Радостно видеть прекращение внешних гонений, открытие многочисленных новых храмов, монастырей, духовных школ и издательств. Однако огромное число людей, ищущих Бога, остается вне Православной церкви или, едва придя в нее, уходит в секты или «в никуда». Духовное и культурно-историческое сокровище Православия остается востребованным в нашей стране лишь в очень малой части.

Ваше Святейшество! Господь даровал нашей Церкви великий исторический шанс, — после многих лет «вавилонского пленения» приобщить к Православию наших сограждан, обретающих веру в Бога. Мы осознаем, что церковное возрождение является многотрудным делом и требует самого бережного отношения к церковному организму. Тем более необходимо обсуждение существующих церковных проблем и опыта их практического решения.

Благословите изложить и смиренно предложить Вашему вниманию следующее:

1. Нам думается, что крайне важно устранить препятствия для деятельности приходов, стремящихся возродить почти отсутствующую сегодня православную миссионерскую деятельность. Ее нельзя подменять духовно бесплодной «контр-миссией», основанной, главным образом, на обвинениях, а не на свидетельстве Истины. В нормальных случаях с этим связана достаточно длительная, полная и последовательная катехизация взрослых, в соответствии с каноническими требованиями, перед крещением или для крещеных в детстве и не прошедших научения.

2. Для более полного участия верных в богослужении и понимания ими смысла богослужебных текстов целесообразно, на наш взгляд, разрешить их русификацию в тех приходах, где об этом просят прихожане — в полном соответствии с решением Поместного Собора от 9/22 сентября 1918 г. Мы полагаем также, что в таких приходах целесообразно разрешить и произнесение вслух священнических молитв, чтение Священного Писания по-русски (или по-церковнославянски и потом по-русски) лицом к народу, с проповедью после него, совершение богослужений суточного круга в соответствующее им время (вечерни — вечером, утрени — утром и т. д.). Мы убеждены также, что ни одно таинство не может восприниматься как частная треба, и что они должны совершаться бесплатно. По нашему мнению, заслуживает распространения опыт крещальных и венчальных литургий, служения литургии св. апостола Иакова, возрождения древнейшего литургического обряда «целования мира» перед анафорой, других форм участия всего народа в храмовом богослужении, в частности, общего церковного пения.

3. Очень желательно снять препятствия для регулярного причащения, которое, как правило, могло бы быть еженедельным. В этом случае тяжким бременем, на наш взгляд, становится требование частной исповеди и дополнительного поста перед каждым причащением, обусловленное бытовавшей когда-то прискорбной практикой эпизодического причащения (один или несколько раз в год).

4. Крайне необходимо, мы считаем, и возрождение изначально присущей Церкви общинности с учетом опыта, накопленного в русском и мировом Православии в XX веке, в частности, инициативы домашних встреч мирян для совместной молитвы, чтения и изучения Священного Писания.

5. Ждет своего разрешения вопрос возрождения принципов местной соборности, в связи с чем только и возможно говорить о выборе на приходах богослужебного языка и выборности священников и диаконов, а также вопрос обеспечения реальной возможности прямых отношений прихожан и их епископов.

6. Мы крайне обеспокоены продажей во многих храмах книг и брошюр, проникнутых духом сектантства, филетизма и фундаментализма, фактически призывающих к расколу (например, «Православие или смерть», «Сети обновленного православия», «Современное обновленчество — протестантизм восточного обряда», «Антихрист в Москве» и т. п.). Огромный вред авторитету нашей Церкви наносят также, на наш взгляд, и передачи выступающих от ее имени и злоупотребляющих своей монополией в эфире радиостанции «Радонеж», телепрограммы «Русский дом», публикации газет «Русь державная», «Русский вестник» и «Радонеж».

7. Мы — за то, чтобы не прекращать братский диалог с представителями других христианских конфессий без искусственного затушевывания наших различий, но против попыток политизации Православия, ограничения его национальными рамками и использования в качестве государственной идеологии, в частности, навязывания монархии как единственно возможной формы общественного устройства, неправомерно отождествляемой с православной традицией.

Если для кого-то из наших братьев и сестер во Христе перечисленные проблемы неактуальны, или они не считают необходимым их быстрое решение, мы никак не навязываем им свое мнение и готовы к его обсуждению в духе открытости и христианской любви.

Все изложенное в этом письме основано на личном опыте, который, безусловно, не исчерпывает возможные пути решения выявившихся проблем. Мы, может быть, самые малые и недостойные, но все же реальные и живые члены Церкви. Мы стремимся жить полной церковной жизнью и со всеми проблемами, о которых было сказано выше, сталкиваемся уже сейчас. Поэтому мы смиренно просим Вас поддержать всех тех, кто на основе Священного Писания и Предания Церкви стремится к практической реализации ее многообразного опыта, омытого в последние десятилетия кровью новомучеников и исповедников российских, и подкрепить их действия Вашим первосвятительским советом, молитвой и благословением.

Вашего Святейшества недостойные послушники и богомольцы

(прилагается 1053 подписи)

Его Святейшеству, Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси АЛЕКСИЮ II

прихожан храма Успения

Пресвятой Богородицы в Печатниках

в Москве

ОБРАЩЕНИЕ

Ваше Святейшество, Святейший Владыка, благословите!

Обращаемся к Вам в связи с разбирательством инцидента, происшедшего 29 июня с.г. в храме Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках. Мы просим Вас, Ваше Святейшество, как своего архипастыря, о Вашем личном участии в этом деле для установления правды. Иначе может, хоть и на время, восторжествовать неправда на основе человеческих пристрастий.

Уже в день инцидента, ни в чем не разобравшись, или и не желая этого, на скорую руку выступила радиостанция «Радонеж», позже — газета «Радонеж» и телепрограмма «Русский дом». Сложная, драматическая ситуация была подана ими массовому слушателю и зрителю односторонне и со страшными искажениями, провоцирующими буквально натравливание на наш приход других православных верующих (не говорим уже о соблазне для неверующих). Однако в соблазне обвиняют нас, — как будто не было двух месяцев непрерывных провокаций и унижений прихожан и нашего настоятеля о. Георгия Кочеткова со стороны свящ. Михаила Дубовицкого, руководимого людьми, которые и стали нас потом обвинять (например, иг. Тихон (Шевкунов).

Мы надеялись найти защиту у благочинного о. Олега Клемышева и архиепископа Арсения, к которым мы многократно обращались, но их действия (как и бездействие) лишь усугубляли сложившееся положение. Естественно, что создавшаяся безблагодатная ситуация не могла исчезнуть сама по себе. О. Георгий и мы делали все, что могли, для нахождения мирного выхода из создавшегося положения. Однако сейчас названные выше СМИ и выступающие в них, в том числе священники, усиленно формируют представление об общине храма Успения и о. Георгии как о злодеях, полностью создавших этот конфликт. Нам вменяют в вину чудовищные преступления: избиение священника в алтаре, введение ему там же (!) психотропных препаратов, наконец, заранее подготовленную насильственную госпитализацию.

Для их обоснования используются явно фальсифицированные документы, причем полностью игнорируются свидетельства непосредственных очевидцев происшедшего, в том числе врачей-специалистов и представителей отделения милиции.

К сожалению, члены комиссии по расследованию этих событий при опросе членов Приходского совета нашего храма и прихожан не стараются выяснить истину, а исходят из «презумпции виновности». Они настойчиво пытаются заставить каждого признать его «вину», несмотря на отсутствие доказательств и готовность свидетельствовать перед Крестом и Евангелием. Копии личных письменных свидетельств, направленных на Ваше имя, игнорируются ими. Применяются давление, метод «перекрестного допроса», бездоказательные обвинения во лжи. Иногда задавались прямо провокационные вопросы.

Ваше Святейшество! Не дайте совершиться беззаконию! Мы совсем не считаем себя «не имеющими нужды в покаянии» и скорбим о происшедшем. Но нас заставляют каяться в том, чего мы не совершали. То, что происходит сейчас, больше похоже не на церковное расследование, а на суд с заранее заготовленным приговором. При этом обвинители и судьи выступают в одном лице.

Мы всей своей христианской совестью свидетельствуем Вам, нашему предстоятелю пред Господом, что никто из наших братьев-алтарников, ни тем более о. Георгий, не наносили оскорблений и побоев свящ. Михаилу, а его госпитализация производилась вынужденно, в связи с его нездоровьем и неадекватным поведением, по однозначному и независимому настоянию врача и милиции. Обоснованность госпитализации была подтверждена врачом-контрольной комиссией.

Ваше Святейшество! Мы свидетельствуем, что все события, начавшиеся не 29 июня, а много раньше, могли произойти лишь потому, что служение о. Георгия Богу и Церкви на протяжении ряда лет вызвало нехристианские по духу и формам нападки отдельных людей и околоцерковных средств массовой информации. И сейчас для очернения его и его деятельности используются любые, в том числе самые негодные средства, — лишь бы добиться его отстранения и разрушения созданного им с помощью Божией помощью, имеющего столь необходимый Церкви миссионерско-общинный характер. В прессу и на телевидение незаконно были переданы не подлежащие разглашению видеозаписи происшедшего (причем выборочно и тенденциозно), представленные нами следственным органам и в Патриархию, а также копии документов из Вашей канцелярии — письмо из Минздрава и т. д.

Нельзя не заметить, что представленная Вам информация, вызвавшая снятие о. Георгия с должности настоятеля и запрещение в служении, была подготовлена крайне тенденциозно, с искажением фактов, без разговора с ним, без объективного расследования. Это вызвало и вызывает у многих людей сильное смущение и соблазн. Неужели Бог не в правде, а во внешней силе?

Ваше Святейшество, Святейший Владыка! Приносим Вам нашу надежду на то, что истина будет восстановлена Вами. Со своей стороны мы, как и прежде, готовы искренне рассказать Вам и Церкви обо всем, что было и есть в приходской общине храма Успения. Но уже сейчас со слезами смиренно просим — не лишайте нас нашего духовного пастыря, который привел нас к Богу и в Церковь. Восстановите о. Георгия, претерпевающего несправедливое гонение, в священнослужении и настоятельстве в открытом и возрожденном под его руководством храме, поддержите его в плодотворном и благодатном служении во славу Божию и святой православной Церкви. Помогите оклеветанным членам Приходского совета и алтарникам. Пусть все «кривизны выпрямятся», чтобы мир в Церкви укрепился, чтобы внутренняя и внешняя жизнь ее не была омрачена ложью и неправедным судом!

Ваши недостойные, верные и искренние послушники и богомольцы

(прилагается 1036 подписей)

Свидетельства прихожан

Ниже мы публикуем выдержки из писем Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II прихожан храма Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках — очевидцев событий, происшедших 29 июня 1997 г.

Ваше Святейшество, Святейший Владыка! Прошу Вас уделить внимание моему письму, так как очень хотелось бы, чтобы Вы знали, какие именно события подготовили то, что произошло 29 июня.

Я была свидетелем первого выступления о. Михаила Дубовицкого перед нашей общиной, которое состоялось 1 мая 1997 г. Оно могло показаться искренним, очень хотелось ему верить, тем более, что он начал свою речь с признания, когда-то рядовое чтение того дня (Ин 3: 16-21) перевернуло ему душу и определило дальнейшую жизнь. О. Михаил говорил, что он готов к общению, так как давно мечтал о служении и о встрече с будущей паствой, что хочет знать каждого из нас. О. Михаила ничуть не смутила многочисленная наша община, и он пообещал, что готов ради такого близкого знакомства потратить 2-3 года.

Наши братья и сестры после такого обнадеживающего заявления решили просить о. Михаила о встрече, чтобы поговорить на волнующие всех темы. Но от встречи о. Михаил отказался, и это было очень больно, так как мы надеялись, что в простом общении будут развеяны предубеждения о. Михаила по отношению к нам в некоторых вопросах, что позволило бы в мире и благочестии проводить богослужение в нашем храме. Но, к сожалению, о. Михаил предпочел знакомиться сугубо индивидуально, строго по заранее составленному списку, и даже тема бесед была определена: только на личные темы, не касаясь богослужения и общих приходских вопросов.

Такое несоответствие слов и дела может объяснить интервью, данное о. Михаилом корреспонденту «Православной Москвы» (№ 19-21 июль 1997 г., с. 6) Ник. Каверину по поводу конфликта между ним и общиной о. Георгия Кочеткова. «Конфликт — это уже следствие, внешнее столкновение тех внутренних, глубинных установок, которые еще до встречи нашей с о. Георгием были заложены в нас. Установки эти диаметрально противоположные».

Очень многие обвиняют нас в том, что наша община «приняла в штыки назначение о. Михаила» (тот же номер «Православной Москвы», с. 6). Да, община встретила о. Михаила настороженно, и на это были причины, а именно: поведение самого о. Михаила, которым нарушались самые элементарные правила приличия, просто уважения к людям. Для того, чтобы развеять эту настороженность, нужно было всего лишь подкреплять слова о любви делами, а чтобы обрести доверие, необходимо было какой-то отрезок времени прожить вместе с общиной, разделяя ее трудности и радости.

Но о. Михаил пришел с «установкой» разрушить, поэтому, несмотря на то, что была развязана кампания по его «защите», оказалось, что защищать надо было нас. В течение двух месяцев каждое служение о. Михаила нагнетало тревогу — какого следующего неожиданного поворота ждать? События разворачивались по нарастающей — и вот 29 июня не поддающееся объяснению поведение о. Михаила послужило основанием для новой клеветы. Оклеветан наш батюшка о. Георгий, хотя он постоянно призывал нас к молитвенному предстоянию пред Богом, чтобы Господь уберег наши сердца от злых побуждений и даровал нам жалость и

сострадание к о. Михаилу.

Искренне прошу Вас о помощи. Когда на нашего батюшку и нашу общину со всех сторон льется столько клеветы и обвинений, очень нужен трезвый пастырский взгляд, учитывающий свидетельства обеих сторон.

Вашего Святейшества недостойная молитвенница

Петрова С. М.

27.07.1997 г.

Ваше Святейшество, Святейший Владыко!

Я обращаюсь к Вам с надеждой быть услышанной и понятой. В мою жизнь вошла тревога, которая растет с каждым днем. Тревога за будущее прихода храма Успения Божией Матери в Печатниках, за его настоятеля о. Георгия Кочеткова, за Церковь.

<...>

Мы живем в непростое время — время благих пожеланий, время не всегда сбывающихся надежд, время противоречий. Казалось, все получили свободу, которую так ждали, о которой мечтали. Но свобода всегда и ответственность. Ответственность быть чистым и правдивым в мыслях, словах, делах перед Богом и людьми, а это не так просто.

Я пришла к Богу и в Церковь благодаря стараниям о. Георгия. Все началось с «открытой встречи» при Свято-Филаретовской высшей православно-христианской школе, на которую я попала случайно. Слово проповедника впервые заставило задуматься о смысле жизни, о любви к Богу, к миру, к ближнему. Постепенно постигая божественное слово, мир для меня преображался на глазах, и я преображалась с ним. И очень хотелось делиться этой радостью со всеми, нести себя в мир. Этой радости — стать соратником Богу — научил меня о. Георгий.
<...>

К сожалению, за последнее время внутренняя церковная жизнь стала ареной разборок внешними мирскими методами. Коснулось это и деятельности нашего храма. Что только мы не слышим и не видим за последний месяц, какой поток предубеждения, грязи и лжи вылили на голову священника Георгия Кочеткова!

Что делать? Все прихожане храма — свидетели пастырской работы о. Георгия, работы созидательной, работы на благо Церкви и во имя ее. Неужели после того, что он проповедует своею жизнью несколько лет, можно за один день так измениться в обратную сторону? Где тогда правда — вся жизнь или один день?

Не в первый раз стараются навесить о. Георгию ярлыки, оскорбить и обвинить чуть ли не в смертных грехах.

<...> После всего случившегося в храме скорбь и печаль на сердце. Идет открытая пропаганда против отца Георгия Кочеткова и его прихода. Оболгать, отстранить, разогнать. Но это всегда методы тьмы против света... <...> Так чего же добиваются недоброжелатели о. Георгия?

Ваше Святейшество, не допустите лжи, произвола, насилия над одним из преданнейших сынов Церкви Христовой священником Георгием Кочетковым. Обращаюсь к Вашему Святейшеству за правдой, уповаю на Бога.

Вашего Святейшества смиренная послушница,

прихожанка храма Успения Божией Матери в Печатниках

Антипова Ольга

Я, Щербович Андрей Анатольевич, являюсь прихожанином прихода, в котором служит о. Георгий Кочетков, уже четыре года.

Кратко о себе. Я работаю в настоящее время судовым врачом Мурманского морского пароходства. Крестился в 1990 году перед уходом в море, но по-настоящему церковным человеком не был, — не причащался и почти не посещал церковь. Но в 1994 году мне посчастливилось попасть на оглашение к о. Георгию, после чего жизнь моя очень изменилась. Уже сейчас я понимаю, что это было главным событием в моей жизни, потому что именно оглашение у о. Георгия (которое вследствие моей частой и длительной оторванности от Москвы было заочным и длилось около двух лет) привело меня к Богу и в Церковь. О. Георгия Кочеткова считаю своим духовным отцом.

29 июня 1997 года (сейчас я нахожусь в Москве в очередном отпуске) я пришел в храм Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках в 8 часов 15 минут на частную исповедь к о. Георгию. В Москве перед этим я не был около одиннадцати месяцев и о предыдущих событиях в храме почти ничего не знал.

Я встал в очередь на частную исповедь к батюшке. В это время пел хор, читали чтецы, а другой, молодой, священник (позднее я узнал, что это и был новый священник о. Михаил) читал канон по книге. Через некоторое время о. Георгий прервал исповедь и, подойдя к о. Михаилу, что-то сказал... Тот перестал читать и хотел выйти из храма в облачении, но его в облачении не выпустили прихожане, дежурившие в этот день по храму. Они просили о. Михаила: «Батюшка, снимите облачение, а потом идите». Но в течение примерно 15-20 минут о. Михаил пытался уйти из храма, не снимая облачения.

В это время о. Георгий продолжал принимать частную исповедь. Потом о. Михаил прошел в алтарь. О. Георгий, прервавшись, призвал прихожан молиться об о. Михаиле. Через некоторое время из алтаря раздались крики о. Михаила, — сначала «Мне не дают подойти к проскомидии», а после этого — «Помогите, бьют». В это время приехала милиция, и ее сотрудник — ст. лейтенант — зашел в алтарь. Через некоторое время он вышел и, обратясь к собравшимся в храме, сказал, что никто о. Михаила не бьет, а он просто «не в себе». О. Михаил в это время продолжал кричать: «Православные, убивают!»

<...> До ухода судовым врачом в море я работал в Москве врачом скорой помощи и, на основании внешних данных и поведения о. Михаила, считаю, что он в момент вышеописанных событий находился в «истероидном состоянии». Такие больные нуждаются в госпитализации.

После отъезда скорой помощи я вместе с другими прихожанами всем храмом молились об о. Михаиле и о разрешении создавшейся ситуации.

Все это я видел своими глазами и могу подтвердить, если потребуется. Еще хочу добавить, что в храм о. Георгия моя семья каждую неделю, а иногда и чаще, приходит уже много лет, и мы всегда уходили счастливые и умиротворенные. Мы никогда и подумать не могли, что в нашем родном «доме» (а этот храм нам действительно дорог, как родной дом) развернутся такие события.

Весь наш приход, моя семья и я, грешный, просим Вас беспристрастно рассудить и разобраться

в этой печальной ситуации и не отнимать у нас нашего духовного отца — о. Георгия.

Вашего Святейшества недостойный молитвенник

Андрей Анатольевич Щербович

15 июля 1997 года

Ваше Святейшество!

Я прихожанка храма Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках с февраля 1996 г. До этого времени посещала разные храмы г. Москвы и Подмосковья. За 1,5 года хорошо узнала общину храма и самого о. Георгия.

<...> 29 июня я была в Подмосковье, и о событиях в нашем храме сначала узнала по радио «Радонеж». Это вещание меня глубоко оскорбило лично. Про общину говорили, что это страшная тоталитарная секта, что в храме духовная патология. А отца Георгия назвали околоцерковным хулиганом. Говорили об избиении отца Михаила, и что в алтаре пролилась кровь, и храму требуется переосвящение. А здорового человека «упекли в психушку».

Страшно то, что люди, не окрепшие еще в вере, слушавшие со мной радио, говорили, что к православным им идти не хочется, так как столько злобы и клеветы в устах уважаемых людей, которые называют себя православными христианами и вещают по радио «Радонеж».

Кто из истинно верующих во Христа может поверить, что люди, исповедующие Его учение, будут избивать священника в алтаре, рядом со Святыней? Вся эта ложь рассчитана на темных, невежественных людей, озлобленных или же обманутых.

Возникает вопрос: а мог ли отец Георгий пойти на действия, которые ему приписывают, если он уже несколько лет подвергается нападкам и любой незначительный его промах может быть раздут до огромных размеров? Уверена — нет.

Вашего Святейшества недостойная молитвенница

Портнова Н.И.

математик-программист, сейчас на пенсии

23 июля 1997 года

Ваше Святейшество, Святейший Владыко!

Обратиться к Вам меня побудили прискорбные события, которые развернулись вокруг нашего храма и братства «Сретение» в последние три месяца.

Сразу определяю свою позицию, — я знаю священника Георгия Кочеткова уже семь лет и полагаю, что за эти годы мало кому удалось сделать больше для нашей Русской Православной Церкви, — тысячи людей всерьез вошли в церковную жизнь через огласительное училище, им созданное, сотни причастников собираются еженощно в храме Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках, создана высшая богословская школа, издается журнал, посвященный актуальнейшему вопросу — общинной жизни, благодаря деятельности приходских организаций и братства «Сретение» в церкви развернулось широкое обсуждение важнейших вопросов церковной жизни.

Но не всем это нравится. Средством борьбы с братством была избрана интрига против настоятеля храма свящ. Георгия Кочеткова. Для начала в храм был прислан только что рукоположенный выпускник Курской духовной семинарии свящ. Михаил Дубовицкий. По всей вероятности, его проинструктировали о том, что он направляется на ответственный участок, где все делается »не так«, а ему надо делать »так«, даже если это не нравится настоятелю храма. О. Михаил рьяно взялся за дело, ультиматумы сыпались как из рога изобилия. Потом последовали кощунственные переосвящения Святых Даров и явно еретические проповеди. Довольно скоро к делу присоединился старый «специалист» по Сретенскому братству — игумен Тихон (Шевкунов), а радиостанция «Радонеж» завопила на все голоса, созывая «народ православный» поддержать молодого батюшку в борьбе с «неообновленцами». Правда «народ православный» ходил вяло, и игумену Тихону пришлось самолично сколачивать «диверсионную группу».

Для о. Михаила же все кончилось довольно печально, похоже, он действительно поверил в свою высокую миссию, т. е. вообразил себя воином Христовым, борющимся с богомерзкими еретиками, и это, практически, поставило его на грань одержимости. Впрочем, руководили им явно не только »духи злобы поднебесной«, но и вполне земные кукловоды, так как его действия становились все более связанными с действиями вышеупомянутой группы, за всем этим просматривался вполне профессиональный режиссер.

И вот, наконец, 29 июня поставленная цель была достигнута, провокация, о необходимости которой так долго говорили фундаменталисты, свершилась. Хочу изложить ряд фактов, свидетелем которых являюсь и подлинность которых готов отстаивать в суде, как церковном, так и светском.

Я пришел в храм около 10 часов утра, и первое, что увидел, — это попытку прорваться в алтарь крепкого паренька, который оказался алтарником храма св. Николая в Пыжах. Не особо церемонясь, он расквасил нос члену церковного совета Владимиру Кулыгину, который пытался воспрепятствовать ему, не применяя насилия.

Из алтаря же тем временем слышались столь же неестественные, сколь и громкие вопли о Михаила. Просчет его и его кукловодов заключался в том, что видеокамера, постоянно установленная на хорах, отлично берет практически все пространство алтаря, и на видеозаписи отчетливо видно, что никакого насилия не было, а все эти действия являлись чистой воды провокацией, ставящей целью возникновение масштабного скандала среди присутствующих.

Наконец, прибыл наряд милиционеров, вызванный «группой поддержки» «новомученика», и карета скорой помощи. Ознакомившись с ситуацией, они приняли вполне правомерное решение о необходимости госпитализации столь странно ведущего себя человека. Когда они приступили к реализации этого решения, раздался такой вопль о. Михаила, что очень многие вспомнили слово «беснование». После этого иеромонах Никандр вломился в закрытые царские ворота, потом выскочил обратно и, крикнув : «Православные, там избивают священника!», побежал к месту отправки кареты скорой помощи, в церковный дворик. Там он вполне расчетливо и хладнокровно сымитировал «бросок под колеса» — просунул ноги по центру под машину, а когда прихожане, держа руки за спиной, аккуратно оттеснили его в сторону, начал благословлять некую Надежду повторить его «подвиг».

<...> В целом все происшедшее было только поводом для развязывания клеветнической кампании, которая началась в тот же вечер на радиостанции «Радонеж», а потом и в телепрограмме «Русский дом». Мы, свидетели происшедшего, не узнавали практически ни одного эпизода в пересказе этих средств массовой информации.

Конечно, даже светское расследование много прояснит в этой грязной истории, но мне хотелось бы присоединиться к предложению свящ. Олега Стеняева, который сказал, что для таких ситуаций правильнее было бы создать суд церковный; не дать поручение тому или другому чиновнику, не создать комиссию, а именно создать постоянно действующий суд, который смог бы оценить подобное с церковных позиций, вникнуть в суть, дать возможность высказаться обеим сторонам и принять церковное решение.

Мезенцев Владимир.

Ваше Святейшество, смиренно склоняюсь перед Господом и Вами.

Я являюсь прихожанкой храма Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках, и, как многие другие, стала, помимо своей воли, очевидцем представления, разыгранного 29 июня 1997 г. вторым священником нашего храма о. Михаилом Дубовицким и срежиссированного в лучших традициях НКВД 1937 г. (как раз, наверное, в ознаменование 60-й годовщины).

Но в 1937 г. лгали, интриговали и лжесвидетельствовали люди, называвшие себя атеистами, а теперь то же представление мы видим в исполнении людей, называющих себя православными, т. е. людей, которые должны возлюбить Бога и ближнего своего.

Но ведь Господь создал людей по образу и подобию Своему и хочет, чтобы ни один из нас не погиб, поэтому все мы с ужасом наблюдаем, как люди попадают под власть отца греха и лжи. Мы молимся о них и благословляем их, как учил нас Господь.

Уповаем на Вас, Ваше Святейшество, не дайте этим людям умереть для Господа, наставьте их на путь Истины и Любви. Оберегите всех нас от козней дьявольских.

С упованием и надеждой прихожанка храма

Дворкина Марина.

Ваше Святейшество, Святейший Владыка, обращается к Вам прихожанка храма Пресвятой Богородицы в Печатниках.

Убедительно прошу Вас, умоляю — помогите нам, разберитесь, рассмотрите положение в нашем храме, послушайте отца Георгия Кочеткова. Я и мои братья и сестры по Духу видим в нашем храме не только церковь, куда можно придти на службу, исповедаться и причаститься. Для нас это первое маленькое окошечко, в которое мы видим Свет веры, дорогу к Богу нашему Иисусу Христу.

Я пришла к Богу от одиночества, беспомощности, никому ненужности. Сама я не смогла найти дорогу ко Спасителю. Во многих храмах есть детские воскресные школы. Я видела, что ведутся занятия и со взрослыми. Но пожилых людей там не принимают. Сама я ничего не умела: ни молиться, ни правильно вести себя в храме. А в духовных книгах было совершенно все непонятно.

На оглашении меня научили не только читать духовные книги и молиться. Мы поняли, что Господь любит всех нас, ждет от нас любви и доверия. <...> Я научилась относиться к себе и к другим с уважением и любовью. Ваше Святейшество, Вам это обычно, а мне, советскому человеку по рождению и по воспитанию, это удивительно. Поверьте мне, я родилась заново. Я увидела, что мир, который сотворил Господь, прекрасен. Все люди тоже прекрасны, даже если они думают и говорят не так, как я. Я даже природу, музыку, поэзию, просто людей понимаю иначе, лучше. У меня появилась надежда встретиться с моей мамочкой, которая была для меня

«светом в окошке», единственной зацепочкой в жизни. В обычной, обыденной жизни мне стало легче. <...> Конечно, это промысел нашего Господа, но я узнала об этом впервые именно от отца Георгия Кочеткова и его помощников. Они открыли Господу не только мою душу, но и души нескольких тысяч прихожан.

Владыка, я не утверждаю, что отец Георгий лучше всех и единственный просветитель. Но для меня и многих наших прихожан он первый учитель. Именно он открыл нам путь к Спасителю. Поэтому нам так горько видеть и слышать всю ложь и клевету («Русский дом», «Радонеж»). Все это явно спланировано и организовано: чтобы это понять, достаточно было быть на литургиях отца Георгия и отца Михаила. Приходили в храм сердитые, настороженные люди, делали резкие замечания не только прихожанам, но и отцу Георгию. Мешали ему проводить службу, а нам молиться. Они на нас сердились, ругались. Это в храме-то!

Не хочу жаловаться, на все воля Божья.

Ваше Святейшество, очень прошу, умоляю выслушать отца Георгия Кочеткова и вернуть нам нашего пастыря.

Вашего Святейшества недостойная смиренная послушница и богомолка

Дубова Инна Аркадьевна.

Ваше Святейшество!

Святейший Владыко!

Я, Хохрякова Алла Павловна, 60 лет, прихожанка храма Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках.

Припадаю к Вашим ногам. Умоляю услышать и сделать доброе дело: вернуть отца Георгия Кочеткова.

Нам плохо без его проповедей, вразумлений, наставлений.

Теперь, после оглашения, мы многое поняли. Мы увидели свет Божий, узнали, что мы сестры и братья; помогаем друг другу, стареньким, немощным и больным. Многим молодым он жизнь спас! Некоторые в храме нашли свое счастье, обвенчались. <...> Храм стал для меня средоточием духовной жизни!

<...> Как грубо нас притесняли во Владимирском соборе, мешали молиться, — и мы уступили, ушли. Теперь и здесь, в храме Успения, нет от них покоя — приходят монахи, крепкие мужчины, ведут себя недостойно, обзываются, называя нас «масонами», «обновленцами». А мы молимся о любви, смирении, просим Бога <...>

Нижайше прошу Вас, Святейший Владыко, вернуть отца Георгия к служению.

Храни Вас Господь! Вашего Святейшества недостойная молитвенница

Хохрякова А. П.

26 июля 1997 г.

Архиепископу Солнечногорскому Сергию

Господи, тебе Единому несу всегда боли свои и радости, Тебя Единого прошу о помощи, ибо Ты Единый прав в суде Своем и лишь Тебе дано читать в сердцах и душах людей.

Можно долго и много писать Святейшему и президенту, судье и адвокату, в газету и на радиовещание, но я иду к Тебе и прошу Тебя: «Господи, помоги».

Я прожила 60 лет во тьме и смогла понять это только тогда, когда свет Веры освятил и согрел остаток моих дней, наполнил их Любовью и Добром, смыслом и счастьем, и поэтому сейчас, в час испытаний, я прошу Тебя, Господи, только Тебя, прошу за человека, который вывел меня к этому живительному свету Веры, и поэтому ставшего моим духовным отцом. Помоги ему, Господи, воздай ему, Господи, за добрые дела его, ибо он привел к вере не меня одну, а сотням душ открыл он свет веры, мир Добра и Любви Твоей, Господи.

Так помоги же ему, Господи, в этот тяжелый час, когда Зло готовится зачеркнуть его, очернить имя его, отторгнуть и его, и нас, паству его, от Церкви и веры.

Свидетельствую Тебе, Господи, что видела своими глазами, как готовилось это черное дело изо дня в день, как делались неоднократные грубые попытки сорвать службу. Даже не останавливало этих людей и то, что службы шли в Светлую седмицу.

Может, чаша сия дана батюшке нашему за наши грехи, за леность нашу, за уныние наше — Ты прости нас, Господи, дай нам пострадать, дай нам искупить грехи наши, но не давай Злу восторжествовать над Добром, а тьме над Светом.

Помоги, Господи, не отвернись от мольбы рабы Твоей.

Прошу об одном, глубокоуважаемый владыка Сергей, прочтите мою просьбу ко Господу как пастырь. С надеждой и великим доверием к Вам

Баталина Наталья (Нелли) Николаевна.

Владимир Аверчев, Борис Фаликов: Традиция и свобода(к современным церковным спорам)

Церковная жизнь

В наше время повсюду в мире наблюдается подъем религиозного фундаментализма. Выражением «исламский фундаментализм» уже можно пугать детей, — непонятно и страшно. В Индии партия, настаивающая на том, что в основе национального возрождения должен лежать «истинный индуизм», приходит к власти. В благополучной Америке фундаменталистская Христианская коалиция, во главе с динамичным молодым лидером Ральфом Ридом заметно усиливает свое политическое влияние. И, наконец, в России правые круги в РПЦ энергично играют мускулами в предвкушении неминуемой победы. Победы над кем? Но, прежде чем ответить на этот вопрос, определимся с терминологией.

Понятие «фундаментализм» — сравнительно новое. Оно возникло в начале века в США и обозначало те силы в протестантизме, которых беспокоило либеральное расшатывание основ христианской веры. Отсюда призывы вернуться к этим основам, христианскому «фундаменту»,

на котором и мечталось построить прочное здание современного протестантизма. Вернуться в буквальном смысле, чтобы каждое слово Писания воспринималось как безусловный и однозначный ответ на те проблемы, которые встают перед современным человеком.

Не будем вдаваться в богословские споры о том, насколько термин «фундаментализм» применим к индуизму и исламу, но очевидно, что к православию он подходит не совсем. Смысл протестантского фундаментализма в буквальном следовании Писанию, тогда как православные правые настаивают на неизменности буквы предания, то есть буквы традиции, а посему их уместнее называть «традиционалистами». Однако, пафос верности букве учения у тех и других один.

Пафос этот вполне понятен в современном мире, сложность которого возрастает с каждым днем. Растет не только объем информации, но и ее ценностная неопределенность. Клонирование живых существ — колоссальный прорыв в науке, но что он сулит человеку, не станет ли возможность биологического бессмертия угрозой его душе? Люди все более активно перемещаются по Земле, неся с собою и свою веру. Сосед, поклоняющийся Аллаху, невольно заставляет меня задуматься о моих отношениях с Христом. Секуляризация современной культуры уводит ее все дальше и дальше от источника — культа и нередко начинает казаться его противоположностью. Во всех этих сложных ситуациях фундаментализм и традиционализм предлагают четкие и ясные ответы, снимая с верующего груз неопределенности и относительности. Получая эти ответы, человек отдыхает душой. Что еще можно требовать от религии в наше смутное время?

Но дело в том, что фундаментализм и традиционализм не останавливаются на создании духовного убежища. В первом очень сильна потребность поделиться обретенной Истиной с окружающим миром, и это совершенно естественно. Религия — весть о спасении, и было бы нелепо думать, что те, кто считают себя ее обладателями, не поспешат рассказать о ней ближним. Для «традиционализма» в большей мере характерна психология осажденной крепости, но из этой крепости делаются весьма болезненные набег на «тех, кто не с нами». Мировоззрение традиционалистского, равно как и фундаменталистского типа более чем категорично — весь мир для него делится на два цвета — черный и белый. Поэтому утверждение Истины должно быть твердым и агрессивным. Да и как иначе? Ведь черное надо закрасить белым. А это, и правда, нелегкая задача.

Трудно не согласиться, что схватка между добром и злом ни на секунду не прекращается. И люди неверующие, как правило, не склонны к моральному релятивизму. Впрочем, на словах никто к нему не склонен. Ну, а что касается дел, то здесь все мы, и верующие, и неверующие, в равном положении перед судом своей совести или Господа, это уж, кто как понимает. Проблема в другом. Как разобраться в этом невысказанно сложном мире, где зло нередко выдает себя за добро, а добро порой совсем незаметно? Сформулируем шире — возможна ли ценностная ориентация в мире без его упрощения, превращения в черно-белое кино?

На наш взгляд, да, возможна, ибо кроме фундаментализма и традиционализма существует и другой способ религиозного ответа на вызов современности. Чтобы не усложнять и без того трудную проблему, ограничимся в разговоре о нем христианским миром или даже миром русского православия. Нас и здесь поджидают достаточно нелегкие задачи. Если термин «традиционализм» имеет вполне определенное и в общем не обидное звучание, то явление, о котором пойдет речь, некоторые называют «модернизмом» или, того хуже, «обновленчеством». Последнее слово в контексте нашей истории звучит крайне неприлично (о связях «обновленцев» 20-х годов с ГПУ писалось более, чем достаточно), но и термин «модернизм» не подходит по сути. Ведь модернизм — это низвержение основ (в религии скорее их «размывание»), а мы поведем разговор о том течении в православии, которое как раз

настаивает на возвращении к основам. Однако, в отличие от традиционализма, это возвращение не столько к букве, сколько к духу, причем, как Писания, так и Предания. Поэтому попытки оппонентов выдать его за российскую версию протестантизма, на наш взгляд, также неправомерны.

В российском православии это течение представлено приходом храма Успения Богородицы в Печатниках, что у Сретенских ворот в Москве, где до последних пор и. о. настоятеля был о. Георгий Кочетков. О самом приходе и деятельности о. Георгия писалось немало, как критиками, так и сторонниками, поэтому выделим только ту тему, которая имеет прямое отношение к предмету нашего разговора. К духовному наследию православия здесь относятся творчески, т. е. на основы веры глядят глазами, видящими всю непомерную сложность современной действительности. Поэтому и ответы изыскиваются непростые и неоднозначные.

Взять, к примеру, весьма острый вопрос русификации богослужения. О. Георгий не настаивает ни на том, что литургия должна быть переведена на русский «от и до», ни на том, что практика эта должна повсеместно распространяться. Речь идет лишь о том, что для молодых интеллигентов (а именно они и составляют основную массу прихожан), процесс воцерковления должен проходить осознанно, когда литургическая символика говорит с тобой напрямую. Ум поднимается к Слову, опираясь на слова, а не только на торжественную музыку церковнославянской речи. И пафос понимания здесь совсем иной, нежели дух протестантской рациональности. С одной стороны, это возвращение к тем временам, когда церковь еще не имела специального литургического языка и общалась с верующими на живом языке, а с другой — ответ на требование современного сознания, в котором вера хочет жить, не опираясь на стилизацию.

Или вопрос общинности. Приход храма Успения Богородицы в Печатниках включает в себя духовные общины — «семьи», группы прихожан, которые вместе проходили воцерковление. В них поддерживается общинность сродни той, что спланивала первохристиан в трудные времена. Создается атмосфера душевного тепла, которая помогает общению в Духе. Но одновременно это и попытка ответить на сложную современную проблему. Ведь ни для кого не тайна, что именно в поисках душевного тепла и обращаются современные люди к новым религиям.

Число примеров творческой апелляции к истокам можно было бы множить и множить, но главное ясно и так. Осознание своего места в современной Церкви прихожане храма Успения Богородицы в Печатниках ищут в духе христианской свободы, без которой немислимо никакое творчество, в том числе и церковное. Недаром тема свободы занимала не последнее место в проповедях о. Георгия. Кстати, и то значение, которое в богослужении придается им проповеди, также указывает на осмысление традиции в духе христианской свободы.

Вот теперь и пришло время ответить на вопрос, поставленный в начале статьи, — над кем стремятся одержать победу православные «традиционалисты»? Конечно, над о. Георгием и немногими ему подобными. Все они, кстати, совсем не похожи друг на друга, ибо творческий возврат к истокам всегда неповторим. На чаемую победу затрачиваются немалые «богословские» и «организационные» усилия. Но нужно ли церкви это ожесточение борьбы?

Совершенно очевидно, что существование внутри церкви разных течений неизбежно и даже продуктивно. «Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные» (1 Кор 11: 19). Главное, чтобы разномыслие не переходило в междоусобицу. Очевидно, что традиционализм всегда будет привлекать на свою сторону церковное большинство, давая четкие и ясные указания, как жить в соответствии с христианскими правилами. И не надо думать, что простые ответы всегда и обязательно ложные. В свою

очередь поиск непростых ответов на сложные вопросы в условиях духовной свободы всегда останется уделом немногих. И не потому, что они обязательно умнее и лучше, а потому что дерзновеннее, а это не только свойство ума, но и воли и духа. Кстати, сознание своей избранности, элитарности — это как раз духовная западня, которая чаще всего подстерегает желающих стать дерзновенными. В церковных стенах всем найдется место, главное научиться искусству совместного в них проживания.

Нам кажется, что залогом этого может стать ясное осознание единства цели — спасения во Христе. Для тех, кто думают прежде всего о спасении, некоторая разница в средствах достижения этой цели не может иметь самодовлеющий характер. И напротив, когда цель забывается, средства абсолютизируются. И тогда на первый план выходят различия между ними.

Как уже говорилось, традиционализм по природе своей малогибок и категоричен. В этом его сила и его слабость. Он не хочет и не умеет идти на внешние компромиссы. Но то, о чем мы говорим, и не требует компромисса. Достаточно признать простой факт, что соборность Церкви предполагает полифонию, наличие в ней разных, но духовно единых голосов. Признание этого факта отнюдь не предполагает пение с чужого голоса.

Вместе с тем посягательство на дух свободы, отказ ему в праве на существование чреват тем, что дух этот заживет за пределами церковной ограды, ибо исчезнуть вовсе он не может. Не стоит забывать о том, что европейская Реформация оказалась неизбежна именно потому, что католическая иерархия не сумела признать право членов церкви (в том числе Лютера и его единомышленников) продолжать свой поиск свободы в церковных пределах. Раскол произошел, и взаимное обособление поставило жирную точку в несправедливом деле церковного разделения. Наверное, не стоит и нам забывать уроков мировой истории, а не то измышленный «протестантизм восточного обряда», не дай Бог, обернется печальной реальностью.

Протоиерей Михаил Чельцов: Сущность церковного обновления

История церкви

Недавно в «Издательстве имени святителя Игнатия Ставропольского» вышли «Воспоминания »смертника» о пережитом» протоиерея Михаила Чельцова. В предисловии к книге рассказывается, что он, в 1922 г. проходя по одному делу со священномучеником митрополитом Вениамином, был приговорен к расстрелу, но помилован и принял свой мученический венец позже — в ночь на Рождество 1931 г. К сожалению, излагая биографию протоиерея, автор предисловия ничего не говорит о том, что о. Михаил был обновленцем — не в позднейшем смысле слова, означающем участника обновленческого раскола, а в первоначальном, как член «Союза церковного обновления» — знаменитой группы 32-х священников, опубликовавших в 1905 г. записку «К церковному собору», дополнявшую со стороны священников известные «Отзывы епархиальных архиереев» по вопросу о церковной реформе. Символично, что большинство членов этой группы не примкнуло к «обновленцам» 20-х годов, но сохранило, подобно протоиерею Михаилу Чельцову, верность патриарху Тихону.

Предлагаемая вниманию читателей «Православной общины» статья написана в 1907 г., когда слово «обновленец» еще не было скомпрометировано связью с преступной и богоборческой властью и не стало презрительной кличкой.

Сейчас, когда слово это вновь оказывается у всех на устах, полезно узнать, какое содержание вкладывали в него люди, его создавшие и запечатлевшие свою верность Богу и Церкви своей мученической кровью

В качестве приложения мы даем отрывок из его же статьи 1928 г. «В чем причина церковной разрухи 1920–1930 гг.», где о. Михаил, вглядываясь в прошлое и рисуя картину петербургской церковной жизни начала XX в., объясняет, почему причины обновленческого раскола 20-х годов нельзя искать в деятельности петербургских обновленцев — священников, вдохновленных идеей благодатного обновления церкви. Наоборот, благодаря сложившейся в Санкт-Петербургской епархии атмосфере церковной свободы в условиях человеческих отношений епископа со священниками привела к тому, что даже в первые годы советской власти в этой епархии сохранялись мир и взаимопонимание, церковная дисциплина и послушание.

Прот. Михаил Чельцов

Сущность церковного обновления*

То движение среди духовенства, которое объединилось под знаменем «церковного обновления», существует уже не первый год. Оно заявило себя и в литературе, и в жизни; оно принимало участие и в подготовлениях к будущему поместному собору, и как таковое получило огромную, не совсем, кажется, впрочем, заслуженную известность. Но, не смотря на это, движение это далеко еще не определилось ни в своей внутренней сущности, ни в целях, ни со стороны средств своих. Отсюда проистекает ненормальное объединение под покровом «церковного обновления» фактов и течений взаимно даже исключаящих один другого. Церковным обновленцем мнит себя бранящий, иногда даже по личным своим счетам, своего архиерея и восстающий против епархиальной бюрократии, но во взглядах своих на христианство и на задачи пастырства не простирающийся далее откровений «Колокола», тоже, кстати сказать, во время обер-прокурорства Оболенского старавшегося заявить о своем «обновленстве». Тому же богу думает служить и тот, кто почти совершенно безразличен к делу церковной реформы, не придает ей значения, а все свое внимание сосредоточивает почти исключительно только на полном раскрытии христианства как веры религиозной, забывая то положение, что в действительности и христиане — лишь средние люди, а не герои духа, а потому сильно нуждаются для воплощения христианства в жизни в обновленных формах, т. е. в церковных реформах. — Обновленцем считает себя и тот, кто против всякого реформирования в Церкви, веря в постепенный, хотя и медленный, процесс самой жизни к целям религиозного прогресса; но будто бы обновленец и тот, кто зачеркивает всю предыдущую жизнь Церкви как неудавшуюся и мечтает об открытии новой Церкви Духа Святого.

Впрочем, эти последние, в своем роде крайние левые, наконец увидели, как у них не много общего с тем, что может содержаться в понятии «церковного обновления» и отсюда у них жесткая, ядовитая, но далеко не справедливая критика всего «обновленческого» движения. Критика эта — дело вполне естественное и желательное: она должна лишь помочь делу. После всякой грозы — всегда яркий просвет и очищение в воздухе. Этот просвет, это очищение должны быть произведены и в церковном обновленчестве. И здесь должно быть выяснено это движение с его настоящей, подлинной физиономией, без всяких прикрас и подмалевываний: только тогда оно может быть и полезно.

Итак, что же такое «церковное обновление»?

И то, и другое слово требуют своего выяснения и раскрытия мыслимого в них содержания. Начнем с последнего слова.

Обновление не есть появление нового — это было бы творением, рождением; обновлять можно только то, что существует. В этом смысле мы говорим, например, об обновлении природы от благодатного дождя после продолжительной и изнурительной засухи. От засухи все блекнет, высыхает, готово, по-видимому, прекратить свое существование, лишается благодатных соков. Прошел дождь, и все оживает, но оживает именно потому, что корни были еще целы, в них еще таилась живительная сила, они были со всеми присущими им потенциальными устремлениями к росту, к процветанию, т. е. к обновлению. — Но и дождик для обновления природы должен быть достаточно силен и непременно идти при благоприятных условиях. Небольшой дождь, коснувшись верхов, поверхности, в состоянии будет произвести небольшое оживление, озеленение природы, но как недостаточно проникший в глубину земли, не коснувшийся корней растений, произведет действие не продолжительное, скоропреходящее, для обновления совершенно недостаточное. Может пройти дождь с бурей, градом или сильным холодом. Он забьет землю, вырвет с корнем и поломает деревья, приколотит корни, лишив их этим свободы развития. Нужно, чтобы дождь дал благотворную влагу самим корням, размочив почву и сопровождался все оживляющим блеском и согревающей теплотой весеннего солнца. — Но и самый благоприятный дождь, даже после самой изнурительной засухи, для обновления природы не производит никакого существенного переворота в природе, во внутренней сущности растений: растения сами по себе остаются теми же, что и были, только со вновь полученными, данными условиями для своего оживления, расцвета; что было заложено в их сущности живительного — теперь распускается, раскрывается, дает приятность обонянию, удовольствие глазу и радость и отраду всему живому.

Так намечаются следующие четыре основных черты в содержании понятия «обновления». 1) Обновление не есть отказ от прежде бывшего, зачеркивание его и творение совершенно нового явления: оно есть воззвание к жизни того, что есть или что было и что быть должно, но что почему-либо замерло, поблекло, захирело, и потому не обнаруживает свойственных ему жизненности, блеска и силы. 2) Обновление не перерождает и внутренней сущности того или иного явления, не производит в нем внутреннего переворота: оно выявляет эту сущность, доставляя все способы к ее обнаружению, раскрытию, процветанию; оно есть распускание бутона в цветок во всей его пышности, красоте и благоухании. 3) Но обновление не есть замазывание прорех, заплатка на старом: оно должно быть глубоким и всесторонним, чтобы коснуться самых корней известного явления, им дать силы к углублению внутрь почвы и к проявлению крепким, твердым, могучим стволом для произрастания райских плодов на пользу человеку. 4) И идти оно может не путем репрессий, насилия, через гром и бурю, но созидая в природе благоприятную почву, естественные условия, путем разработки нужного материала, подготовлением данного явления к восприятию его природным сознанием.

Все эти черты такого свойства и направления, что они роднят обновление с эволюцией, и делают его совершенно чуждым революции; обновление требует коренных реформ и чурается реформации, как явления совершенно другого порядка.

Как таковое, какой смысл будет иметь обновление в приложении к Церкви?

Здесь мы встречаемся с целым рядом недоумений и, по-видимому, основательных возражений. Как, говорят нам, можно говорить об обновлении Церкви, коли она есть столп и утверждение истины, коль ее не одолеют и врата адавы? Говорить об обновлении Церкви не значит ли предполагать ее мертвенность; а это не в противоречии ли будет с вышеприведенными изречениями слова Божия?

Когда слышишь эти возражения, невольно вспоминаешь слова Иоанна Златоуста, сказанные им, хотя по другому поводу, но очень характерные и для настоящего случая. Привожу их в очень выразительном славянском тексте. «Сие Господь завеща, глаголя учеником: «се аз с

вами есмь во вся дни, до скончания века»; но сие бывает, егда мы хожем; не бо всячески будет с нами, егда себе далече творим.. С вами, рече, выну буду: да не отгоняем прочее благодати». Словами этими ярко обозначаются два элемента во всяком божественном обетовании — божеский и человеческий. Божеский — всегда непреложен, неизменен, вечен; человеческий — в полной зависимости от воли, от хотения, от жизни человеческой. Человек-христианин может его довести до нераздельного единства с божеским в своей личной и общественной жизни; но он может остаться и с одним человеческим элементом, лишившись, утратив божественный и слепо исказив, подменив и божеский на ложнобожеский.

Так и Церковь: она действительно, столп и утверждение истины и, действительно, вратами ада она никогда не одолена; но «не бо всячески будет с нами (таковая), егда (мы) себе далече творим». Она может оставаться, пребывать таковой, но не для нас — известных, допустим, личностей или даже русского православного народа. Оставаясь сама по себе таковой, она в нашем сознании и жизненном выражении может оказаться уже столбом поваленным, утверждением непрочным и к одолению от ада склонным, даже и близким. Отсюда является естественная для христианина потребность и задача — осмотреть, как бы ощупать духовными щупальцами: насколько в его понимании и жизни Церковь является таковой, каковой должна быть, ярко ли в ней светит правда Евангельская, подлинный ли блещит свет Христов, согреваются ли лучами тепла сердца скорбящих и озлобленных. А это-то и есть один из элементов, даже одна из задач того, что именуется церковным обновлением. Церковное обновление имеет своим объектом не Церковь в ее трансцендентной сущности, даже и не в земной ее святости, а Церковь со стороны выражающего ее вонне человеческого ее элемента. А человечество, как зараженное грехом, ограничено в своем усвоении истин веры и не без уклонений и падений совершает путь к богочеловечеству.

Евангелие, как известно, не сборник нравственных правил, и не система религиозного вероучения: оно есть благовестие о самой жизни во Христе Иисусе. Поэтому далеко недостаточно его только знать или изучить, его нужно усвоить всею своею жизнью. Но способности человека-христианина к усвоению, тем более жизненному, — слабы, умственные силы его ограничены; и если всякое его усвоение совершается медленным процессом, с постоянными недоумениями, затруднениями, уклонениями от истины, падениями в бездны еретичества и лжи, то тем более всему этому подвержено усвоение благовестия о жизни во Христе. История жизни христианства свидетельствует это многими ересями и расколами и целым рядом соборов для выяснения и раскрытия Евангелия. И истины веры, — само благовестие о жизни, значит, остается всегда себе равным, никогда не увеличивающимся, ни уменьшающимся в своем содержании, никогда не погрешительным, — в усвоении их людьми подвергаются затемнению, искажению и требуют постоянного и бдительного осмотра, освидетельствования, раскрытия, обновления, как очищения от еретической или другой какой заразы и выяснения их в истинном свете Христова учения.

Отсюда вполне должно быть понятным и бесспорно приемлемым, что обновление вполне естественно, законно, обязательно в Церкви и для Церкви: ясным должно быть и то, какая сторона Церкви, какая из ее составных частей подлежит обновлению. Значит, и говорить об обновлении церковном это не только не быть в противоречии с Христовым учением о Церкви, но именно для Царствия Божия работать, очищая для людей пути и изыскивая способы к богоподоблению к богочеловечеству. И в наше время это более, чем когда-либо требуется.

Наше время — время переоценки всех ценностей, пересмотра всех основ человеческого бытия и делания, пересоздания жизни государственной, общественной и экономической. В такое время мысль человеческая невольно обращается к метафизике и к религии, в которых она хочет найти для себя точку опоры и исхода, свет для освещения путей своих, основания для

целей своих устремлений, выяснение подлинной, неподдельной правды, одобрение или осуждение через истину поступкам людским. И в наши дни государственного и общественного брожения обратились рядовые христиане к Церкви за разного рода разрешениями, разъяснениями и... натолкнулись на стену молчания, откуда послышалось им только одно: *ignoramus et non possumus**. Явился священник Гапон, повел за собой народ; очень многие пошли за ним без рассуждений, а иные вздумали навести нужные справки у других пастырей и услышали — «не знаем»; услышали и пошли на смерть за Гапоном. Пробудилось сильное желание к политической свободе, опостылел гнет правительственных казнокрадов и насильников; опять некоторые захотели услышать слово пастырское, слово церковное, и вздохом обессиленного паралитика пронеслось в ответе им избитое, искаженное в смысле — «всякая душа властям да повинуется», и пошли убийства да смертные казни. Разгорелась социальная, классовая борьба: Церковь, как крупнейший собственник и как привилегированное сословие вздумала было утишать ее и... запылали костры из помещичьих усадеб.

Тяжело, ужасно тяжело было массе христиан, тому, что зовется телом Церкви, видеть, слышать, сознавать все это. Невольно рождалась у многих из христиан испытующая мысль: да что же это такое? Неужели Церковь только и может признавать и освящать, что старо, гнило, нравственно уродливо и безобразно, что в интересах неотвеченной ни перед кем и про Бога совсем забывшей жестокой, злобной власти, да что отжило уже свой век и что снова повториться уже не может? Неужели и церковь только со старым? А с новым? Новое отрицается? Но как же слово Златоустого Иоанна, что Церковь никогда не стареет, но «присно-юнеется». Где же истина, где правда? Где Христос и Его благовестие нищим и сокрушенным сердцем, плененным освобождение, измученным — свобода, проповедание лета Господня благоприятного (Лук 4: 18-10)? Неужели это для каких-то других будущих времен, а теперь христианство всецело выражается в аскетизме? А христианская общественность — есть ли она, может ли быть и почему ее нет?

Уж сколько раз все эти и им подобные вопросы, и устно и письменно, и отдельным пастырям и целым группам их, и всей Церкви задавались и от частных лиц и от целых общественных организаций — задавались и все по-прежнему, по-старому оставались без удовлетворения, без ответа: *ignoramus, non possumus*, где-то глухо, сурово, но всегда грозно звучало и гулким эхом раздавалось по всей Руси... И пошли далеко в сторону от Церкви когда-то люди церковные, пошли по разным сектам и законам; иные совсем о Боге перестали думать, оставили Его; другие сочли религию делом внешним, неважным придатком и, пока еще числясь православными, зажили без Христа и без Бога.

И опять перед некоторыми из христиан и перед многими из пастырей церковных восстал вопрос: так ли должно быть? Естественно ли это? Не беда ли, не горе ли это для Церкви? Нельзя ли избавиться или во всяком случае умалить, ослабить дальнейшее поступательное движение его? И предстал перед ними вопрос: како веруеши и почему? Само собою, по законам какой-то неведомой логики, по побуждениям какой-то таинственной требовательной силы, всплыла на поверхность христианского сознания многих необходимость осмотреть церковное христианство, выяснить его настоящую подлинную сущность, его отношение к государственной, экономической, общественной жизни, к политике и культуре общечеловеческой. Так появилось то, что потом названо было церковным обновлением.

Так что же такое церковное обновление?

Исходный пункт свой церковное обновление имеет в тупике, в который уперлась наша русская Церковь учением своим о христианстве в его отношении к общественной жизни. Отсюда целью своею оно поставляет раскрытие, выяснение христианства как абсолютной и универсальной

религии, — как веры проникающей, просвещающей все взаимоотношения общественные, творящей здесь, на земле, в земных условиях бытия человеческого, Царство Божие. Христианская общественность, Царство Божие и на земле — вот что написано на стяге, под которым стоит церковное обновление. Человек — христианин, человек — сын Божий, человеческая общественность — общественность евангельская, жизнь людская, мировая — жизнь богоподобных существ, — вот идеал его. В этих пунктах церковные обновленцы близко подходят к так называемым новым христианам; но только в этих пунктах, — а дальше пути расходятся.

Как бы иногда новые христиане не старались укрываться за разными софизмами, но они отвергают историческую Православную церковь; она, по их мнению, отжила свое время, состарилась. Но не удовлетворяет и Евангелие. Им хочется нового богооткровения; они мечтают о новом явлении Духа Святого. Они ждут рождения новой Церкви — Иоанновой, апокалиптической. Церковные обновленцы всеми жилами своего существа связали себя с так называемой исторической церковью. Они крепко убеждены, что было одно богоявление и другого не будет; было одно богооткровение и другого не последует. И в них дано все, что к животу и благочестию, сообщена вся плирома — полнота божественного учения и ведения. И как в некую богатую сокровищницу, выражаясь словами св. Иринея Лионского, собрано оно, снесено в Церковь Божию, в которой мы живем и спасаемся. Но Церковь, как все живое, в жизни своей подвергается многообразным переменам. Она, говоря словами одного древнего церковного писателя, «иногда возносится к небу, иногда опускается в бездну, иногда Христовою управляется силою, иногда колеблется страхом, иногда покрывается волнами страстей, иногда всплывает на веслах исповедания» (Петр Хрисолог). Но и в самую худшую пору она все-таки дерево целостное, с крепкими здоровыми корнями, с никогда неиссыхающей благодатной влагой в них, но только дерево не дающее зелени, дающее недостаточно ограды и успокоения путников, дерево без цвета и надлежащей красоты. Историческая Церковь и по источнику бытия своего и по своей внутренней природе есть Церковь Бога живого, но только отяжелевшая за массой несродных ей наслоений, утратившая сродную ей эластичность, приложимость общечеловеческую, закрывшаяся для проявлений полноты благодати своей чрез живые действия Духа Св. и служащая не к раскрытию, а нередко к подавлению даров Духа Св. в каждом из людей.

Отсюда задачей для церковных обновленцев является не пересоздание Церкви, как Божественного установления, а возрождение ее со стороны ее человеческого элемента. Основы, начала, заложенные Христом, суть начала евангельской правды и истины, но они заглушены, как бы куда-то схоронены; их требуется проявить, воззвать к жизни. Значит, обновленцы не о новом творении в христианстве мечтают, а лишь стремятся к тому, чтобы христианство Христово, а не византийское, христианство евангельское, а не преданий старцев, проявилось в жизни во всей присущей ему силе и блеске, раскрыло бы все свое богатое потенциальное содержание, объединило бы в единстве бытия веру и жизнь и дало бы христианскую государственность, общественность, экономику, культуру, науку, словом — христианизировало бы жизнь во всех ее сторонах и проявлениях и вело бы к приближению Царствия Божия и здесь на земле.

Но так как в современной нам жизни христианство слишком незаметно, церковное претворение зла в добро, не мышления, но именно действия, почти совсем отсутствует, нравственный упадок, особенно в представителях государственной и церковной власти, слишком велик, то и средства к осуществлению задач для церковного обновления должны быть радикальные. Должна быть предпринята самая основная и всесторонняя реформа всего строя церковной жизни. Реформы этой страстно желает и все русское духовенство; ее ждут и готовят почти все наши архиереи, как об этом свидетельствуют отзывы всех их о

церковной реформе; над нею работало и предсоборное присутствие. В этом отношении обновленцы лишь частица из всего российского духовенства. Но они во взгляде на сущность и цели реформы расходятся со многими из белого и со всеми из черного духовенства и тем более с архиерейством. Для них церковная реформа не самоцель, а лишь средство к достижению высших целей, ранее нами указанных. Для архиерейства же нашего и для многих из белого духовенства все дело сводится к одной лишь церковной реформе и ею покрывается. Реформа им нужна или для того, чтобы освободиться от гнета архиерейского всевластия и произвола, но не в интересах свободного пастырствования среди пасомых, а в чисто личных, сословных и профессиональных; или для того, чтобы освободиться от цезаро-папизма, но в интересах не столько христианизации общества, сколько возвышения власти архиерейской; или для того, чтобы увенчать иерархическую лестницу золотой шапкой патриарха к славе Церкви, но не внутренней, духовной, а внешней, показной, мишурно-блестящей. Поэтому обновленцы относительно безразличны и к патриаршеству и к власти епископской. Они того и другого могут даже желать, но не ради их самих. Власть и авторитет епископский они признают, он им кажется нужным и полезным, но только при обращении его не в одну только сторону — на пастырей, архиерейством и так уже обезличенных, и на пасомых, по положению не высоких и жизнью пришибленных; власть архиерейская больше всего нужна и полезна для смелого, открытого и повсюдного обличения зла, карания порока, где бы и кем бы они ни творились, для защиты истины, водворения правды, распространения тепла любви. Не будут они противиться патриарху, но строго соборному, как главнейшему поборнику за Христа, для всех людей — от царя до нищего — одинаково обязательного, как нелицеприятному судии порока в высших и ходатаю за униженных, оскорбленных, преступных. Церковные обновленцы признают необходимость за церковным управлением, но только за таким, которое не к подавлению личности человеческой, но к возвышению в ней духа Христова, являлось бы как бы ступенями лестницы для восхождения всех к царству Отца, не только на небе, но и на земле.

Ясно, что обновленцы не пресвитерианцы и не клерикалы. От первых их существенно отделяет признание ими всей высоты и авторитета за епископством, но не как за властью в византийском духе и направлении, а как за таким богоустановленным учреждением, где желающий быть первым должен быть всем слугой, — как за светильниками света, высоко стоящими на свечнице, и одинаковую любовь и заботливость на всех людей, во всех служениях и положениях, изливающими, — как за благодатными носителями высшей правды и истины. От клерикалов их отличает основная цель их стремлений: они добиваются не своих, не сословных и утилитарных выгод: они целью имеют христианизацию жизни, хотя бы достигать этого пришлось с большим ущербом для духовенства как сословия; христианская общественность — вот конечный пункт их стремлений, а все остальное — средство, путь для него. Поэтому и реформы обновленцы желают коренной, чтобы она коснулась самых основ церковного управления и церковной жизни, а не одного только замазывания худобы, заплат на ней. Худую одежду как ни чини, все она недалеко уйдет от Тришкина кафтана. II предсоборное присутствие своими рассуждениями с наглядностью, убедительностью это доказало, открывая возможность упрекать его до некоторой степени в сословном клерикализме.

Но нужны именно реформы, а не реформация. Это — гром, буря и молния; она грозит не только обломать ветви и погнуть самый ствол у дерева Церкви, но и с корнем его вырыть из русской православной почвы. Для исправления в сторону уклонившегося ствола нашей Церкви, для его озеленения и расцвета нужна не революция церковная, а эволюция, хотя и самая последовательная и строго проведенная. Думать же, что все может исправиться само собой, что никаких основных реформ не нужно, что, при промыслении Божиим о Церкви Его святой, процесс самой жизни приведет к целям религиозного прогресса, — это благочестиво оправдывать свою лень, защищать кощунственно свою неподвижность и безбожно предаваться утопической мечте. Ничто само собой не делается и под лежащий камень нашей церковной

неподвижности вот уже не одно столетие не течет освежающая вода силы Христовой: а ведь в Церкви Христовой, Божией, такой воды неиссякаемый источник.

Реформы церковные, как и все вообще церковное обновление, должны произойти исключительно на основах и в духе Евангелия Христова и древле-вселенской практики. Евангелие — это книга бытия нашего, это глаголы живота вечного; а древле-вселенская практика дает нам массу примеров, образцов, показателей жизни и церковно-общественного устройства по этому Евангелию. Поэтому, выявить чрез церковное обновление содержание Евангелия — это значит указать и дать все нужное для устройства жизни человеческой как чад Божиих, содругов Христовых, сынов Царствия Божия. Бояться в данной постановке протестантизма — это обнаруживать непонимание Евангелия, умаление его жизненного значения, почитание его как книги в золотом переплете, но не для жизни, а для красования в храме. Если Евангелие есть благая весть о жизни во Христе, то наше дело стремиться как можно скорее и в возможной полноте низвести эту жизнь с неба на землю, выразить, осуществить ее во всей ее чистоте и райской красоте и в богоподобной яркости и белизне возвести снова с земли на небо...

Таково «церковное обновление» в его теоретической, идейной постановке, как мы ее понимаем и по силам своим смогли выявить, раскрыть. Какие же практические задачи предносятся пред церковными обновленцами?

Путем усиленной литературной работы обновленцы обязываются раскрыть и провести в сознание всего христианского общества истинное понятие о том, что такое христианство в его внутренней сущности, каковы его отношения к земле и к небу, какое в нем положение могут занять человеческие культура, искусство и т. п., какое настоящее христианское разрешение вопросов — государственного, социального и экономического, какими должны быть христианская политика и жизнь. Словом, обновленцы должны раскрыть христианство в его отношениях к жизни людской и как эта жизнь, — не только личная, но, что особенно важно и требовательно, — общественная и государственная, — могут быть христианизированы.

При разъяснении этих положений они естественным образом встречаются с вопросом об отношениях Церкви к государству и наоборот. Вопрос этот почти у нас не затрагивался в литературе, а поэтому представляет почти непечатую ниву. Вот и предстоит уяснить, что свободная Церковь должна быть свободной не только от государственных тисков, но и от опеки, свободной во всех своих внутренних жизнепроявлениях. Только такая Церковь с надлежащей полнотой и в достаточной степени будет светить подлинным светом Христовым и правильно в нем отражать все поступки людей, как правителей, так и подчиненных, как знатных и богатых, так нищих и убогих, будет для всех нелицеприятным судьей.

Во взаимоотношениях людских обновление должно указать полную приложимость и всецелую осуществимость евангельских принципов братства, равенства и свободы, выявить их христианскую физиономию и подлинность. Для этого необходимо добиваться реформирования и церковного управления, церковной жизни на основах соборности и единства. Единство должно быть раскрыто не в формулах лишь веры, но главным образом в самом христианском самочувствии и самосознании, а соборность проведена от низших форм до самых высших. Отсюда, как первая и неотложная задача для обновленцев, является всяческая с их стороны помощь проведению самых широких и коренных реформ в церковном управлении и бытии на началах свободного всех единства во Христе и братской соборности. Эта задача есть первейшая, ибо только в новые мехи можно вливать вино новое: старые не выдержат — или порвутся или затхлостью и плесенью поразят благоухание нового вина. И формы церковной жизни необходимо должны соответствовать и отвечать самой сущности христианских начал. Иначе не польется новое, доброе вино благодати Духа Св. к освежению, озеленению и

богатому оплодотворению жизни христианской, а если, при чрезмерных усилиях героев духа христианского, и польется оно, то рискует заразиться от затхлости сосудов и отразить не действие Духа Божия, а духа човекоугодничества, унижения, человеконенавистничества, гордости и т. п. Таким образом, обновленцы обязаны всеми для них возможными средствами способствовать единственно желательной и наилучшей реформе церковного управления.

Пути, средства к практическому осуществлению теоретических, идейных начал церковного обновления многообразны. Первый и самый широкий путь — это литературная разработка. Но это только первый путь, только начало. За ним должно идти внедрение в самую гущу жизни идей обновления путем рефератов, публичных лекций, народных собеседований и т. п. И те, которые болят неустроениями в христианском сознании и в церковном нестроении, которым дорог стяг и идеал церковного обновления, должны братски объединиться в один союз любви, дабы не разрозненно, но общими усилиями, со взаимной помощью и поддержкой творить дело Божие, послужить на пользу Церкви святой, дабы и средним из нас деятелям почерпать силы в союзе братской любви и воодушевление для героизма духа в борьбе со злом и злыми. Чтобы быть действительными обновителями общества христианского на началах правды и истины Христовой, самим ставшим под знамя «церковного обновления» следует на самих себе показать действие начал, за которые они встали.

Так мы снова подошли к тому вопросу, который поставили в начале нашей статьи: что же такое церковное обновление? Как теперь, после долгих рассуждений, выяснилось: церковное обновление есть служение словом — письменным и устным — и делом — работы и жизни — раскрытию всей полноты даров Духа Св., заложенной в сокровищнице Церкви, обнаружению всей красоты и глубины того, что зовется христианством, выявлению сущности этого христианства со стороны его приложения к жизни государственной, общественной, экономической, к культуре и прогрессу.

Церковное обновление — это возрождение церкви к проявлению Христа в жизни мира сего, не чрез отдельных только святых, но чрез все общество людское, к обожению его, к водворению и на земле Царствия Божия, к осуществлению слов молитвы Господней: «Отче наш, да приидет царствие Твое. Да будет воля Твоя как на небе, так и на земле»!

1907 г.

Протоиерей Михаил Чельцов: В чем причина церковной разрухи в 1920-1930-х годах

История церкви

Наша современная церковная разруха, откуда она? Где ее корни и начала? Иногда приходится слышать, что начало ее лежит в самых первых годах этого столетия, что корни ее в том церковном движении, которое представляли так называемые «32», что виновником ее является главным образом покойный наш митрополит Антоний. Это суждение мне пришлось выслушать от теперешнего нашего митрополита Серафима.

В этом мнении есть доля правды. Как видно будет из дальнейшего, в современной нашей церковной разрухе имеет больше значение то как ее производящее, то как ей противное начало — белое духовенство. Вот такое дерзновение говорить от своего имени прямо и смело,

даже возражать епископу и митрополиту, почесть не столько за свое право, сколько за обязанность иметь свой голос и судить о делах как епархиальных, так и общецерковных, познать себя в качестве активных помощников правящему епископу, — все это, действительно, наше питерское духовенство проявило при митр. Антонии. Правда и то, что митр. Антоний не только не тяготился таким дерзновением своего городского духовенства и не старался «осадить» его, но заметно дорожил им и до некоторой степени считался с ним.

Вот этому факты. Точно не помню, в каком это было году — приблизительно в 1904–1906 годах — за какое-то возмущение противоправительственное было присуждено к расстрелу 15 матросов кронштадтских. Теперь покойный, а тогда очень видный о. Григорий Спиридонович Петров в какой-то из газет обратился к духовенству Питера протестовать против этих расстрелов и для этого всем вкуче, в точно указанный им (о. Петровым) день и час, пойти к митр. Антонию с мольбой явиться ему ходатаем пред Царем за этих осужденных и добиться их освобождения. По зову о. Петрова явилось нас к митр. Антонию очень порядочное количество — человек 25–30. Конечно, митр. Антоний, из газет знавший о предполагаемом нашествии к нему, мог под различными предложениями не принять нас, а если принять, то поговорить с нами не по содержанию ходатайства, а в той или иной форме проявить свою владычную власть и сделать нам надлежащее внушение и даже натягай задать; он же нас любовно принял, долго разговаривал с нами, сделал нам, действительно, надлежащее внушение, но в форме, нас обескураживающей: он говорил, что мы его ставим в тяжелое положение быть ходатаем как будто бы вынужденным, а не добровольным, говорил нам о нетактичности газетных обращений и т. п., но все-таки в конце концов выразил согласие походатайствовать за матросов, что и сделал.

Другой факт. Не без его, митр. Антония, влияния был издан закон от 15 августа 1905 года о свободе вероисповедания. И митр. Антоний очень заинтересовался мнением и отношением к этому закону духовенства. Как-то я однажды явился к нему по поручению одного кружка духовенства по какому-то делу, и он долго выпрашивал меня об отношении духовенства к этому закону.

Еще факт. Когда ему представлена была первая записка от «32», то он ее опять-таки не только не отверг и подававшим ее не читал суровых нотаций, но принял для передачи в Синод, много говорил об организовывающемся в те дни нашем кружке, давал различные практические советы и т. д.

Но все это и многое другое допускал покойный митр. Антоний не из желания подслужиться к духовенству ибо оно было в то время слишком невлиятельно даже в своих приходах, — не из надежды опереться на него в своей борьбе с Победоносцевым, ибо достаточно было в то время одного слова Победоносцева, чтобы раздавить этот кружок духовенства, — не из собственной слабости духовной, ибо он был человек сильного характера и большого влияния и авторитета. Допускал он все это при ясном сознании должного делания со стороны духовенства, т. е. того, что духовенство должно делать, что оно тогда начинало проявлять и того, что самым тактичным и для Церкви полезным было забрать начавшееся деловое движение духовенства в свои руки, руки митрополита, и тем самым дисциплинировать духовенство, отклонить его от возможных, для епархии нежелательных, а для самого духовенства, в лице некоторых его членов, опасных уклонений и выходов. Поэтому-то во все время управления епархией митр. Антонием духовенство городское было в полном сыновнем подчинении ему, в искреннем желании работать в духе и по указаниям его и не причинять ему горя или неприятностей.

Если и были со стороны некоторых из нас выходки непастырские и антидисциплинарные, как публичное заявление б. профессора Духовной академии известного архим. Михаила Семенова о его принадлежности к социал-демократической партии и его побег к старообрядцам

австрийского толка, или некоторые грубые и лично для него, митр. Антония, оскорбительные выпады о. Г. С. Петрова, то это были единичные исключения этих только двух лиц, за ними не только не пошел никто из духовенства, они не только не явили предлога для каких-либо выступлений или движения духовенства, но их все или, вернее, почти все, осудили, они у всех лишились симпатий, коими пользовались. Они дали повод лишь публично засвидетельствовать кружку «32» о своей полной пастырско-сыновней лояльности по отношению к митр. Антонию и вообще всему епископату. И я, по поручению своего этого кружка, написал и напечатал брошюру «О сущности обновления». В ней я пояснил, что кружок «32» стремится к обновлению церковной жизни, но на основах полной церковной каноничности, в духе жизни древней Церкви, в согласии и подчинении своему епископату, стремится возродить христианство первых веков с его соборностью и самодеятельностью.

Да, к нашему движению стали примазываться лица из духовенства, ничего общего с нами не имевшие. Во имя обновления, и как бы в полном согласии с нами, появились не столько у нас в епархии, — у нас были только единичные разговоры, не отливавшиеся ни в какую отчетливость и требовательность, — сколько по провинции требования подчинения епископов пресвитерианским советам, двубрачия духовенства, женатого епископата и кое-что другое в этом роде... Ничего из этого наш кружок не только не поддерживал, но себя от него всячески старался оградить, для чего спешил выработать и печатать свои записки, вышедшие впоследствии в отдельном издании.

Ставят митр. Антонию на вид известного епископа Антонина, возглавлявшего наше обновление 1922 года. Не знаю, каким образом этот Антонин в звании архимандрита попал в Питер: думаю, что так же, как в то время многие из этой братии оказывались здесь. Не удастся какому-либо архимандриту где-либо на административной или учительской работе в провинции, и посылали обычно такого в Питер или в Цензурный комитет, — кто поумнее и покнижнее, — или в консисторию — сидеть и заменять отсутствующих членов из протоиереев в подписях бумаг и указов. Кажется, таким же образом попал откуда-то с юга и архим. Антонин в Цензурный к нам комитет. Как остроумный, он невольно обращал на себя внимание, как книжный, он заслуживал повышений. Держал он себя за все время работы в Цензурном комитете вполне корректно; был принят в добрых семьях духовенства как умный собеседник; состоял членом разных комиссий и собраний.

Естественно, он не только не проявлял ничего, что бы говорило против его епископства, но все побуждало сделать его помощником для митрополита Антония. И в качестве епископа-викария он не либерализм проявлял, а строгость, суровость, требовательность, шумливые выговоры делал заслуженным протоиереям. Так, всем нам памятен случай, когда он приказал стать на колени в алтаре Исаакиевского собора ключарю церкви Воскресения на Крови о. прот. Николаю Родионовичу Антонову только за то, что тот произнес в соборе проповедь, не считаясь с цензурными пометками и замечаниями цензора — еп. Антонина. Что же касается того случая, что он, при служении литургии в Казанском соборе, в титуле царя сознательно опустил эпитет «самодержавнейшего», то это было только единственное проявление самости еп. Антонина, было оно в духе того времени, и если и говорит что-либо об Антонине, то только о его поспешности и, пожалуй, мальчишестве.

Могу определенно сказать, что во все время управления епархией митр. Антония к нему со стороны духовенства было полное уважение и покорное подчинение, боязнь причинить ему неприятность или оскорбить его. Дисциплина не была при нем расшатана или умалена, она была только облагорожена и держалась не на окриках и приказах его, но на сознании каждым из нас нашего долга и сыновнего к нему отношения. И он провинившегося старался не физически как-либо наказывать, но отечески вразумить. Мне, по моей молодой горячности и

полной доверчивости к людям, не раз приходилось быть вызываемым к митр. Антонию, и я всякий раз выходил от него не только не раздраженным, рассерженным или оскорбленным и подавленным, но конфузливо смущенным, нравственно усвоенным и бодрым, — с сознанием своей вины и причиненной мной ему, митрополиту, неприятности. Его беседы, начинавшиеся в таких случаях грозно и начальственно и кончавшиеся отчески просто, мило и наставительно, [были] убедительными, не только не вели к непослушанию и к расшатанности, но сильно обуздывали, вразумляли, заставляли задуматься над содеянным и во всем соглашаться с наставлениями митр. Антония. Вечная ему память...

Таким образом, ни в поведении питерского духовенства, ни в отношениях к нему митр. Антония не заключалось ничего, что бы могло повести или породить какую-либо церковную разруху. Как духовенство, так и митр. Антоний стремились лишь к одному: укрепить истинный строй жизни, надлежащую соборность, авторитет и идейную деятельность пастырства, в том числе и даже главным образом — епископата, оживлять всю церковную работу и церковное управление.

Не в митрополите Антонии дело, а в другом.

Питерское духовенство всегда считалось передовым, в лучшем идейном смысле этого слова. Вращаясь в кругу самой высшей идейной интеллигенции, и, естественно, в силу уже одного этого интересуясь и волнуясь не одними заботами о куске хлеба насущного и честолюбия, — особенно так называемых домовых церковей духовенство, количественно многочисленное, — с другой стороны, живя около центра высшей церковной власти и невольно подмечая все дефекты в устройении и ходе церковной жизни, питерское духовенство не могло не видеть всего тяжелого, для церковной жизни нежелательного и вредного, не болеть им и не желать и не стремиться к уничтожению его, к исправлению ненормальностей. Петроградское, а не московское или киевское духовенство... Московское духовенство было в окружении более купеческого, чем интеллигентского слоя, а киевское или других городов и этот имело малоинтеллигентным; оно не видело, а только лишь слышало о синодальных безобразиях. К тому же оно всегда жило более интересами практической жизни, чем парило вверх.

Это с яркостью обнаружилось в характере и содержании деятельности кружка московского духовенства, образовавшегося вслед и параллельно кружку питерских «32». Если последние работали главным образом в области установления нормальных высших принципов церковной жизни — соборности, патриаршества, прав и положения епископата, мирян и т. п., то первое дало в своем сборнике детали по вопросам о практическом положении духовенства и мирян в разных областях церковной жизни и управления. До первых лет XX столетия питерское духовенство молчаливо волновалось, горячилось и спорило в домашнем, так сказать, кругу, варились в собственном соку, а как только условия всей вообще нашей русской жизни представили возможность несколько посвободнее заговорить и безбоязненно не только за себя, сколько за услышание себя, за привлечение внимания к себе, — оно заговорило. Московское и прежде всегда было молчаливо. В Питере волновались с «Церковно-общественным вестником» — в Москве тихо и спокойно богословствовали в «Чтениях Общества любителей просвещения». В Питере горячились в Религиозно-философских собраниях — Москва волновалась разве лишь от чтения газетных сообщений и протоколов их. В Питере пастырские собрания по различным вопросам со смелыми научными и церковно-общественными построениями и выводами — в Москве тишь да гладь...

Итак, не в личности правящего епархией того или иного митрополита, а в многообразных условиях интеллектуально-бытовой, церковно-общественной, да и материальной жизни духовенства заключается источник того, что, начиная с первых лет XX столетия, петроградское духовенство всегда шло впереди по всем вопросам и интересам жизни, будило и направляло их,

волновалось и болело ими.

Естественно, как прежде, всегда и повсюду, так и у нас в Питере, шло все не только прямым путем и выливалось в правильные формы, принимало верные течения, но — уклонялось в сторону, порождало большие неправильности. Однако до появления современного обновления питерская церковная жизнь не нарушала правильного общецерковного уклада жизни, не проявляла себя уклонениями от нормальной дисциплины, не клонилась в сторону раскола. Доказательство этому — наша жизнь в первые годы после революции при митр. Вениамине.

Первые годы революции могли бы принести большое горе, разразиться большими неприятностями для Церкви епархиальной, проявить большую разладицу и раздоры, как в среде самого духовенства, так и во всей нашей церковной жизни, если бы время митр. Антония носило в себе зачатки и источник современной разрухи: именно тогда-то ей и естественнее всего было обнаружиться и показать себя. Но ничего подобного тогда не было. Духовенство проявило полное понимание всей серьезности положения, обнаружило сословную солидарность и надлежащую дисциплину. С 1918 по 1922 год не было ни одного случая, за который бы приходилось краснеть и который бы причинял вред Церкви.

Как появилось, чем было вызвано обновление наше, — это другой вопрос, на него когда-нибудь я постараюсь ответить, теперь ограничусь только тем, что написал...

1928 г.

- Печатается по: Священник М. Чельцов. Сущность церковного обновления. С.-Петербург, 1907.
- Не знаем и не можем.
- * Минувшее. Исторический альманах. М.-СПб., 1994, Вып. 17. С. 4

Александр Копировский: Александр Величанский

Поэзия

В кон. XIX – нач. XX веков Россия открыла для себя (и для всего мира) собственное древнее искусство — иконопись и храмовую архитектуру. Началась эпоха более или менее удачных ему подражаний: Владимирский собор в Киеве с росписями В. Васнецова и М. Нестерова, храм Спаса «на крови» в Петербурге, Исторический музей на Красной площади и Казанский вокзал в Москве, отдельные иконы, картины... Много было и литературных произведений этого направления. Н. Лесков, И. Бунин, А. Ремизов и другие воскрешали жития древних подвижников, Византию и «Святую Русь».

Вновь стала актуальной и собственно библейская тема. Она хлынула в нашу литературу в начале XX века, не пересыхала даже в годы советской власти (знаменитый роман «Мастер и Маргарита» М. Булгакова — «апология Иисуса Христа», «проташенная»-таки в печать в нач. 70-х), и вновь, хотя и с большими странностями, громко заявила о себе в перестроечное время («Плаха» Ч. Айтматова и др.). Это была именно библейская, а не только духовно-нравственная, христианская тема, как в романах Толстого и Достоевского. Авторы всерьез (или почти всерьез) писали свои «евангелия», наделяли новой жизнью героев Ветхого Завета. Иногда они подходили к подлиннику довольно близко, иногда — отходили от него, видимо, считая свои

трактовки лучшими. Но все-таки речь шла именно о трактовках.

А что вы скажете, дорогой читатель, когда прочтете знаменитый 136-й псалом «На реках Вавилонских», во-первых, стилизованным под древнерусские духовные стихи, а во-вторых (и это гораздо важнее) — с принципиально иной главной мыслью? Когда на риторический вопрос псалма «Како воспою песнь Господню на земли чуждей?» (в нашем тексте: «Как же Господу песнь воспеть / На земле, на безбожных?») неожиданно следует ответ: «... и 136-й псалом мы покорно пропели им...» (!). Это уже не своевольное толкование Библии, здесь — попытка увидеть сквозь нее наш собственный «Ерусалим-град» и его духовное «раззорение».

Впрочем, в стихах этого автора библейская и связанная с ней темы являют себя далеко не всегда столь шокирующим (в хорошем смысле слова) образом. В этом вы сможете убедиться, прочитав небольшую их подборку. Имя автора — Александр Величанский, известный поэт, автор нескольких сборников и переводчик Шекспира, Э. Дикинсон, К. Кавафиса, фольклорных текстов. А повод для напечатания его стихов — «круглая», хоть и печальная дата. Это случилось 7 лет назад, 10 августа 1990 года. «Трещина, пересекающая мир» (Гейне), прошла через его сердце в конце концов так, что оно остановилось. Излишне, думаю, объяснять, почему цифра 7 в данном случае несравнимо «круглее», чем 5 или 10.

Помянем же его с молитвой и любовью. И того, и другого никогда не будет слишком много.

А. Копировский

Александр Величанский

* * *

Как возродился все же

язычества мираж,

так возродиться, Боже,

Ты Своей вере дашь.

То рассветает, а не

смеркается впотьмах:

заря в своем тумане,

как Лазарь в пеленах.

* * *

На реках Вавилонских

там мы, сидячи, плакали,

помяная Сион-гору,

Сион-гору Господнюю —

помяная лишь памятно,

схоронив голоса в гортань,
по раkitам развесивши
наши гусли, пластири ли.
Полонившие нас в полон
говорили: «Воспойте нам
ваши песни сионские
со сионским веселием».

Как же Господу песнь воспеть
на земле, на безбожных?
и 136-й псалом
мы покорно пропели им:
«Коль забуду, Ерусалим,
я тебя на чужой земле,
пусть отсохнет рука моя,
крестно знамя творящая,
пусть язык закоснеет мой,
пусть ко горлу прилепится,
коль не станет Ерусалим
солью песни — веселия».

Да припомнится врагам,
как с весельем рекли они:
«Рушьте, рушьте до камушка
до пуста Ерусалим-град».

Дочери вавилонские,
век пребудьте бесплодные,
как бесплодна без нас земля,
вся земля иудейская.
А коль младня сподите,

пусть же враг, Богом посланный,
о камень разобьет его
раззорения нашего.

* * *

«Вечности день» велик —
к чему исканья
сравнений: миг,
звезда, песчинка, капля.
Суть величин
есть встреча на просторе:
«Здравствуй, песчинка!»,
«Здравствуй, капля в море!»

* * *

Нищий, годами сидевший у Красных ворот
Храма, был хром от рожденья и жил подаяньем.
Он попросил у Петра с Иоанном, и вот
те, углядевши в душе его свет покаянья, —
«Нету, — рекли, — у нас золота иль серебра,
но подадим от Исуса тебе исцеленье:
встань и ходи»... И колени его, как вода
тряские, мигом окрепли и, словно олень, он
ходит и скачет, как серна ль, у Красных ворот.
«Вот так хромой», — люд глядел, как скакал он средь пыли.
И многолетний обман заподозрил народ.
И исцеленного злыми камнями побили.

* * *

Под горчичными ветвями
им слетаться не дано —

птицам, что давно склевали
то горчичное зерно,
то, которое — всех мене,
а коль всеяно, дает
больше всех тенистой сени,
укрывающей полет.

* * *

Не в новом районе,
не в дальнем краю
таежном — нет, я
заблудился в раю,
где дерево жизни
среди чащи в ночи
от древа познания
поди отличи.

* * *

Не ведая про стыд,
но опуская веки,
понятия «прости»
не ведая пока,
праматерь говорит,
сорвав познание с ветки:
«Не век же Он ворчит,
и гневен не навеки,
и нас с тобой простит наверняка».

* * *

Поднимите взоры, лица —
без перстов касанья ясно:

только человек и птица
созданы крестообразно —
в пропасть тот свою стремится,
та — в заката позолоту —
только человек и птица
век обречены полету.

* * *

Свято место пусто
не бывает, но
если свято. Русь-то
вспять святить грешно.
Не бывала небыль.
Нет добра во зле.
Были кресты в небе,
а теперь в земле.

* * *

Так что ж нас ждет, скажи же ради Бога —
казенный дом иль дальняя дорога?
могила, что укромнее подлога?
Души ли взвесь — бишь смесь добра и зла?
— Гнедой огонь Пришествия Второго,
и белый дым Пришествия Второго,
и черный уголь Пришествия Второго,
и бледного безвременья зола.

* * *

Течет вода, но отраженье
на ней недвижно. Жизнь и есть
воды подспудное движенье

куда-невесть, куда-невесть.

А что же дальше. Бога ради,
скажи? — За треском тростников —
недвижный взор озерной глади,
и в нем движение облаков.

* * *

Человек одинок,
как в груди клинок.

Человек одинок
с головы до ног.

Человек одинок,
словно во вселенной Бог.

Оттого, что виноват
с головы до пят.

* * *

Высоко иль низко,
тяжко иль легко,
но пока Ты близко —
мы недалеко:

Ты — фитиль, мы воска
жар и холод враз,
пока словно воздух Ты
окружаешь нас.

Раньше или позже,
но в урочный час,
удаляясь, Боже,
оглянись на нас
еще не испитых

судьбою до дна,
пока даль путей Твоих
не отдалена.

7 августа 1990 г.